

Редъярд
КИПЛИНГ

Пак с
ВОЛШЕБНЫХ
ХОЛМОВ

Иллюстрации Сергея Любеева

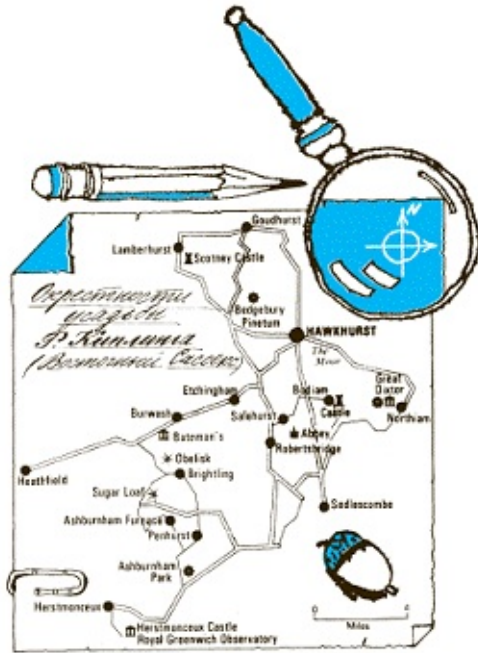
НОБЕЛЕВСКАЯ
ПРЕМИЯ · 1907

Annotation

Знаменитый английский писатель Редьярд Киплинг – лауреат Нобелевской премии по литературе, получивший ее за наблюдательность, яркую фантазию, зрелость идей и выдающийся талант повествователя. Книга "Пак с Волшебных холмов" имеет триумфальный успех и переведена на множество языков мира. Мудрый Пак рассказывает девочке Уне и мальчику Дану волшебные истории о феях и эльфах, императоре Максиме, герцоге Вильгельме и других исторических персонажах. Перевод Григория Кружкова и Марины Бородицкой сохранил все сказочное очарование оригинала, и книга станет открытием не только для детей, но и для взрослых.

- [Редьярд Киплинг](#)
 - [От переводчика](#)
 - [Меч Виланда](#)
 - [Молодежь в поместье](#)
 - [Искатели приключений](#)
 - [Старики в Пэвенси](#)
 - [Центурион тридцатого легиона](#)
 - [У Адрианова вала](#)
 - [Крылатые шапки](#)
 - [Гэл чертежник](#)
 - [Переправа «эльфантов»](#)
 - [Золото и закон](#)
 - [Рисованный комментарий](#)
-

Редьярд Киплинг
Пак с волшебных холмов

От переводчика

От Бэрваша до Баттла: Тропой Киплинга по Волшебным холмам

Была у меня одна авантюрная мысль: прежде, чем начать переводить книгу о Паке с Волшебных холмов, побывать в тех краях, которые описывает Киплинг. Это окрестности деревушки Бэрваш в графстве Сассекс. Там сейчас дом-музей, и хотя времена изменились, но места по-прежнему захолустные, глухие, и кто знает, вдруг и мне повезет встретиться с этим старым английским лешим, шутником и проказником Паком? Почему бы и нет! Разве мы не сроднились с ним, хотя бы отчасти, еще пятнадцать лет назад, когда я перевел балладу про Робина-весельчака – а это и есть одно из прозвищ Пака. В стихах он говорит от первого лица, похваляясь своей ловкостью и важным положением в волшебном мире духов:

Князь Оберон – хозяин мой,
Страны чудес верховный маг.
В дозор ночной, в полет шальной
Я послан, Робин-весельчак.
Ну, кутерьму Я подыму!
Потеха выйдет неплоха!
Куда хочу,
Туда лечу,
И хохочу я:
– Ха-ха-ха!

Книга Киплинга начинается с того, что Дан и Уна дают спектакль по шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь», причем Дан играет Пака. И настоящий Пак не выдерживает, является к ним, чтобы показать, как надо исполнять его роль. Может быть, если я продекламирую балладу о Робине там же, у склона Волшебного холма, он снова вылезет, чтобы меня поправить? Как знать! Один полководец говорил: сперва ввяжемся в бой, а там посмотрим.

Конечно, я все заранее изучил по карте: где какие холмы и горы, в какой стороне море и древний замок Пэвенси и как далеко от Бэрваша до поля битвы при Гастингсе, откуда нормандский воин сэр Ричард с саксонцем Хью вместе добирались до его поместья, причем раненый Хью шел пешком, а сэр Ричард ехал верхом. Они шли полдня через холмы и долины, днем и в лесной темноте, и лишь к полуночи добрались до цели. Приложив линейку к карте и учтя масштаб, я определил, что это не больше 15 миль, следовательно, если я буду проходить в час, скажем, по три мили, то я могу одолеть это расстояние за 5 часов. Мне казалось, что я обязан оттопать собственными ногами путь Ричарда и Хью, – лишь тогда мне по-настоящему откроется дух этой книги, дух славной истории Англии.

Итак, я наметил себе – после киплингского музея, как бы «на закуску» – пешеходную прогулочку до Баттла. Это имя, собственно, и означает «битва»; ведь нормандские войска под предводительством герцога Вильгельма только высадились с кораблей при Гастингсе, а само сражение с Гарольдом Смелым и его саксонским войском произошло намного севернее, где сейчас город Баттл и древнее Баттлское аббатство.

Кстати, о названии самого дома Киплинга. Он зовется Бейтманз-Хаус, что, вероятно, происходит от древнеанглийского слова «батман» – моряк. Так и будем его величать: Батман, или Дом Моряка.

Я поделился своими планами с Хилари и Полом – друзьями, у которых я гостил в Лондоне. Дескать, субботу и воскресенье собираюсь посвятить паломничеству по киплингским местам. И примерно описал свой будущий маршрут.

– К чему так сложно – метро, вокзал, поезд, автобус? – сказал Пол. – В субботу я еду с друзьями по цветочки в Западный Сассекс. Выедем пораньше, заброшу тебя по дороге в Бэрваш.

Тут мне хочется объяснить, что значит для Пола поехать «по цветочки». Если вы думаете, что речь идет о каких-нибудь букетах, венках из одуванчиков и прочих сентиментальных вещах, то это, конечно, вздор! Пол – любитель-ботаник, его цель – найти редкое растение. Не сорвать, упаси боже, а просто увидеть, может быть, сфотографировать, записать в блокнот. Вот уж кто неутомимый ходок! Чем дальше приходится идти «за цветочками», тем ценнее. Лучше всего по горам. Поэтому в отпуск Пол уезжает туда, где местность подичее и покруче, – в Уэльс, в Анды, в Гималаи. С фотокамерой и определителем растений.

«Я дружбой был, как выстрелом, разбужен», – сказал кто-то из поэтов. Вот именно, что как выстрелом. Это при моей-то привычке поспать подольше! Еще и жаворонки не пели (а поют ли они вообще в Ричмонде – вот вопрос), как мне пришлось вскакивать на ноги и, наскоро проглотив чашку кофе, залезать в машину. И мы помчались!

Ехать с Полом – это запоминается на всю жизнь. Дело в том, что мой друг Пол – человек совсем особенный: он все делает в два раза быстрее, чем другие люди. Одевается ли он, готовит завтрак, звонит по телефону, читает карту или газету, ходит, умывается, ремонтирует калитку – все у него происходит в другом темпе, чем у простых смертных. Кажется, что и часы у него на руке тикают в два раза быстрее. Однако, пока дело касается таких простых вещей, это ничего и даже мило. Но вот вы садитесь с ним в машину и вдруг осознаете, что и машину он водит в два раза быстрее, чем другие люди! А это уже не шутка.

Один наш общий друг после совместной экскурсии с Полом (в течение которой он как-то судорожно острил на заднем сиденье, крест-накрест пристегнувшись ремнями безопасности) признался мне потом по секрету, что всю дорогу вспоминал, какие он дела успел доделать, а какие так и останутся навек недоделанными...

А я думал совсем о другом. В то раннее утро, пока мы с Полом летели по узким английским проселкам, я перенесся мыслями на сто лет назад, в октябрь 1899 года, когда мистер Хармсворт, основатель газеты «Дейли мейл» и друг Киплинга, впервые подкатил к его дверям на одном из первых в Англии авто. В ту пору семейство Киплингов было озабочено подыскиванием дома в деревне, чтобы поселиться там всерьез и надолго. Автомобиль показался им идеальным средством поисков.

«Это была двадцатиминутная прогулка. Вернулись мы белые от дорожной пыли, оглушенные шумом двигателя. Но с того часа

отрава начала действовать. Вскоре с помощью какого-то брайтонского агентства мы наняли одноцилиндровый, ременно–при водной, с каретными рессорами и откидным верхом „эмбрио“, который мог развивать скорость до восьми миль в час. Это стоило (включая оплату водителя) три с половиной гиней в неделю. Наша дорогая тетушка, не боявшаяся ничего на свете, воскликнула: „А как же я!“ Та к что в наши поисковые экспедиции мы стали ездить втроем... Вместе с горсткой других отчаянных первопроходцев нам пришлось принять на себя первый взрыв общественного негодования. Графы, привставая в своих изящных ландо, бросали нам вслед ужасные проклятия. Цыгане, дамы в двуколках, пивовары на тяжелых фургонах – казалось, весь мир (за исключением несчастных терпеливых лошадей) громогласно возглашал нам анафему...

Спустя некоторое время я купил машину с паровым двигателем, называвшуюся „локомобиль“... Она довела нас до грани полного изнеможения и истерии... Именно на этом злосчастном „локомобиле“ мы и подъехали впервые к „Дому Моряка“».

Р. Киплинг. Кое-что о себе. 1936

Когда мы подъехали к Бейтманз-Хаус на своем серебристом пикапе, было еще довольно рано. Абориген в резиновых сапогах и с палкой в руке объяснил нам, что музей откроется в десять. За идеально подстриженной зеленой изгородью виднелся огромный дом постройки шестнадцатого века. Напротив, через дорогу, рос высоченный дуб, ровесник дома, а рядом на зеленом выгоне паслись два симпатичных белых ослика. Это были «киплинговские» ослики; они не возили телег, а просто жили здесь по традиции, как живые экспонаты. Мы не замедлили сфотографироваться вместе с ними.

Наши четвероногие спутницы, Полли и ее дочка Нелл, выскочив из машины, с ликованием носились вокруг. Их древняя кровь – они принадлежали к редкой спаниельской породе с чудным названием «кавалеры короля Карла» – почуяла родную обстановку: тут пахло веком Якова Стюарта и Карла I.

Мы подошли к мостику и заглянули вниз – густая зелень деревьев скрывала ручей. Тот самый, по которому плавали Дан и Уна!.. И я вновь обернулся, чтобы полюбоваться Домом.

С первого момента, едва Киплинг со своей абордажной командой увидели этот дом, решение было принято. «Это он! Он! Единственный и неповторимый!» – шепнула им Судьба.

«Мы вошли и сразу почувствовали, что его дух – фэн-шуй – благоприятен. Мы прошлись по всем комнатам и нигде не обнаружили ни тени застарелой тоски или притаившихся бед, никакое зло не витало над этим домом, хотя его „новой“ части было уже триста лет».

К сожалению, хозяин дома сказал им, что он только накануне сдал усадьбу на двенадцать месяцев. Они продолжали поиски, или делали вид, что продолжали, но через год, едва дом освободился, поехали и моментально его купили.

«Когда сделка совершилась, продавец сказал: „А теперь позвольте вас спросить. Как вы собираетесь добираться на станцию и обратно? Это около четырех миль, и, чтобы взобраться в гору, мне приходилось пристегивать вторую пару лошадей“. – „Я рассчитываю вот на это хитроумное изобретение“, – отвечал я с сиденья своего „ланчестера“. – „Да ну, это несерьезно“, – хмыкнул хитрец. Лишь годы спустя, когда мы встретились вновь, он признался, что если бы знал то, что я уже тогда предвидел, то запросил бы с меня вдвое дороже. Через три года мы и вспоминать перестали о железнодорожной станции. А через семь

лет мой шофер в ответ на сетования какого-то гостя, приехавшего в маломощной „жестянке“, сделал большие глаза: „Холмы? Да нет на Лондонской дороге никаких холмов“».

Между прочим, я потом видел последнюю машину Киплинга в его гараже – «роллс-ройс» тридцатых годов, огромный, как броневик. Лауреат Нобелевской премии, он мог себе позволить такую роскошь.

Музей, как и обещали, открылся в десять. К тому времени Пол и его лохматые подруги, попрощавшись со мной, укатили на встречу с друзьями-ботаниками, а я, осмотрев дом, – действительно добрый и совсем не мрачный, несмотря на старинную тяжелую мебель, – поднялся в кабинет директора, чтобы попросить его показать карту усадьбы и ее окрестностей. Если таковая найдется.

Таковая нашлась. Я наспех перечертил к себе в блокнот основные ориентиры: Мельничный ручей, саму Мельницу, Волшебный холм, Омут Выдры и так далее. Это все реальные места вблизи киплинговского дома, перекочевавшие потом на страницы его книг.

«О деревушке в один ряд домов, что на холме, мы знали только, что ее жители происходили от контрабандистов и овцекрадов, более или менее остепенившихся за последние три поколения...

Среди местных старожилов был один, лет семидесяти, браконьер по наследству и по призванию... вскоре он стал нашим важным советчиком и опорой. В поздние свои годы – а дожил он до восьмидесяти пяти лет – старик любил вспоминать прошлое (вроде как я сейчас), и рассказов его хватило бы на много томов. Он говорил о любви, драках, кознях, об анонимных доносах неких „грамотеев“ и о мстительных заговорах, осуществленных с восточным коварством. О браконьерстве он знал все... Его саги были украшены картинами Природы, описаниями ночей и рассветов, таинственных возвращений и гениальных алиби,

придуманных нагишом у очага, пока сушится одежда, и о новых вылазках под покровом сумерек. Его жена, привыкнув к нам за десять лет, могла порассказать многое о своем прошлом, включая волшбу, колдовство и приворотные зелья, пользовавшиеся спросом в округе вплоть до шестидесятых годов... Она умерла в возрасте девяноста лет и до конца сохранила такт, манеры и даже, несмотря на свой маленький рост, осанку настоящей герцогини».

Таковы были прототипы сторожа Хобдена и его жены. Что касается замысла всей книги, то он рос постепенно, по мере того, как писатель осознавал, сколько пластов истории, сколько загадок и сюжетов таит в себе земля, на которой он поселился. Началось с пустяков. Однажды рыли колодец и на глубине семи метров нашли курительную трубку времен короля Якова и латунную ложку кромвелевского солдата, а еще ниже – бронзовый нащечник от римской конной узды. Во время очистки пруда вытащили две елизаветинских пивных кружки и – из гущи придонного ила – топор каменного века «лишь с одной щербинкой на по-прежнему грозной полированной кромке».

Вот почему Киплинг ничуть не удивился, когда его кузен Амброуз Пойнтер предложил ему написать повесть о римском владычестве в Англии. «Пусть там будет старый центурион, рассказывающий детям о том, что ему довелось пережить».

«„А как его звали?“ – немедленно спросил я, любя во всем конкретность. „Парнезий“, – ответил кузен, и это имя застряло у меня в голове...»

У самого края нашей земли, в маленькой долине, ведущей из ниоткуда в никуда, лежала большая груда заросшего бурьяном шлака – развалины древней кузницы, бывшей в деле, вероятно, со времен финикийцев и римлян вплоть до середины восемнадцатого века. Дрок и папоротник все еще скрывали разбросанные железные чушки, и, если снять несколько дюймов

обгрызенного кроликами дерна, можно было увидеть прорыжелый, прокаленный насквозь грунт и две узкие колеи от плавильной печи, построенной еще в елизаветинские времена. Дорога-призрак, которая начиналась тут, в этой мертвой ложбине, и, выбравшись наверх, пересекала наши поля, была известна в округе как „Пушечный волок“ и обычно связывалась с памятью о Великой армаде. Казалось, каждый уголок этой земли кишел призраками и тенями. Вскоре нашим детям вздумалось исполнить для нас отрывок из „Сна в летнюю ночь“ – прямо под открытым небом. А потом один наш друг подарил им лодку из березовой коры, с осадкой в воде около трех дюймов, и они занялись исследованием ручья. А на ближайшем к нам заливном лугу лежали загадочные Ведьмины кольца.

Видите, как терпеливо перетасовывались карты и как они сами ложились мне в руки? Старые духи нашей Долины вмещивались так или этак во все наши дела. Земля, Вода, Воздух и Люди как будто сговорились (теперь-то я вижу), чтобы дать мне вдесятеро больше материала, чем я мог использовать, если бы даже я писал полную историю Англии – в той мере, в какой она коснулась наших мест».

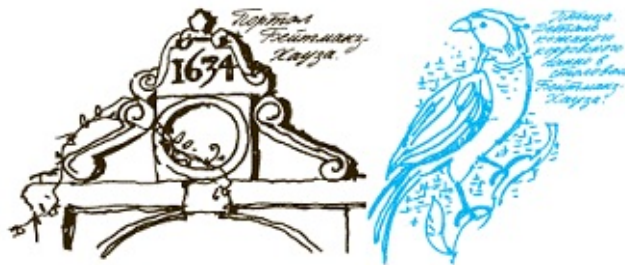
Обе киплингские книги о Паке (как раньше его же «Книга джунглей») имели триумфальный успех. Уже при жизни писателя они были переведены на двадцать семь языков! А начиналось все здесь, в этой маленькой долине, у подножия этого холма, на берегах Мельничного ручья, вдоль которого ведет экскурсионная тропинка с калиткой и указателем: «Продолжение осмотра». А вот и Малая Мельница – «самое распрекрасное место» для игр в дождливый день. Она отреставрирована умельцами из окрестных мест – тщательно и совершенно бескорыстно. Картины и схемы на стенах рассказывают о мукомольных колесах и жерновах. Все в порядке, все как должно быть; и только никто больше не огласит чердак кровожадным пиратским кличем и никто не высунется из маленького

«Утино окошко» посмотреть, перестало ли моросить на улице или нет. Есть туристы, приходящие сюда «вразброд и парами», есть лавочка сувениров внизу, неподалеку от входа, есть даже я, невесть каким ветром занесенный сюда гость из России. И только нет девочки Элси и мальчика Джона – тех самых Уны и Дана, встречавшихся здесь с Паком, с Гэлом-чертежником и с Хобденом...

Они были погодки, Элси и Джон, она родилась в 1896 году, а он в 1897-м. Значит, сколько ему было, когда он погиб во Фландрии, в бою при Лоосе 27 сентября 1915 года? Восемнадцать лет.

Я выхожу и смотрю – сперва на солнце, потом на часы. Уже около двух, пора в путь. С легкой сумкой на плече и с картой в руке я иду сперва по тропе, а потом по асфальтовой узкой дороге через холмы – чем дальше, тем пустыннее кругом.

Сельская глубинка – холмы и леса, и очень редкие следы жилья. Я запыхался скорей, чем думал. Тут вот в чем секрет: когда развертываешь карту на столе и на коленях, дорога кажется короткой, как мизинчик, и плоской. А когда начинаешь шагать, она вдруг забирает вверх – да так круто, как нос фрегата, идущего против ветра в шторм! – а потом скатывается вниз – и снова вверх – и снова вниз... В общем, выходит совсем не то, что идти по равнине. И хотя с холмистых вершин открывается захватывающий вид на центральный гористо-лесистый Сассекс (Вильд – старинное название этого края), но через три часа я понял, что все-таки необходимо схитрить.

В конце концов (подумал я), пройдено уже больше половины пути, и если я сейчас проголосую и доеду до Баттла на попутке, кому какое дело? Можно будет рассказывать, что проделал весь путь пешком, и я имею на это моральное право, потому что, во-первых, уж больно горки крутые и, во-вторых, остались какие-то миль шесть – мелочь, которая принципиального значения не имеет.

Приняв такое решение, я стал оглядываться на ходу и делать всякие

приветливые знаки обгонявшим меня машинам. Машин шло мало: три-четыре за час, не больше. Очень скоро стало ясно, что занятие это бесперспективное, никто не станет останавливаться на пустынной дороге: идешь себе и иди, раз тебе надо. Логично. Вскоре я отчаялся голосовать – и сразу взбодрился. Я шагал с какими-то новыми силами в душе и в ногах, горланя разные стихи и песни. В том числе и балладу о Паке:

С тех пор, как Мерлин-чародей
На свет был ведьмою рожден,
Известен я среди людей
Как весельчак и ветрогон.
Но кончен час
Моих проказ,
И с первым криком петуха
Меня уж нет,
Простыл и след,
Ищите ветра: – Ха-ха-ха!

И тут очередная машина (я сошел на обочину, чтобы пропустить ее) неожиданно остановилась.

– Вас подвезти?

Я не заставил себя упрашивать и, поблагодарив, сел рядом с водителем – весьма пожилым джентльменом с рыжей бородкой и ручьиисто-голубыми глазами. Разговорились, как водится. Я назвал свое имя, а он свое.

– Даллингтон? – с удивлением переспросил я. Так называлось поместье, которое Хью получил от Де Акилы.

– Дик Даллингтон, именно так. Я ведь из этих мест.

Оказывается, он заприметил меня еще раньше, у киплинговского дома, куда приезжал навестить внука, работающего в музее. Мистер Даллингтон и сам проработал в нем много лет, а теперь на пенсии.

Он удивился, узнав, что я из Москвы. Из такого далека! Откуда же вы знаете здешние места? Ах да, карта. И компас. Чудеса!

– А я живу в Баттле, – поведал он. – Битва при Гастингсе, слышали? Там есть экскурсии в Баттлском аббатстве. Показывают место битвы. Вы можете успеть, они закрываются позже.

Через какие-нибудь десять – пятнадцать минут мы были в Баттле, и мой чудный старик подкатил прямо к кассе музея. Я спросил его, не хочет ли он составить мне компанию.

– Да нет... я там бывал – давно... – загадочно ответил он и уехал.

Два часа спустя я сидел в поезде, идущем в Лондон. Я рассматривал свои сувениры: шелковую закладку с вышитой на ней «Песней контрабандистов» и книги о Киплинге. В одной из них лежало несколько сорванных возле Дома Моряка листьев – дуб и терн. Листья ясеня я срывать не стал, чтобы ненароком не натворить колдовства и не позабыть всего, что я увидел в этой поездке. Правда, с Паком мне не удалось повстречаться. Но я почему-то думаю, что он все-таки сопровождал меня в этот день – неслышно и незримо.

Григорий Кружков

Меч Виланда

Песня Пака

Вон, видишь, через дальний луг
Неровный след ведет?
Там пушки волокли на юг —
Встречать испанский флот!

Вон, видишь, жернова стучат
На ближнем бережку?
Лет восемьсот еще назад
Мололи здесь муку

Вон там, среди густых дубрав,
В лощине под горой
Саксонцы в бой пошли, прорвав
Норманнов тесный строй!

Вон там, за той грядой холмов,
Где ветер и туман,
Альфред с ватагой храбрецов
Громил и гнал датчан.

А там, на склонах, где стада
(И в каждом – рыжий бык),
Там город был, еще когда
И Лондон не возник!

Полуразмытый видишь вал,
За ним – крутой обрыв?
Там Цезарь лагерем стоял,
Из Галлии приплыв.

А видишь, вьется по холмам
Загадочный зигзаг?
То Каменного Века шрам,
Стоянки древней знак.

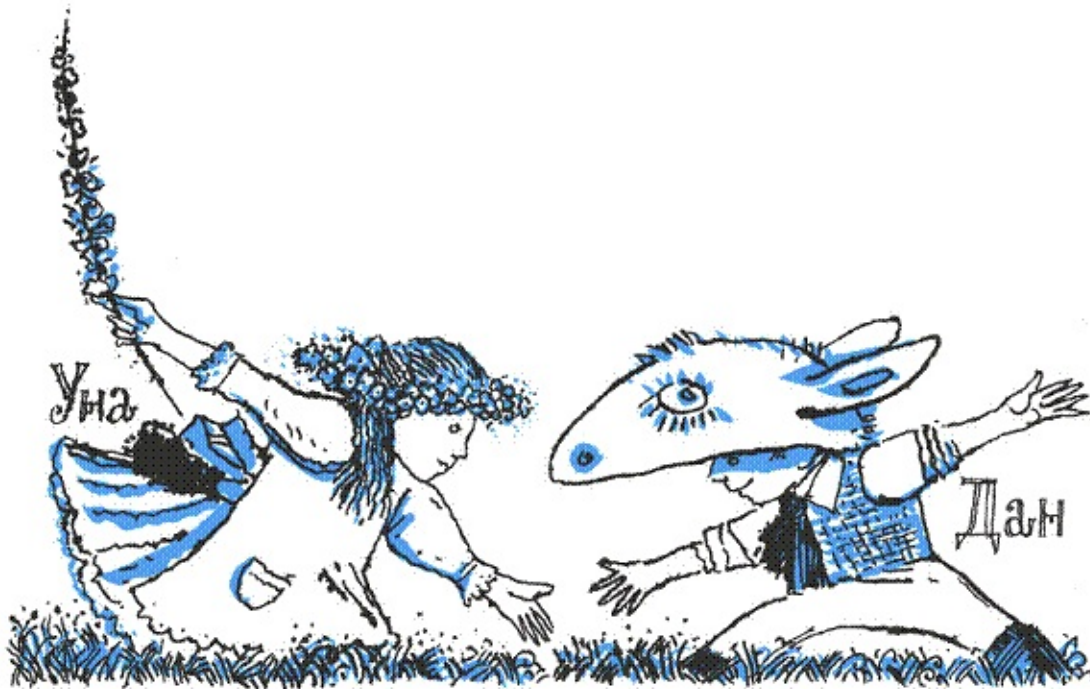
Забытый храм, заросший след
Средь высохших болот,

И дух веков, и прах побед, —
Здесь Англия живет!

Не просто луг, не просто лес,
Не остров, не страна —
Край Мерлина, земля чудес
В наследство нам дана.

Зрителями были три коровы. Ребята разыгрывали перед ними «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Конечно, не целиком: всю комедию они бы не смогли запомнить; но отец сильно сократил ее, сделав из большой пьесы маленькую, и дети репетировали с ним и матерью до тех пор, пока не выучили свои роли наизусть.

Они начали с того места, когда ткач Основа выходит из кустов с ослиной головой на плечах и застаёт королеву фей Титанию спящей. Затем они переходили к той сцене, где Основа просит трех маленьких феечек почесать у него в голове да еще принести ему лесного меду, а заканчивали там, где он засыпает в объятиях Титании. Дан играл за Пака, за Основу и за всех трех феечек. Пака он представлял в матерчатой шапочке с пушистыми острыми ушками, а Основу – в ослиной голове из бумажного абажура, оставшегося от Рождества; приходилось играть очень осторожно, чтобы голова не лопнула. Уна – в венке из синего водосбора с волшебной палочкой из наперстянки – исполняла роль Титании.

Театр располагался на лугу, который назывался Длинным Скотом. Узкий мельничный ручей, доставлявший воду на ближайшую мельницу, огибал его с одного угла, и как раз напротив излучины лежал Ведьмин Круг – большой круглый участок пожухшей травы, который и служил ребятам сценой. Берега ручья, заросшие ольхой, ивой и шиповником, образовывали естественные кулисы, где было удобно дожидаться своего выхода. Сам Шекспир (так сказал один взрослый, видевший это место) не придумал бы лучшей декорации для своей пьесы.

Разумеется, детям не разрешили давать представление ночью – в ту самую колдовскую Купальскую ночь, когда и происходят все чудеса у Шекспира; но они выбрали час после полдника, на склоне дня, когда тени растут, – и отправились на луг, захватив с собой кое-что перекусить: хрустящее печенье, крутые яйца и соль в пакетике.

Три коровы, уже подоенные, целеустремленно паслись, оглашая луг мощным чавканьем, и вдали раздавался шум работающей мельницы, похожий на шлепанье босых пяток по утоптанной дороге. Обленившаяся июльская кукушка изредка пыталась подать голос с перекладины ворот, да хлопотливый зимородок то и дело перелетал с одной стороны ручья на другую. За исключением этого, вокруг царили тишь и дрема, пахло таволгой и нагретой сухой травой.

Спектакль удался на славу! Дан замечательно помнил все свои роли: Пака, Основы и трех феечек, и Уна не сбилась ни разу – даже в том трудном

месте, где она велит кормить Основу «плодами спелых фиг и абрикосов, крыжовником, клубникой, куманикой» – ну и так далее. Они были так воодушевлены, что сыграли пьесу три раза подряд – от начала до конца. Потом присели на траве в центре Ведьминого Круга на чистом от колючек месте и достали ужин; как вдруг чей-то свист раздался в прибрежном лозняке, так, что они сразу вскочили на ноги и обернулись.

Кусты раздвинулись. И вот, на том самом месте, где Дан играл Пака, они увидели маленького смуглого широкоплечего человечка с острыми ушами, вздернутым носом, косящими голубыми глазами и ухмылкой, от уха до уха расплывавшейся по его лукавой веснушчатой физиономии. Он вдруг посуровел, наморщил лоб, как будто бы застал Буравчика, Рыло и Основу за репетицией «Тисбы и Пирама», и голосом гулким, как мычание недоеной коровы, продекламировал:

– Что за невежи этак расшумелись
Вблизи от ложа королевы фей?

Он остановился, приставил ладонь к уху и, хитро подмигнув, продолжил:

– Никак дают комедию? Ну что же!
Послушаю, – а то и сам сыграю.

Ребята смотрели на него, раскрыв рты от удивления. А человечек – он был не выше Данова плеча – невозмутимо вошел внутрь Круга.

– Я нынче не совсем в форме, – сказал он. – Но роль мою нужно играть примерно так.

Все еще онемев, ребята разглядывали его всего – от темно-синей шапочки, похожей на цветок водосбора, до босых мохнатых ног.

– Ну что вы так уставились? – спросил он, рассмеявшись. – Такой уж я есть. А вы каким ожидали меня увидеть?

– Мы никого не ожидали, – вымолвил наконец Дан. – Это наше поле.

– Неужели? – удивился пришелец, усаживаясь на траву. – Так какого же лешего вы трижды подряд сыграли «Сон в летнюю ночь» в канун колдовской Купальской ночи, в середине Ведьминого Круга, да еще у подножия одного из самых старых холмов Старой Англии? Это же Холм Пака – Волшебный Холм. Вы что, и этого не знали?

И он указал на пологий, заросший папоротником склон холма на другой стороне Мельничного ручья. Дальше по склону начинался лес, а за ним виднелись холмы еще выше – вплоть до Сигнальной Горы высотой не меньше 500 футов, откуда открывался широкий вид на равнину Пэвенси, и на Ла-Манш, и на отдаленные всхолмья Саут-Даунз.

– Клянусь Дубом, Ясенем и Терном! – весело воскликнул он. – Если бы это случилось несколько лет назад, весь Народ С Холмов слетелся бы сюда, как пчелиный рой!

– Мы не знали, что так делать не годится, – смутился Дан.

– Не годится?! – Человечка просто затрясло от смеха. – Еще как годится! Да понимаете ли вы, что все короли, рыцари и ученые в прежние времена отдали бы все свои короны, шпоры и книги, чтобы научиться тому, что вы сейчас невзначай совершили. Да помогай вам сам волшебник Мерлин, и то не вышло бы лучше. *Вы разверзли Холмы* – понимаете? Такого не случалось тысячу лет.

– Мы... мы не нарочно, – пролепетала Уна.

– Вот именно, что не нарочно! Поэтому у вас и получилось. Жаль только, что Народ С Холмов давно покинул эти места. Я единственный, кто остался. Я, Пак, старейший из старых духов Англии, – к вашим услугам. Конечно, если вам угодно знаться со мной. Если же нет, достаточно слова, и я исчезну.

Он замолчал, испытующе глядя на ребят. Глаза его были теперь очень добрыми и серьезными, лишь в уголках губ таилась озорная улыбка.

– Не уходи, – сказала Уна, протягивая ему руку. – Ты нам нравишься.

– Угощайтесь, – предложил Дан и протянул Паку помятый кулек с яйцами и печеньем.

– Клянусь Дубом, Ясенем и Терном! – вскричал Пак, сдергивая с головы свою синюю шапочку. – Вы тоже мне нравитесь. А ну-ка, Дан, посоли мне это печенье, да покруче, и мы съедим его пополам, чтобы

развеять все сомнения. Видишь ли, некоторые из наших боятся соли, или подковы над дверью, или рябиновой ветки, или проточной воды, или холодного железа, или колокольного звона. Но я – другое дело, я – Пак, и этим все сказано!

Он тщательно отряхнул крошки – сперва с курточки, а потом с ладоней.

– Мы с Даном всегда думали, что если такое случится... ну, такое, – нерешительно произнесла Уна, – то уж мы никогда не растеряемся. Но теперь...

– То есть если мы встретим фею или эльфа, – пояснил Дан. – Правда, я в них никогда не верил. Разве что в детстве, когда мне еще не было шести лет.

– А я верила, – призналась Уна. – Ну, наполовину верила. Еще до того, как выучила наизусть «Прощание с феями». Знаете это стихотворение?

– Про подарки фей – ты это имеешь в виду? – уточнил Пак. Он торжественно откинул назад голову – и продекламировал:

Где вы теперь, подарки фей,
Где добрые хозяйки?
Теперь живут всех веселей
Неряхи и лентяйки.

(Подхватывай, Уна!)

Что толку холить свой очаг,
О чистоте радея?
Ведь шестипенсовик в башмак
Вам не подложит фея.

Звучное эхо раскатилось над лугом.

– Еще бы мне не знать! – заключил Пак, довольный произведенным эффектом.

– Там был еще куплет о Кольцах и Кругах, – вспомнил Дан. – Мне всегда становилось грустно, когда доходили до этого места.

– Ну как же! Помню! – И голосом громким, как церковный орган, Пак продолжил стихи:

На этих кольцах и кругах,
По их волшебной вере,
Они плясали на лугах
В дни королевы Мэри.

Но вот пришла Элизабет,
За ней – суровый Яков,
И затерялся эльфов след
Меж лютиков и маков.

– Давно я не слышал этой баллады, да что уж говорить: все так и есть. Народ С Холмов покинул эти места. Я помню, как они появились в Старой Англии, и помню, как они исчезли. Великаны, тролли, водяные, лешие, гоблины, оборотни; лесные, древесные, земляные и водные духи, обитатели болот и пустошей, хранители кладов, всадники ночей, обитатели холмов, маленький народец, брауни и лепрешоны, гномики и бесенята... – никого из них не осталось! Но я пришел в Англию вместе с Ясенем, Дубом и Терном, и только вместе с Ясенем, Дубом и Терном я уйду отсюда.

Дан окинул взглядом луг и увидел разом и любимый дуб Уны, росший возле полевых ворот, и цепочку ясеней вдоль мельничного пруда, где водилась выдра, и старый, с перекрученным стволом, колючий терн, о который три коровы частенько чесали свои бока.

– Все в порядке, – сказал он и добавил: – К тому же я посадил целую кучу желудей прошлой осенью.

– Выходит, что ты ужасно старый? – спросила Уна.

– Не то чтобы старый, а довольно-таки пожилой, как говорят в народе. Дай-ка сообразить... да, мои друзья выставляли мне на ночь мисочку молока, еще когда только-только построился Стоун-хендж. Задолго до того, как люди каменного века вырыли ров и насыпали вал в Чантобери.

– О! – воскликнула Уна, стиснув руки и энергично потрянув головой.

– Она что-то придумала, – пояснил Дан. – Она всегда так делает, когда у нее рождается какая-нибудь идея.

– Я подумала... А что, если нам оставлять для тебя немного каши от ужина на чердаке? В детской могут заметить.

– То есть в классной, – быстро поправил Дан, и Уна покраснела: между ними уже давно существовал молчаливый уговор не называть больше классную комнату детской.

– Премного благодарствую, добрая душа! – ответил Пак. – В один прекрасный день из тебя выйдет славная, заботливая хозяйюшка. Но, право слово, я пока не нуждаюсь в подаянии. Если я когда-нибудь совсем останусь без куска хлеба, вот тогда я обращусь к вам, будьте уверены.

Он небрежно растянулся на сухой траве, и дети растянулись рядом с ним, беззаботно болтая в воздухе босыми ногами. Они почувствовали, что им нечего стесняться своего нового друга. С ним было так же просто, как со стариком Хобденом – сторожем. Он не докучал им взрослыми вопросами, не подшучивал над ослиной головой из бумаги, а просто лежал себе рядом и улыбался с понимающим видом.

– У вас есть нож? – спросил он немного погодя.

Дан передал ему свой складной ножик с одним лезвием, и Пак принялся вырезать кусок дерна из самой серединки Ведьминого Круга.

– Это для чего – для колдовства? – догадалась Уна, глядя на шоколадный с изнанки квадрат, выдернутый Паком за травяной «чубчик».

– Вроде того, – отвечал он, вырезая еще один такой же квадрат из дерна. – Видите ли, я не могу просто так впустить вас в страну Народа С Холмов, хотя они и давно покинули эти края. Но если вы решитесь *воспринять от меня владение*, я смогу вам показать кое-какие

необыкновенные вещи.

– Как это – воспринять владение? – с опаской спросил Дан.

– Это старый обычай, совершавшийся при продаже и покупке земли. Нужно было вырезать кусок дерна и передать его из рук в руки – только тогда новый хозяин мог вступить во владение землей. Вот так! – И он протянул ребятам куски дерна.

– Но ведь это – наш луг, – удивился Дан. – Ты что, хочешь отколдовать его себе?

Пак засмеялся:

– Да, конечно, это ваш луг. Но в нем заключено куда больше, чем вы или ваш отец можете себе вообразить. Ну, рискните!

Он перевел взгляд на Уну.

– Я согласна, – сказала она. Дану осталось только последовать ее примеру.

– Итак, по обычаю и закону, – торжественно, нараспев произнес Пак, – вы вступили во владение всей Старой Англией. Клянусь Ясенем, Дубом и Терном! – *вы можете всюду ходить и внимать и все, что хотите, узреть и узнать.* Я буду вашим провожатым. Вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, – хотя бы это случилось три тысячи лет назад. И вы не будете ведать ни сомнений, ни страха. Ну, держитесь! Держитесь, что бы ни произошло!

Они зажмурились на минуту, но ничего не происходило.

– И что же? – разочарованно молвила Уна, открыв глаза. – Я думала, что появятся драконы.

– «Хотя бы это случилось три тысячи лет назад», – напомнил Пак и для убедительности сосчитал на пальцах. – Но три тысячи лет назад драконов, к сожалению, еще не было.

– Вообще ничего не случилось, – сказал Дан.

– Не торопись, дуб не в год вырастает, – заметил Пак. – А Старая Англия будет постарше, чем двадцать дубов. Посидим-ка да подумаем. Я могу этак призадуматься хоть на сотню лет.

– Ну да, ты же эльф! – заметил Дан.

– Разве я хоть раз произнес это слово? – резко спросил Пак.

– Нет. Ты говорил о Народе С Холмов, но ни разу не упомянул ни фей, ни эльфов.

– А как бы вам понравилось, если вас все время называть «смертными», или «человечьим отродьем», или «сыновьями Адама», или «дочерьми Евы»?

– Совсем бы не понравилось, – отвечал Дан. – Так джинны и ифриты говорят в «Тысяче и одной ночи».

– Вот и мне не нравится, когда меня называют... этак. К тому же те, о которых вы толкуете, – придуманные существа, о которых Народ С Холмов и слыхом не слыхивал, – все эти жужелицы со стрекозиными крылышками, в прозрачных юбочках, с их сияющими звездочками в волосах и волшебным жезлом, похожим на указку, которым они наказывают гадких мальчиков и награждают хороших. Знаю, знаю...

– Мы, конечно, не таких имели в виду, – смутился Дан. – Этих мы и сами терпеть не можем.

– Вот именно! – воскликнул Пак. – Неужели вы думаете, Народу С Холмов не обидно, когда его смешивают с этим размалеванным, робким и жеманным племенем самозванцев? Стрекозиные крылышки? Ха-ха! Видел я, как Сэр Хьюэн выезжал из замка Тинтаджел, отправляясь в Гибразильский поход. Ураган с юго-запада хлестал брызгами в лошадиные морды, и волшебные Кони С Холмов хрипели, вставая на дыбы. Улучив секунду затишья, они вырвались из замка, крича, как стая чаек, и тут же их отнесло за пять миль от берега, прежде чем им удалось развернуться лицом к ветру. Стрекозиные крылышки? Как бы не так! Это было Колдовство – самое черное Колдовство, какое только мог измыслить Мерлин. Все море было в зеленом огне и белой пене, и девы морские пели над водами. А Кони С Холмов скакали по гребням волн при вспышках молний!.. Вот оно как бывало в старину.

– Здорово! – воскликнул Дан, а Уна сказала, содрогнувшись:

– Хорошо, что они исчезли. Но все-таки, отчего Народ С Холмов покинул эти края?

– Так сразу не скажешь. Когда-нибудь я вам поведаю о том, что было причиной самого большого исхода. Но все это произошло не вдруг. Они уходили постепенно в течение многих веков, один за другим. Многие были

чужестранцами, им не подошел наш климат. Эти ушли раньше всех.

– Когда же это случилось? – спросил Дан.

– Пару тысяч лет тому назад или больше. Дело в том, что сначала они были богами. Иных привезли с собой финикийцы, приплывавшие за оловом, других – галлы, юты, даны, фризы и англы. Кто только не высаживался на этих берегах. Они вторгались, их отражали и оттесняли обратно к кораблям; но пришельцы возвращались, и все они привозили с собою своих кумиров. Англия, прямо скажем, неподходящая страна для богов. Ну, я-то с самого начала был таким же, как теперь. Миску каши, плошку молока, да чуть-чуть попоказничать с деревенщиной, порезвиться – что мне еще надо? Я – местный, природный житель и всегда был с людьми запанибрата. Но тем, другим, требовалось, чтобы их почитали как богов, устраивали им храмы и алтари, приносили жертвы.

– Неужели они сжигали людей в плетеных корзинах, как нам рассказывала мисс Блейк? – спросил Дан.

– Жертвы бывали разные. Не обязательно людей – приносили в жертву коней, быков и свиней, а еще медеглин – такое сладкое, липкое пиво из меда. Я его терпеть не мог. Они были спесивы и заносчивы, эти древние идолы, Старые Боги. И что получилось? Даже в лучшие времена людям не нравится, когда их приносят в жертву, да и коня своего отдавать жалко. В конце концов люди просто-напросто покинули Старых Богов, крыши храмов провалились, и поневоле пришлось этим Старым Богам выбраться наружу да подумать о своем пропитании. Некоторые из них взяли моду затаиваться на деревьях или прятаться между могил и оттуда стонать по ночам. Если долго и громко стонать, можно было добиться, что какой-нибудь пугливый селянин пожертвует курочку или фунт масла. Помню одну богиню, по имени Белисама: она сделалась простой русалкой где-то в Ланкашире. Я знаю сотни таких случаев. Сперва – боги, потом просто Народ С Холмов, а потом и вовсе изгнанники, вынужденные покинуть Англию, потому что не сумели поладить с местным населением. Мне известен только один случай, когда кто-то из них остался и притом честно зарабатывал себе на жизнь. Его звали Виланд. Он был кузнец, выделывавший мечи и копья для других богов. Кажется, он хвастался родством со Скандинавским Тором.

– С Тором из «Героев Асгарда»? – переспросила Уна: она читала эту книгу.

– Наверное, – ответил Пак. – Как бы там ни было, когда пришли тяжелые времена, он не стал ни попрошайничать, ни воровать. Он работал; и мне однажды довелось оказать ему услугу.

– Расскажи нам об этом, – попросил Дан. – Мне бы хотелось послушать о Старых Богах.

Они устроились поудобнее, каждый – грызя свою травинку. Пак перевалился на бок, подпер голову локтем и продолжал:

– Помнится, первый раз я встретился с Виландом в один ненастный ноябрьский день на равнине Пэвенси...

– Пэвенси? Это там, за холмом? – спросил Дан, показывая на юг.

– Да; в те времена там были сплошные болота – вплоть до Хосбриджа и Хайдни. Я стоял на Сигнальной Горе (тогда она называлась Брунанбург), как вдруг увидел вдали желтоватое пожарище, какое бывает от горящих соломенных крыш, и отправился взглянуть, что там такое. Какие-то пираты – думаю, это были люди Пьёфна – жгли рыбацкую деревушку на побережье, и Виланд – здоровенный черный истукан, вырезанный из дерева, с янтарным ожерельем вокруг шеи – торчал из-за борта тридцатидвухвесельной ладьи, только что вытащенной на песок. Ну и холод же был! Корабль был весь увешан сосульками, весла обледенели, и лед сверкал на губах Виланда. Заметив меня, он сразу затянул длинную

песню на своем языке – о том, как он будет править Англией и как дым от его алтарей будут вдыхать повсюду, от Линкольншира до острова Уайт. А мне-то что! Я видел слишком много богов, вторгавшихся в Старую Англию, чтобы переживать из-за этого. Я дал ему допеть до конца, покуда его воины жгли деревню, а потом сказал (не знаю, как мне это пришло в голову): «Кузнец богов! Настанут времена, когда ты будешь торговать своим ремеслом на придорожной поляне, и я это увижу».

– И что ответил Виланд? – спросила Уна. – Он рассвирепел?

– О да! Он выпучил глаза и стал ужасно ругаться, а я ушел, чтобы предупредить людей в других деревнях, дальше от берега. Но пираты все равно завоевали этот край, и на несколько веков Виланд сделался самым главным богом. Его храмы стояли повсюду – от Линкольншира до острова Уайт, – как он и похвалялся, и жертвы ему приносились грандиозные. Все же он предпочитал конские жертвы, а не людские – отдадим ему должное; но так или этак, я был уверен, что рано или поздно ему придется расстаться с величием, как и другим Старым Богам. Я дал ему достаточно времени – около тысячи лет, и когда этот срок истек, явился в его святилище возле Андувера, посмотреть, как там у него идут дела. Все вроде было на месте: и алтарь, и кумир, и жрецы, и прихожане, и все казались вполне довольными – кроме самого Виланда и жрецов. В прежние-то времена прихожане успевали натерпеться страху, пока жрецы не выберут жертву. Еще бы! И в этот раз смотрю: едва пропели молитву, как один из жрецов

бросается в сторону, подтаскивает к алтарю какого-то человека и делает вид, что ударяет его по голове маленьким позолоченным топориком. А тот падает и притворяется умершим. Тут все закричали: «Жертва Виланду! Жертва Виланду!»

– А тому человеку и впрямь не сделали ничего плохого? – встревожилась Уна.

– Конечно, нет! Все было понарошку, как в кукольном театре. Потом они вывели великолепного белого коня. Жрец отрезал от его гривы и от хвоста по пряди волос, которые тут же сожгли на алтаре, и все вокруг закричали: «Жертва!» – как будто бы конь был взаправду убит. Я видел лицо бедного Виланда сквозь клубы дыма и не мог удержаться от смеха. Его аж скривило от отвращения и голода – не очень-то он насыщает, этот мерзкий запах горелых волос. Ну просто кукольное представление, да и только!

Я предпочел ничего не говорить в тот раз (это было бы нечестно) и явился опять в Андувер еще через несколько сот лет. Виланда и его храма уже не было, а была церковь, и в ней христианский епископ. Среди Народа С Холмов никто ничего не мог рассказать о судьбе Виланда, и я уж было подумал, что он покинул Англию...

Пак повернулся, облокотился на другую руку и малость призадумался.

– Дайте сообразить, когда же это было, – молвил он наконец. – Должно быть, спустя еще несколько сотен лет, за год или два до Нормандского Завоевания. Я вернулся сюда, поселился в здешних Холмах, и вот однажды вечером услышал, как старый Хобден толкует что-то о Виландовом Броде.

– Если ты имеешь в виду старого Хобдена-сторожа, – перебил его Дан, – то ему всего семьдесят два года, он мне сам говорил. Мы с ним дружим.

– Совершенно верно, – подтвердил Пак. – Я имею в виду его прапра... в общем, прадедушку в девятом колене. Это был человек, занимавшийся вольным ремеслом угольщика. Я знал всю их семью, и отца его, и сына, так что порой можно и перепутать. Но сейчас я говорю о Хобе из Дэна, что жил возле Брода. Услышав о Виланде, я, конечно, сразу наострил уши и поспешил через лес (через Богвудский лес) к тому самому месту. – Он кивнул головой на запад, где долина сужалась, проходя между лесистыми склонами холмов и посадками хмеля.

– А, к Виллингфордскому Мосту! – воскликнула Уна. – Мы ходим туда гулять. Там живет зимородок.

– Но тогда еще не было моста, голубка. А место называлось Виландсфорд, то есть Виландов Брод. Туда вела дорога от Сигнальной Горы вниз по склону холма – ну и скверная же была дорога! – а вокруг был дремучий лес, где водились олени. Вскоре я заметил пожилого грузного крестьянина верхом, направлявшегося в ту же сторону, что и я. Его лошадь

потеряла подкову в какой-то рытвине; и вот, подъехав к Броду, он спешился, достал из кошелька пенни, положил его на камень, потом привязал лошадь к дубу и крикнул: «Эй, кузнец! Есть работенка!» А сам сел под деревом, привалился спиной к стволу и задремал. Можете вообразить, что я почувствовал, когда из-за дуба вылез седобородый, старый кузнец в кожаном переднике и стал подковывать захромавшую лошадь. Это был Виланд собственной персоной. Пораженный, я выскочил из кустов и спросил: «Ради всех Богов! – что ты здесь делаешь, Виланд?»

– Бедный Виланд! – вздохнула Уна.

– Он отбросил со лба длинную прядь волос, взгляделся (видно, не сразу меня признал). А потом ответил: «Будто ты не видишь! Ты же сам предсказал мне это, старина. Вот – подковываю лошадей, подрабатываю маленько. Я больше не Виланд. Вейландом меня кличут, Придорожным Кузнецом».

– Бедняга! – воскликнул Дан. – Ну, а ты что?

– Что я мог сказать? Он стоял передо мной, прихватив одной рукой лошадиное копыто. Потом зажмурился на миг и молвил с горькой улыбкой: «В прежние времена я бы даже в жертву не принял эту полудохлую клячу, а теперь подковываю ее за медный пенни».

«Неужели ты не можешь, – спросил я, – вернуться назад в свою Вальгаллу – или откуда там ты прибыл?»

«Боюсь, что нет, – отвечал он, подскабливая копыто. Он здорово умел обходиться с лошадьми. Старая лошадь умильно ржала, положив морду ему на плечо. – Видишь ли, старина, я был не очень-то милосердным в годы своей силы и славы. И не будет мне отпущения до тех пор, пока какой-нибудь из людей не поблагодарит меня от всей души».

«Но уж наверное тот крестьянин, которому ты постоянно подковываешь лошадь...» – предположил я.

«Если бы! – усмехнулся он. – Хотя мои гвозди держат подкову от одной полной луны до другой. Но здешние крестьяне холодны и неприветливы, как жижа Вильдских болот».

И точно: когда тот старик проснулся и нашел свою лошадь подкованной, он и не вздумал сказать спасибо. Я так разозлился, что заставил его сбиться с дороги и протащиться назад до самой Сигнальной Горы, – чтобы научить старого грешника вежливости.

– Ты был невидим? – догадалась Уна. Пак кивнул с важным видом.

– В те дни на Сигнальной Горе держали наготове разложенный костер – на случай, если французы высадятся в Пэвенси. И я кружил и кружил его лошадь по бездорожью всю короткую летнюю ночь напролет. Крестьянин

решил, что его околдовали – в общем, так оно и было, – и принялся молиться и вопить во всю глотку. А мне-то что! Если б я был нечистой силой – а то ведь не больше, чем он сам... В общем, часа в четыре утра один молодой послушник вышел из монастыря, что стоял на вершине Сигнальной Горы.

– Что значит «послушник»? – спросил Дан.

– Это значит «человек, который готовится стать монахом». В те времена люди посылали своих детей в монастырь, как сейчас в школу. Этот парень уже несколько лет прожил во Франции и теперь завершал учение в монастыре, поблизости от своего дома. Его звали Хью, и он как раз собирался на рыбалку. Их семейству, кстати, принадлежала вся земля в округе.

Хью услышал крики и спросил старика, с чего это он так расшумелся. Тот стал ему плести небылицы про эльфов, гоблинов и ведьм, хотя на самом деле – клянусь! – никого страшнее кролика в ту ночь он не видел. (У Народа С Холмов, так же как у выдр, привычка не показываться на глаза без особой нужды.) Но послушник-то был не дурак. Он взглянул на ноги лошади и заметил новые подковы, прибитые так, как это умел делать только Виланд (по-особому загибая гвозди, чтоб крепче держались).

«Гм-м! Где это тебе лошадь подковали?» – поинтересовался он.

Крестьянин сначала что-то темнил – потому что монахи, само собой, не одобряли общения со Старыми Богами, – но в конце концов признался, что лошадь ему подковал Придорожный Кузнец.

«Сколько же ты заплатил ему?» – спросил послушник. – «Один пенни», – хмуро ответил старик. «Это меньше, чем взял бы христианин. Надеюсь, ты добавил к этому хотя бы спасибо?» – «Какое еще спасибо! – буркнул крестьянин. – Да ведь он язычник!» – «Язычник или не язычник, – возразил послушник, – но он помог тебе, а где помощь, там и благодарность». – «Что? – возмутился старик, вконец обозленный ночными передрягами. – Что ты мне толкуешь, негодник этакий? По-твоему, я бы должен был сказать „спасибо“ даже дьяволу, если бы он мне помог?!» – «Не стоит напрасно препираться со мной, – посоветовал послушник. – А лучше отправляйся к Броду и поблагодари Кузнеца, не то пожалеешь».

Крестьянин нехотя поворотил назад. Я (конечно, невидимый) вел его лошадь, а рядом шел послушник, неся на плече удочку, как копьё, и его длинная ряса волочилась по блестящей от росы траве. Но когда мы добрались до Брода (было пять часов утра, и в лесу еще стоял туман), старик опять заупрямился. Ему никак не хотелось говорить «спасибо», и он грозил, что пожалуется самому Аббату: дескать, послушник заставляет его поклоняться языческим богам. Тут уж Хью потерял терпение. «Слазь!» – крикнул он, ухватил крестьянина за жирную ногу и сдернул с седла на землю. А там, не давая опомниться, сграбастал невежу за шкуру и тряс

его, как крысу, пока тот не выдавил из себя: «Спаси-ибо, Придорожный Кузнец».

– А Виланд видел это? – спросил Дан.

– Видел, конечно. И был в полном восторге. Он даже издал свой старый воинственный клич, когда крестьянин шлепнулся об землю. А послушник повернулся лицом к дубу и сказал: «Эй! Кузнец Богов! Мне стыдно за этого грубияна-деревенщину, но за все, что ты сделал доброго и полезного ему и другим моим землякам, я благодарю тебя и желаю тебе всякого добра». Потом он подобрал свою удочку – в эту минуту она особенно походила на копье – и потопал по тропинке вниз, к реке.

– Ну, а что же Виланд?

– Он громко засмеялся от радости, ибо он был теперь свободен и мог уйти. Но честность (та, прежняя честность) не позволяла ему уйти просто так. Он сам зарабатывал себе на хлеб и умел платить долги. «Я одарю этого послушника, – сказал Виланд. – И мой дар сослужит службу и ему, и всей Старой Англии. А ну-ка, старина, раздуй мне огонь, а я покуда приготовлю железо для своей последней работы». И я раздул ему огонь и поддерживал жар, пока он ковал. Клянусь Ясенем, Дубом и Терном, он действительно был Божественным Кузнецом, вещий Виланд! Он выковал меч и дважды закалил его в проточной воде, а в третий раз он закалил его в вечерней росе, и остудил его в лунном свете, и сказал над ним Волшебные Заклинания, и вырезал Пророческие Руны на блестящем клинке. «Смотри, старина, – сказал он мне, отирая пот со лба, – это лучший меч, когда-либо сработанный Виландом. Даже владеющий им не узнает никогда, как он хорош. Идем же теперь в монастырь».

Мы пришли в дормиторий, где ночевали монахи, и нашли послушника, крепко спавшего в своей келье. Виланд вложил меч ему в руку, и я помню, как юноша, не просыпаясь, сжал рукоять меча своей сильной ладонью. Потом Виланд зашел в часовню и, с опаской преступив порог, швырнул на пол все свои кузнечные инструменты – молот, клещи и напильник – в знак вечного прощания со старым ремеслом. Грохот раздался такой, что монахи решили спросонок: не иначе как отряд французов ворвался в монастырь, – и со всех ног сбежались на шум. Первым в часовню, потрясая своим новым мечом и с саксонским кличем на устах, ворвался молодой послушник... Они увидели кузнечные инструменты на полу и сначала ничего не поняли, пока юноша не попросил позволения говорить и не поведал им про крестьянина, которого он встретил, про слова, с которыми он обратился к Придорожному Кузнецу, и про меч с Волшебными Рунами, неведомо как оказавшийся у него в руках среди ночи.

Аббат сперва покачал головой, но потом рассмеялся и молвил: «Сын Хью, и без всяких языческих богов с их вещими знаками очевидно, что монахом тебе никогда не стать. Возьми же свой меч, и храни свой меч, и ступай с ним в мир, и будь так же великодушен, как ты силен и справедлив. Мы же повесим инструменты Кузнеца перед алтарем, потому что, кем бы он ни был в прежние дни, но мы знаем, что впоследствии он честно зарабатывал себе на хлеб и сам принес этот дар матери нашей Церкви». И монахи отправились досыпать; лишь послушник до утра просидел в саду, разглядывая меч.

А Виланд распрощался со мной возле конюшен и сказал так: «Счастливо оставаться, старина, ты заслужил это. Ты видел, как я приплыл в Англию, теперь ты видишь, как я покидаю ее. Прощай!»

И он зашагал по холму к опушке Дремучего леса – как раз напротив того места, где когда-то причалила его ладья, – и еще с минуту я слышал, как он пробирался через заросли в сторону Хосбриджа; потом шаги смолкли. Вот и вся история – я тому свидетель.

Ребята разом перевели дух.

– А что случилось потом с послушником Хью? – спросила Уна.

– И с его мечом? – добавил Дан.

Пак окинул взглядом луг, задремавший в большой и прохладной тени Волшебного Холма. Неподалеку, возле стогов, раздавался скрипучий крик дергача, и форелья мелкота резвилась в ручье. Большой белый мотылек, вылетевший из кустов, неуклюже закружился над головами ребят, и маленькое облачко тумана поднялось над водой.

– Вы и вправду хотите это знать?

– Очень! – воскликнули они в один голос. – Ужасно хотим!

– Хорошо же. Обещаю, что вы увидите то, что увидите, и услышите то, что услышите, если даже это случилось три тысячи лет назад; но теперь сдаётся мне, что вам пора домой, иначе вас хватятся и будут искать. Я провожу вас до ворот.

– А ты будешь здесь, когда мы придем снова?

– Ну конечно! – улыбнулся Пак. – Где мне еще быть? Но сперва вот что... – Он протянул детям по три сложенных вместе листа: Ясеня, Дуба и Терна. – Надкусите их, иначе вы можете проболтаться дома о том, что видели и слышали сегодня, и тогда (если только я что-нибудь понимаю в людях) к вам сразу же вызовут врача. Ну, кусайте!

Они надкусили листья, и вдруг оказалось, что они идут по тропинке к полевой ограде, а там уж отец ждет их, облокотившись на перекладину ворот.

– Как прошла пьеса? – спросил отец.

– Великолепно! – отозвался Дан. – Только потом мы уснули. Как-то вдруг разморило: было очень жарко и тихо.

Уна кивнула в знак согласия.

– Понятно, – сказал отец. – Это как в песенке о Марго, вернувшейся поздно домой:

И ничего припомнить
девица не могла:
Ни что она видала,
ни где она была.

Кстати, дочка, что за листики ты так упорно жуешь?

– Сама не знаю. Это, наверное, *мышинально*. О чем-то я задумалась, а о чем, забыла...

И так все забылось – до поры до времени.

Деревья Англии

Наш добрый край, наш древний край
На деревья не скуп,
Но три из них – древней иных:
То Ясень, Терн и Дуб.
О, старой Англии краса,
Наш Ясень, Дуб и Терн!
Густа их тень в Иванов день,
И свеж зеленый дерн.

Дуб вековой шумел листвою
Во времена Энея,
И видел Брут, как Ясень в пруд
Гляделся, зеленея;
А дикий Терн следил, востер,
Взобравшись на откос,
Как, Новой Троей наречен,
Вдоль Темзы город рос...

Из тиса выйдет добрый лук,
А из ольхи – подметки,

Для кубка нужен твердый бук,
А клен хорош для лодки.
Но хмель иссяк, истерт башмак,
Окончен ратный труд —
И снова Ясень, Терн и Дуб
Домой тебя зовут.

Коварен вяз в лесах у нас:
Он людям козни строит,
Возьмет да вдруг уронит сук —
Лежать под ним не стоит!
Но будь ты зноем истомлен
Иль попросту хмелен,
Охотно Ясень, Дуб и Терн
Посторожат твой сон.

Сосед, смотри не говори
Священнику про это:
Мы в день Иванов до зари
В лесу встречали лето.
И хлебный год, и тучный скот
Приметы нам сулят:
Так солнцу Ясень, Дуб и Терн
Прошелестели в лад.

В ненастный день и в ясный день,
В жару, и в дождь, и в снег
Да будут Ясень, Дуб и Терн

И Англия – навек!

Молодежь в поместье

Несколько дней спустя Дан и Уна ударили рыбу в Мельничном ручье, который за долгие века проложил себе глубокое русло в мягкой почве долины. Сомкнувшиеся кронами деревья образовали над ним длинные туннели, и солнечные лучи, проникая сквозь листву, ложились пятнами и лентами на воду, на песчаные и галечные отмели, на старые корни и стволы, покрытые мхом или красноватым ржавым налетом. Бледные наперстянки тянулись к свету, там и сям росли купы папоротников и других тенелюбивых и влаголюбивых растений и цветов.

В глубоких местах между перекатами плескались форели, и весь ручей был похож на цепь прудков, соединенных между собой мелкими журчащими протоками; лишь в половодье он превращался в один мчащийся поток мутной весенней воды.

Это было одно из их любимых мест, тайное рыболовное угодье, которое в свое время показал ребятам старый Хобден-сторож. Если бы не легкое щелканье удилица, задевавшего при взмахе низкие ветви ивы, да не судорожное подергивание листьев ольхи, за которую изредка цеплялась леска, никто бы и не догадался, что происходит там, под берегом, у форельего омута.

– С полдюжины уже есть, – сказал Дан примерно через час этого мокрого и увлекательного занятия. – Пора менять место. Пошли теперь в Каменистую Бухту, к Большому Пруду.

Уна кивнула – она вообще предпочитала разговаривать кивками, – и они выбрались из сумеречного туннеля к маленькой плотине, которая превращала ручей в полноводный пруд, пригодный для мельничной работы. Берега там были низкими и голыми, и послеполуденное солнце так сверкало на глади воды, что глазам делалось больно.

Но выбравшись на открытое место, они чуть с ног не свалились от удивления. Перед ними, по колено в пруду, стоял огромный серый конь с пышным хвостом. Он пил воду, и круги, расходившиеся от его морды, сверкали точно жидкое золото. Пожилой седобородый человек, сидевший

на коне, был одет в блестящую кольчугу, у седла висел остроконечный железный шлем. Поводья из красной кожи, пяти или шести дюймов в ширину, были украшены зубчатой каймой, а высокое седло с красными подпругами дополнительно крепилось кожаными шлеями спереди и подхвостниками сзади.

– Гляди! – шепнула Уна, как будто Дан и так не глядел, вытаращив глаза. – Точь-в-точь как на картине у тебя в комнате: «Сэр Айзамрас у брода».

Всадник обернулся к ним, и его длинное, худое лицо оказалось таким же ласковым и добродушным, как у того рыцаря на картине, который перевозил детей через реку.

– Сейчас они появятся, сэр Ричард! – донесся голос Пака из гущи лозняка.

– Они уже здесь, – отозвался рыцарь, с улыбкой глядя на Дана, державшего в руке связку форелей. – Я вижу, дети совсем не изменились с тех пор, как мои собственные ребяташки удили рыбу на этом самом месте.

– Если ваш конь уже напился, то, я думаю, нам будет удобней

расположиться на лугу – там, где в прошлый раз, – сказал Пак, подмигнув детям так, будто это не его колдовством им отшибло память на целую неделю.

Огромный конь повернулся и в несколько прыжков выбрался на берег, ободрав копытами дерн.

– Прошу прощения! – сказал сэр Ричард, обращаясь к Дану. – Когда эти земли были моими, никому не разрешалось пересекать ручей верхом, кроме как по броду, мощенному камнями. Но мой Орлик хотел пить, и я торопился, чтобы встретиться с вами.

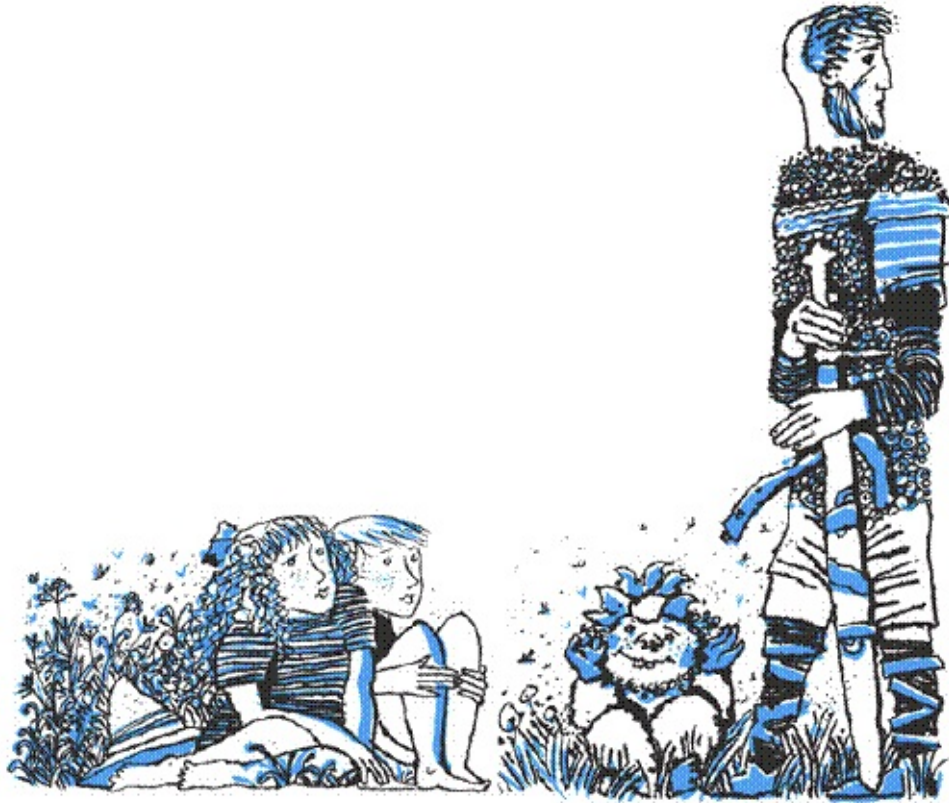
– Ничего страшного, сэр, – откликнулся Дан. – Поверьте, мы очень рады видеть вас.

Он двигался вприпрыжку рядом с конем, с той стороны, где у рыцаря висел меч – это был тяжелый старинный меч с железной рукоятью. Уна с Паком поспешали сзади. Она теперь все ясно вспомнила.

– Извиняюсь за ту шутку с листьями, – сказал Пак. – Однако если бы вы проболтались дома, было бы еще хуже, верно?

– Пожалуй, – согласилась Уна. – Но ведь ты говорил, что все эльфы – ну, то есть Народ С Холмов, – что они покинули Англию?

– Так и есть. Но разве я не обещал, что вы узнаете и воочию увидите все, что было прежде? Да и этот рыцарь – вовсе не эльф. Он пришел в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем, и он очень хотел познакомиться с вами.

– Почему именно с нами? – удивилась Уна.

– Из-за вашей мудрости и обширных познаний, – отвечал Пак не моргнув глазом.

– наших познаний?! Да я и с умножением на девять не очень-то справляюсь, а Дан все время запутывается с дробями. Наверное, он совсем не нас имел в виду...

– Уна! – перебил ее Дан. – Сэр Ричард желает нам поведать, что случилось потом с Мечом Виланда. Вот он висит у него на поясе. Дивный меч, не правда ли?

– Нет-нет! – возразил сэр Ричард, сходя с коня, ибо они уже добрались до Ведьминого Круга неподалеку от излучины ручья. – Не я, а вы должны мне многое поведать. Говорят, что ныне даже малыши в Англии знают больше, чем ученые книжники в мои времена.

Он вынул удила из зубов Орлика, снял с него красную, как рубин, уздечку и отпустил умного коня пастись по лугу. Затем сэр Ричард (они заметили, что он немного прихрамывает) отстегнул с пояса свой длинный меч.

– Это тот самый меч, что Придорожный Кузнец подарил послушнику, – молвил рыцарь. – В первый раз, когда Хью хотел отдать его

мне, я отказался; но в конце концов он перешел в мои руки. Это случилось после схватки с таким врагом, с каким еще не сражался ни один рыцарь во всем крещеном мире. Смотрите! – Он вытащил свой меч до половины из ножен и повернул его. Чуть пониже рукояти, там, где Вещие Руны трепетали как живые, на тусклой стали виднелись две глубокие выемки – по одной с каждой стороны.

– Ну, чья это отметина? – спросил он. – Вы-то должны мне ответить.

– Расскажите им все с начала, сэра Ричард, – вмешался Пак. – Как-никак, это имеет отношение к их земле.

– Да, пожалуйста, с самого начала! – взмолилась Уна. Ее разбидало любопытство, к тому же доброе лицо и улыбка рыцаря слились для нее с образом «Сэра Айзамраса у брода».

Они уселись слушать, в то время как серый конь щипал траву неподалеку, за краем Круга, и шлем, привязанный к седлу, позвякивал каждый раз, когда он вскидывал морду.

– Ну что ж! С начала, так с начала, – сказал сэра Ричард, поглаживая меч широкой ладонью. – Расскажу, так и быть, тем более раз это касается вашей земли. Когда наш герцог Нормандский собрался завоевывать Англию (которую считал своим наследством), многие знатные бароны

последовали за ним, так как он обещал им земли в награду, а мелкие рыцари последовали за баронами. Я был родом из небогатой семьи, но славный рыцарь из дома Орла – Энжерар Де Акила, приходившийся родичем моему отцу, последовал за графом Монтенем, который последовал за герцогом Вильгельмом; и я последовал за Де Акилой. Так, с отцовской дружиной из тридцати человек и с новым мечом – трех дней не прошло, как меня посвятили в рыцари! – я отправился покорять Англию.

Я еще не знал, что Англия в конце концов покорит меня самого. Огромное войско собралось. Мы высадились на берег и вскоре подошли к Сантлейку...

– Это он о битве при Гастингсе, тысяча шестьдесят шестой год? – шепотом спросила Уна, и Пак молча кивнул, чтобы не прерывать рассказ.

– В Сантлейке, вон за той горой, – он указал на юго-запад, в направлении Фэрлайта, – мы встретились с войском Гарольда. Целый день шла битва, и на закате они бежали. Многие, в том числе и мои люди, пустились в погоню, надеясь захватить пленных и добычу. В одной из мелких стычек был убит Энжерар Де Акила, и его сын, Гилберт, подхватил знамя и увлек вперед его людей. Я узнал об этом позже. Мой Орлик был ранен в бок, и я остался сзади, чтобы промыть его рану водой из ручья. Тут-то на меня и налетел этот саксонец. Он вызвал меня на бой, и хотя его голос показался мне знакомым, времени на раздумье не было. Мы сразились, и долгое время ни один не мог одолеть другого. Но ему не повезло: он неожиданно поскользнулся и выронил меч. Сами понимаете, я только что был посвящен в рыцари и более всего на свете боялся нарушить правила чести и благородства. Разумеется, я удержал свой удар и попросил своего противника подобрать меч и вновь изготавиться к бою. «Черт побери этот меч! – воскликнул он. – Из-за него я проиграл свой первый бой. Ты пощадил меня. Возьми же его себе». Он хотел передать мне свое оружие, но едва я протянул к нему руку, как меч застонал, будто раненый, и я отпрыгнул назад с криком: «Колдовство!»

Ребята с опаской взглянули на меч, как будто он снова мог заговорить.

– Внезапно, – продолжал сэр Ричард, – откуда ни возьмись появилась целая ватага саксонцев, и, увидев одинокого нормандца, они хотели меня убить, но мой противник заявил, что я – его пленник, и решительно прогнал их прочь. Он помог мне сесть на коня и лесными тропами привел в эту долину.

– Вот в эту, где мы сейчас сидим? – переспросила Уна.

– В эту самую. Мы пришли сюда через Нижний Брод, вдоль склона Королевского Холма. – И он указал рукой на восток, где долина становилась шире.

– И этот саксонец был тем самым послушником Хью? – догадался Дан.

– Да. И более того – оказывается, мы с ним провели вместе три года в Бэксском монастыре под Руаном, пока... – тут сэр Ричард весело хмыкнул, – пока аббат Эрлуин не выгнал меня оттуда.

– За что же это? – поинтересовался Дан.

– Да за то, что я въехал верхом в трапезную, когда там обедали монахи, и этим самым доказал саксонским ученикам, что мы, нормандцы, не боимся аббата. По правде сказать, Хью меня на это и подбил. Мне сразу показался знакомым его голос, прозвучавший из-под шлема; и хотя между нашими правителями шла война, мы ужасно обрадовались, что не убили

друг друга. Он рассказал мне, как какой-то языческий бог подарил ему этот меч, но признался, что в первый раз слышал, как меч подает голос. Помню, я его предостерег от колдовства и злых чар. (Тут сэра Ричард улыбнулся.) Я был молод тогда – очень молод.

Когда мы добрались до его дома, мы совсем позабыли, что пару часов назад сражались как враги. Было уже около полуночи, и в Большом Холле собралось множество людей, ждущих вестей о битве. Там я и увидел впервые его сестру, леди Илуэву, о которой он мне рассказывал еще во Франции. С яростным криком она набросилась на меня и чуть не велела повесить, но брат рассказал ей, что я пощадил его в сражении (умолчав о том, как сам спас мне жизнь) и что герцог Вильгельм одержал победу. Пока они спорили, Хью внезапно ослабел от ран и упал без чувств.

«Это ты виноват!» – бросила мне леди Илуэва. Она наклонилась над братом и велела принести вина и холст для перевязки.

«Если бы я знал, что он ранен, – отвечал я, – я бы уступил ему лошадь и пошел пешком. Но он сам заставил меня сесть верхом, он ни на что не жаловался, наоборот – шел рядом и весело беседовал всю дорогу. Клянусь, что я не сделал ему никакого зла».

«Молись, злодей, – сказала она, не слушая меня и гневно сжимая губы, – если он умрет, ты будешь повешен».

Раненого отнесли в его комнату, а меня трое рослых слуг крепко связали и, надев петлю на шею, перекинули другой конец веревки через стропила. Сами же подсели к огню и стали колоть орехи рукоятками кинжалов, ожидая известий о хозяине: умер он или жив.

– Интересно, как вы себя чувствовали в это время? – спросил Дан.

– Я чувствовал себя смертельно усталым, тем не менее я от всей души молился за здоровье своего школьного приятеля Хью. Около полудня застучали копыта множества лошадей, и мои сторожа, развязав меня, бросились вон из дома. Это прискакал отряд Де Акилы. Вместе с ними был сам Гилберт Де Акила, он, подобно своему отцу, особенно гордился тем, что никогда не оставлял своих людей в беде. Будучи маленького роста, в отца, но грозен видом, с крючковатым, «орлиным» носом и желтыми пронзительными глазами, он всегда ездил на рослых конях-руанцах, которых сам разводил, – но никому не позволял помогать себе, когда садился в седло. Он увидел петлю, свешивавшуюся со стропил, и расхохотался; я же слишком задеревенел от веревок, чтобы сразу встать на ноги.

«Не слишком веселое развлечение для нормандского рыцаря, как я погляжу, – заметил он, – но спасибо и на этом. Надеюсь, мой мальчик, ты укажешь мне на тех, кому ты обязан этим милым обхождением, и мы расплатимся с ними прямо на месте».

– Что это значит? Он хотел убить их? – спросил Дан.

– Разумеется. И тут я увидел леди Илуэву со служанками и ее брата, стоявшего рядом. Солдаты Де Акилы притащили их всех в Большой Холл.

– Она была красивая? – спросила Уна.

– Во всю свою жизнь я не встречал женщины, достойной расстелить тростник перед моей леди Илуэвой, – просто и спокойно ответил сэра Ричард. – И вот, взглянув на нее, я подумал, что, может быть, шутка может спасти и леди, и всех ее домочадцев.

«Учитывая то, что я явился неожиданно и без предупреждения, – ответил я Де Акиле, – прием был, на мой взгляд, достаточно любезным». Но голос у меня чуть-чуть дрогнул. Нешуточное это было дело – шутить с воином из дома Орла.

На несколько секунд тяжелое молчание повисло над залом.

Потом Де Акила снова расхохотался.

«Ну и чудеса! – молвил он, обращаясь к отряду. – Сражение едва

закончилось, моего отца только что похоронили, и вот – нате вам! – наш самый юный рыцарь уже обосновался в саксонском поместье, причем нашел у своих друзей (как легко судить по их надутым лицам) отменный прием и гостеприимство! Клянусь всеми святыми, – продолжал он, потирая нос, – не думал я, что Англию будет так просто завоевать. Что же мне остается? Конечно, отдать этому парню то, чем он уже и сам завладел. Поместье – твое, рыцарь. Владей им, пока я не вернусь... или пока тебя не убьют. Ну, ребята, нам пора! По коням – и вперед! Последуем за герцогом в Кент – за нашим герцогом, который завтра станет королем Англии!»

Он увлек меня за собой к дверям, куда ему уже подвели коня – сухоногого руанского жеребца, чуть повыше моего Орлика, только сбруя у того была похуже.

«Запомни вот что, – сказал он, вертя в руках большие боевые рукавицы. – Это место – настоящее осиное гнездо. Если тут тебя не укушат, как моего отца, не спялят вместе с домом и не разграбят, то через месяц, когда я вернусь, ты получишь это поместье в свое владение. Герцог обещал графу Монтеню все земли в Пэвенси, и граф, конечно, не откажет дать мне то, что он дал бы моему отцу. Бог знает, доживем ли мы до дня, когда Англия будет покорена, а пока запомни: распря и война – вздор, а ум

и смекалка – это все».

«Увы, смекалки-то мне и не хватает».

«Ничего, научишься, – сказал он, трогая поводья и пяткой толкая коня под брюхо. – Учителя у тебя будут неплохие. Прощай! Удержишь поместье – твое счастье. Погибнешь – туда тебе и дорога!» – И он поскакал со двора, погромыхивая щитом, привязанным сзади к седлу.

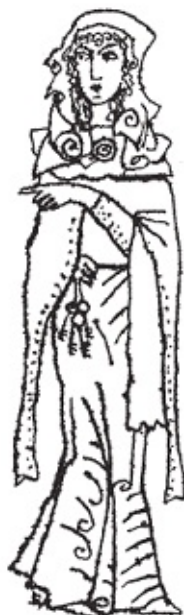
Вот так, милые мои, я и остался в поместье с маленьким отрядом в тридцать человек, сам еще почти мальчишка, в первый раз побывавший в бою два дня назад. Не зная ни страны, ни языка людей, среди которых очутился, я должен был удержать поместье, которое у них же и захватил.

– И это было здесь, где мы сейчас живем? – спросила Уна.

– Именно здесь. От Верхнего Брода (того самого Виландова Брода) до Нижнего Брода возле Бель-Алле всего будет около полулиги с запада на восток, а с севера, от горы Брананбург, на юг – целая лига. И вокруг сплошные леса, кишачие солдатами, бежавшими после битвы при Сантлейке, саксонскими разбойниками, нормандскими мародерами, грабителями и браконьерами. Воистину осиное гнездо!

Когда Де Акила уехал, Хью хотел поблагодарить меня за то, что я спас им жизнь, но леди Илуэва заявила, что я хотел только завладеть их поместьем.

ЛЕДИ ИЛУЭВА

«Откуда я мог знать, что Де Акила передаст его мне? – возразил я. – Если бы я рассказал ему, что провел ночь с петлей на шее, он бы дважды спалил этот дом!»

«Если бы кто-нибудь надел мне на шею петлю, – воскликнула она, – я бы трижды спалила его дом без всяких разговоров!»

«Но это была женщина», – заметил я, улыбнувшись.

«Смейтесь, – сказала она, и слезы брызнули из ее глаз, – вы можете себе позволить смеяться над беззащитной пленницей».

«Леди, – отвечал я, – здесь нет пленников. А если и есть один, то он не саксонец».

Тогда она крикнула, что я – нормандский вор, лживый и льстивый, который явился, чтобы выгнать ее из дома просить милостыню на дорогах. Да, да, клянчить милостыню!

«Это легко опровергнуть, – сказал я, не на шутку уязвленный ее словами. – Клянусь на рукояти своего меча, что я не переступлю порога этого дома до тех пор, пока сама леди Илуэва не пригласит меня сюда».

Она ушла, не сказав больше ни слова, и я покинул Большой Холл, сопровождаемый Хью, который вышел вслед за мной, прихрамывая и что-

то грустно насвистывая себе под нос по английской привычке.

Тут мы и наткнулись на трех саксонцев, что накануне собирались меня повесить. Но теперь они сами были связаны моими солдатами, и с полсотни слуг и крестьян из поместья молча и угрюмо толпились вокруг, ожидая того, что произойдет. Трубы Де Акилы еще были слышны в лесах, стихая по мере того, как они удалялись в сторону Кента.

«Ну что, вздернуть их?» – спросили меня солдаты.

«Тогда вяжутся остальные и начнется свалка», – вполголоса предупредил меня Хью. Я попросил его задать вопрос тем троим, на какую милость они рассчитывают.

«Не на что нам рассчитывать. Мы собирались повесить тебя, если бы наш хозяин умер. И повесили бы. Что тут еще говорить!»

Пока я стоял в раздумье, внезапно из дубовой рощи на склоне Королевского Холма выбежала крестьянка и закричала, что какие-то нормандцы угоняют свиней из деревни.

«Нормандцы они или саксонцы, – сказал я, – но их нужно проучить, иначе они повадятся грабить нас каждый день. Хватайте у кого какое оружие, и вперед на разбойников!»

Трое здоровяков были развязаны, и мы вместе ринулись в погоню – я с отрядом солдат и Хью со своими саксонцами, вооруженными топорами, мотыгами и луками, которые они прятали в соломенных кровлях своих домов. Грабителей мы настигли быстро, во главе их был плут из Пикардии – маркитант, торговавший вином в войске герцога: со щитом убитого рыцаря, верхом на краденой кобыле, он командовал дюжиной таких же никчемных плутов, охочих на дармовщину. Мы отбили у них свое стадо: сто семьдесят боровов, свиней и подсвинков было спасено в этой великой битве.

Сэр Ричард довольно ухмыльнулся.

– Так мы впервые выступили заодно; и я велел сообщить всем людям в округе, что каждому, кто украдет хотя бы яйцо из курятника, кто бы он ни был, нормандец или саксонец, придется иметь дело со мной. В тот день, когда мы возвращались домой, Хью сказал мне: «Сегодня ты сделал первый шаг к завоеванию Англии».

«Пусть она будет общей, моей и твоей, – ответил я. – Помоги мне поладить со здешними людьми, Хью. Растолкуй им, что если я буду убит, Де Акила пришлет худшего человека на мое место».

«Пожалуй, что так, – сказал Хью, протягивая мне руку. – Как говорится, знакомый черт лучше незнакомого... покуда мы не спровадили домой всю вашу братию без разбора».

САКС со СВИНЬЕЙ

Так же решили и другие саксонцы. Они посмеивались, гоня своих свиней домой. Мне кажется, что уже тогда лед между нами был сломан.

– Честное слово, мне нравится брат Хью! – промолвила Уна.

– Еще бы! – подтвердил сэр Ричард. – С тех пор как свет стоит, не бывало другого такого безупречного, отважного, благородного и мудрого рыцаря. В первый же день он повесил свой меч – вот этот самый меч – на стену в Большом Холле, ибо считал его по праву и по чести моим, и ни разу не снимал его, покуда не вернулся Де Акила (как я о том поведаю позже).

Три месяца его и мои люди сообща охраняли долину, покуда все бродяги и грабители не усвоили хорошенько, что здесь их не ждет ничего хорошего, кроме доброй взбучки и пеньковой веревки. Три месяца мы отбивали набеги то воровских шаек, то безземельных рыцарей, рыскающих в поисках подходящего поместья – иногда приходилось вступать в бой чуть ли не каждый день! – пока в округе не установились наконец мир и спокойствие. Тогда, посоветовавшись с Хью и полагаясь на его помощь, я решил заняться вплотную хозяйственными делами, как это подобает

хозяину поместья.

И тут я натолкнулся на странные вещи. Чудные люди эти англичане! Не раз и не два я наблюдал, как Хью и какой-нибудь бедняк-крестьянин принимались ожесточенно спорить: с чего следует, по местным обычаям, начинать то или иное дело. Тут же в спор вступали старики и, бросив все другие дела (даже мельницу могли остановить, не докончив помола), начинали судить да рядить, как оно будет лучше поступить по обычаю да по старине. И уж коли старики решали, тут и спору конец – пусть это даже было вопреки желанию Хью или против его выгоды. Удивительно!

– Да, так оно и было, – вставил Пак. – Обычаи Старой Англии возникли задолго до нормандского завоевания, и с ними ничего не удалось поделаться пришельцам, сколько они ни старались.

– Да я, в общем, и не старался. Я не мешал саксонцам блюсти их заведенные от века порядки. Лишь иногда, когда один из моих собственных людей, и полугода не проведя в Англии, вдруг начинал оправдываться, ссылаясь на какой-нибудь старый местный обычай, вот тут я порой не выдерживал!.. Да, славные были деньки! И славные люди – я любил их всех, прах меня побери!

Старый рыцарь раскинул в стороны руки, точно желая обнять всю эту милую его сердцу долину, и, заслыша звон кольчуги, Орлик вскинул голову и сдержанно, негромко заржал.

– И вот спустя целый год этих забот и трудов вернулся наконец Де Акила. Он приехал один, без предупреждения. Появился он со стороны Нижнего Брода, везя перед собой на луке седла мальчишку-подпаска.

«Можешь не отчитываться передо мной о своих делах. Этот парень мне все рассказал. Он остановил меня у брода и, размахивая своей хворостиной, объявил, что дальше чужакам прохода нет. Ну уж если дерзкого безоружного мальчишки достаточно, чтоб охранять границу поместья, значит, дела у тебя идут неплохо, – заключил он и потрепал по щеке мордастого подпaska. – Упитанный мальчуган! Да и скот, который пасется у реки, тоже в теле. Вот что значит ум и смекалка. Помнишь, что я говорил тебе при отъезде?»

«Удержишь поместье – твое счастье, погибнешь – туда тебе и дорога».

«Точно. И ты справился. – Он соскочил с седла и острием меча вырезал квадратный кусок дерна. – Держи!» – И тогда, опустившись на колени, я принял эту землю, как должно – из рук в руки.

Дан с Уной молча переглянулись.

«Отныне по обычаю и по закону ты владеешь этим поместьем, сэра Ричард. – В первый раз он назвал меня так. – Отныне и навеки оно принадлежит тебе и твоим потомкам. Само собой, королевские писцы напишут тебе впоследствии грамоту на пергаменте. Англия теперь наша – если только мы сумеем ее удержать».

«В чем же будут состоять для меня служба и долг?» – спросил я,

безмерно гордый словами Де Акилы.

«Обычный вассальный долг, мой мальчик, рыцарский долг, – отвечал он, прыгая вокруг коня с одной ногой, вдетой в стремя. (Я уже говорил, что он, будучи невысокого роста, терпеть не мог, чтобы его подсаживали в седло.) – По первому моему повелению ты должен будешь выставить шесть верховых воинов и двенадцать пеших лучников. И еще... Откуда у вас такая колосистая, высокая пшеница? – спросил он, поглядывая на созревающие хлеба. – Никогда не видал я такой доброй пшеницы. Будешь присылать мне ежегодно по три мешка этого зерна на семена. И кроме того, в память нашей прошлой встречи, ты будешь раз в год принимать меня и моих людей в Большом Холле с веревкой на шее и угощать нас два дня подряд».

«Увы! В таком случае я уже лишился права на поместье. Ибо я дал обет не переступить порога Большого Холла». – И я поведал ему о клятве, которую дал леди Илуэве.

– И вы ни разу не нарушили этой клятвы? – спросила Уна.

– Ни разу, – улыбнулся сэръ Ричард. – Я построил небольшую бревенчатую хижину на холме, там я вершил суд и там же спал...

«Ничего! – крикнул мне Де Акила, отъезжая и погромыхивая на ходу щитом. – Ничего, я снимаю с тебя на первый раз эту повинность».

– Это значит, что он отменял пир в Большом Холле на первый год, – объяснил Пак.

– Итак, Де Акила поселился вместе со мной в моей хижине, и Хью, который умел писать и вести хозяйственные записи, показал ему Книгу Поместья, куда были вписаны все уголья и все имена крестьян. Де Акила во все вникал и задавал множество вопросов о земле, лесных порубках, рыбной ловле, мельнице и о каждом человеке в округе, чем он живет и чего стоит. Но ни разу он не произнес даже имени леди Илуэвы и близко не подошел к дверям Большого Холла.

Вечера мы проводили за выпивкой в моей хижине. Бывало, он сидел на куче соломы с кубком в руке, весь взъерошенный, как орел, и, быстро вращая желтыми глазами, налетал с вопросами то на одного, то на другого. Ход его мыслей был так стремителен, что мы не сразу за ним поспевали: он часто говорил загадками и притчами, а порой раздражался, как сам король Вильям, и тыкал нам в ребра ножнами меча, проклиная нашу непонятливость.

«Эх, что за нелепые времена! – говаривал он. – Не вовремя я родился. Живи я пятьсот лет назад, я бы сплотил Англию так, что ни датчане, ни саксонцы, ни нормандцы не завоевали бы ее. Живи я пятьсот лет спустя, я стал бы таким советником королей, каких еще не было и не будет в мире. Все это вот здесь! – постукивал он по своей большой лохматой голове. – Да кому это нужно в наши смутные времена!.. А ведь Хью куда больше мужчина, чем ты, Ричард!» – Голос его был хрипл и отрывист, словно карканье вороны.

«Это правда, – согласился я. – Если бы не Хью, его заботы, труды и терпение, я бы не сохранил поместья».

«Как и своей жизни, – добавил Де Акила. – Хью спас ее не один раз, а тысячу раз. Ну-ка, спроси его, Ричард, почему он до сих пор спит не дома, а вместе с твоими нормандскими воинами?»

«Чтобы быть поближе ко мне», – ответил я простодушно, потому что именно так и думал.

«Глупец! – усмехнулся Де Акила. – Саксонцы подговаривают его

подняться на чужаков и вымести отсюда всех нормандцев до единого. Неважно, откуда я знаю. Знаю, и все. И вот Хью добровольно сделал себя заложником ради твоей безопасности – зная, что если что-нибудь с тобою случится, твои нормандцы прикончат его без всякой жалости. И саксонцы это знают. Что, Хью, разве не так?»

«Отчасти, – краснея, отвечал Хью. – По крайней мере, так было полгода назад. Теперь же, по-моему, мои саксонцы не питают зла к Ричарду. Но я рассудил, что пока – на всякий случай...»

«Вот так! – перебил его Де Акила. – И этот человек не имеет даже меча! – Он указал на пояс Хью, который – помните, я говорил? – не носил меча с того самого дня, когда он вылетел из его руки в битве при Сантлейке. Он был вооружен лишь коротким кинжалом и луком. – Ни рыцарского меча, ни земли нет у тебя, Хью, а ведь тебя называют родичем графа Гудвина. Поместье, которое было твоим, перешло навеки к этому юнцу и его потомкам. Что тебе остается? Прислуживать на задних лапах, чтобы тебя не выгнали вон, как собаку».

Хью промолчал, но я слышал, как скрипнули его плотно стиснутые зубы, и я попросил Де Акилу, своего господина и сюзерена, заткнуть рот, пока я не вбил ему его слова обратно в глотку. Де Акила расхохотался и смеялся так долго, что слезы потекли по его лицу.

«Я предупреждал короля, – сказал он, отсмеявшись, – как опасно раздавать Англию нам, нормандским смутьянам. Взять хотя бы тебя, Ричард. Двух дней не прошло, как ты вступил во владение поместьем, и вот уже ты поднимаешь бунт против своего господина. Ну, что нам с ним делать, сэра Хью?»

«Я воин, лишенный меча, – сказал Хью. – Не стоит со мной шутить». – И он со стоном уронил голову на согнутые колени.

«Ну и дурак! – воскликнул Де Акила, и голос его внезапно сделался серьезным. – Ибо я сегодня отдал тебе поместье Даллингтон – там, за холмом».

«Мне? – удивился Хью. – Но ведь я саксонец, и хотя я люблю Ричарда, как брата, я не присягал на верность ни одному нормандцу».

«Настанут времена (впрочем, я, по моим грехам, до них не доживу), когда в Англии не будет ни нормандцев, ни саксонцев, – сказал Де Акила. – И если я только разбираюсь в людях, ты и без присяги надежней, чем целая дюжина присягнувших. Бери себе Даллингтон и, если можешь, завтра же присоединяйся вместе с сэром Ричардом к моему отряду. А впрочем, как пожелаешь».

«Нет уж, я не дитя, – отвечал Хью. – Если я принимаю поместье, я принимаю и долг». – И он вложил свои ладони в руки Де Акилы и поклялся ему в верности. Помнится, я обнял и поцеловал его, а Де Акила поцеловал нас обоих.

Рассветало. Мы сидели за порогом хижины, смотрели, как встает солнце, как селяне принимаются за свои утренние труды, и говорили о всякой всячине: о наилучшем управлении поместьем, о лошадях и об охоте, о мудрости короля и о его промашках; и на божественные темы мы рассуждали тоже – в этом Хью разбирался куда больше нашего.

Тут ко мне подошел слуга из Большого Холла – один из тех трех, которых я чуть было не повесил, – и гулко промычал мне на ухо (такова саксонская манера шептать), что леди Илуэва желает меня видеть. У ней было заведено обращаться ко мне с просьбой о вооруженной свите из двух-трех человек, когда она желала предпринять дальнюю прогулку. Я, конечно, давал ей своих людей, а иногда прятался где-нибудь в лесу и смотрел издали, как она гуляет.

Не мешкая ни минуты, я отправился на зов, и в тот момент, когда я подходил к Большому Холлу, дверь его распахнулась и на пороге появилась леди Илуэва.

«Не желаете ли войти в дом, сэра Ричард?» – молвила она, и слезы выступили у ней на глазах. Мы были одни, и никто не мог этого видеть.

Рыцарь надолго задумался, глядя куда-то вдаль, за реку, смутная

улыбка блуждала на его лице.

– Молодец! – вскричала Уна и захлопала в ладони от радости. – Она поняла, что была несправедлива, и признала это.

– Да, она признала это, – стряхнув с себя воспоминание, подтвердил сэр Ричард. – Вскоре (то есть вскоре для нас, а на самом деле прошло два часа) подъехал Де Акила, в плаще, отчищенном от соломы, и с блестящим щитом за спиной. Он назвал меня негодным вассалом, задумавшим уморить голодом своего господина, и немедленно потребовал пира и увеселений. Хью объявил, что на этот день прекращаются все работы в округе. Загудели саксонские рожки, и вскоре начался праздник. Еды и питья было вдоволь, пенье и пляски не утихали. В разгар веселья Де Акила забрался на большую дубовую колоду и обратился ко всем с речью на чистом саксонском наречии. Правда, никто его не понял, но приветствовали дружно. Всю ночь длился пир, и когда уставшие певцы и музыканты покинули зал, мы четверо еще оставались сидеть за Высоким Столом. Помню, было полнолуние, теплый предутренний ветерок гулял по залу. И тут Де Акиле пришло в голову попросить Хью, как благородного рыцаря и нового владельца Даллингтона, снять со стены свой меч. Хью охотно исполнил просьбу. Видимо, рукоять меча запылелась, ибо я видел, как Хью обдул ее, поднеся меч к губам.

Мы с леди Илуэвой сидели немного поодаль, увлеченные собственным разговором, и сначала нам показалось, будто вернулись музыканты, потому что Большой Холл внезапно заполнился звуками стремительной музыки. Де Акила вскочил на ноги, но вокруг не было никого, лишь лунный свет трепетал на полу...

«Слушайте! – шепнул Хью. – Это поет мой меч». – И едва он прикрепил его к поясу, как музыка прекратилась.

«Силы милосердные! – вскричал Де Акила. – Не желал бы я носить такой меч у себя на ремне! Что он пророчит?»

«Бог знает! – отвечал Хью. – В последний раз я слышал его голос при Гастингсе, где я проиграл бой и потерял свои земли. Может быть, он радуется теперь, что я вернул себе честь и приобрел новое поместье».

Он вытащил немного – на ладонь или на пол-ладони – блестящий клинок и вновь задвинул его в ножны.

И меч ответил ему тихим и ласковым напевом: так порою девушка мурлычет что-то вполголоса, положив голову на плечо суженому.

Так во второй раз в своей жизни я слышал, как поет Меч Виланда...

– Смотрите! – встрепенулась Уна. – Сюда идет мама. Она уже,

наверное, видит сэра Ричарда. Представляю, как она удивлена.

– И Пак уже не успеет нас заколдовать, – добавил Дан.

– Вы уверены? – Пак что-то шепнул сэру Ричарду, который улыбнулся и наклонил голову в знак согласия.

– О том, что случилось дальше с мечом Виланда и с братом Хью, я расскажу в следующий раз, – сказал он, подымаясь на ноги. – Оэй, Орлик!

Легким галопом конь помчался на зов с дальнего конца луга.

Он проскакал почти рядом с матерью Уны и Дана, которая, как ни странно, и бровью не повела в его сторону.

– Ребята, старая кобыла Глисона сорвалась с привязи и убежала. Вы не видели ее? – спросила мама.

– Она, должно быть, на той стороне ручья. Недаром весь спуск к воде изрыт копытами, – ответил Дан. – А еще мы поймали уйму рыбы. Целых полдня просидели. Только-только смотрели удочки.

И они искренне верили в то, что говорили. Ни один из них не заметил листьев Ясеня, Дуба и Терна, которые Пак незаметно подбросил им на колени.

Песня сэра Ричарда

Мы вслед за герцогом вышли в море,

Добыть желая английский трон,
Но был я молод и понял вскоре,
Что сам я Англией покорен.

Смельчак безусый, на поле брани
Мечтал я биться среди знамен,
Любви не ведав, не зная заране,
Что буду Англией покорен.

Отец мой смотрит с дозорной башни:
Плывет ли к дому молодой барон?
Отец, припомни свой день вчерашний,
Пойми: я Англией покорен!

О мать, чьей дом наш послушен власти,
Тебе твой первенец шлет поклон.
Ты знаешь силу весенней страсти:
Прости – я Англией покорен.

В пажах мой братец в Руане служит —
Пострел, насмешник и ветрогон.
Скажите, пусть обо мне не тужит,
Я просто Англией покорен.

В саду расцветшем моя сестрица
Вздыхает, слыша церковный звон.
Сестра, ведь юность не повторится,
Поверь – я Англией покорен.

Моих соратников лица строги,
Они проклятья мне шлют вдогон.
Друзья, мне с вами не по дороге:
Навек я Англией покорен.

Король и рыцарь глядят сурово,
Ворчат бароны со всех сторон...
Прошу, позвольте сказать два слова
Тому, кто Англией покорен:

Любви и смерти, уж вы поверьте,
Никто не минет: таков закон,
И так случилось, что я до смерти
Любовью в Англии покорен!

Искатели приключений

Песня варяжских жен

Разве удержит жена молодая
Близ очага и родимого края,
Если поманит Колдунья седая?

Это старуха с холодною кровью,
Лед она стелет гостям в изголовье
В крае, где айсбергов белых гнездовье.

Нежной она не обнимет рукою —
Только оближет зноблящей волною,
Выкатив тело на кромку прибоя.

Но, лишь повеет весной с небосвода,
Вздуются почки и вскроются воды,
Вам уже снятся сраженья, походы.

К морю вы сходите нетерпеливо,
Бродите молча по краю залива —
Там, где ладья ожидает прилива.

В пире и в мире уж нету вам сласти,
Мыслями всеми у ведьмы во власти,
Днище смолите и чините снасти.

И на заре ваш корабль уплывает
Вдаль, где багровая туча пылает,
Шум ваших весел стихает, стихает...

Разве удержит жена молодая
Близ очага и родимого края,
Если поманит Колдунья седая?

Тот день выдался слишком жарким для прогулок по лугу, и Дан

попросил старого Хобдена перенести их плоскодонку с пруда в ручей, который протекал в середине сада. На борту этого славного судна масляной краской было выведено название – «Маргаритка», но в серьезных экспедициях оно обычно называлось «Золотой Ланью», «Длинным Змеем» или каким-либо другим подходящим именем. Ручей был слишком узок для весел, так что Дану приходилось цепляться багром и подтягивать лодку вперед, а Уна отталкивалась от дна обломком жерди.

В очень мелких местах (а у «Золотой Лани» осадка была всего лишь три дюйма) они высаживались на берег и тянули лодку через галечные перекаты на веревке, а там, где заросли подходили к самой воде, они использовали низко растущие ветви, чтобы, хватаясь за них, двигаться против течения.

В тот день они собирались открыть Северный мыс, как «старый капитан Оттар» в книге баллад, которую Уна захватила с собой, но по причине жары изменили свое намерение и решили отправиться в путешествие по Амазонке или к истокам Нила. Даже здесь, у воды, чувствовалась духота, дремотные запахи цветов пропитывали воздух, а уж снаружи, за проемами листвы, луговина была просто раскалена солнцем. Зимородок спал на своей высокой ветке, и черные дрозды редко и лениво перепархивали с куста на куст. Лишь неутомимые стрекозы да еще, пожалуй, водяные курочки сохраняли какую-то бодрость, да большая бабочка-адмирал, блестя пурпурными крыльями, слетела к ручью попить и

освежиться.

Достигнув Омута Выдры, их суденышко благополучно пристало у отмели, и там, под тенистым навесом крон, они лежали и смотрели, как вода, переливаясь через мельничную плотину, сочится по кирпичному желобу, заросшему мхом. Большая форель – они часто видели ее здесь, – выпрыгивая из воды, охотилась на мошек, сновавших над омутом; время от времени маленькой волне, поднявшись на четверть дюйма, удавалось лизнуть какую-нибудь уже высохшую гальку; чуть заметно шевелились листья на верхушках деревьев, и тихо-тихо журчала вода у плотины.

– Словно какие-то духи шепчутся, правда? – спросила Уна. Она лежала с книгой, но ей никак не читалось. Дан задумчиво водил рукой по воде. Как вдруг раздались шаги по каменной отмели и рядом с ними возник сэр Ричард собственной персоной.

– Что, опасное было путешествие? – спросил он, улыбаясь.

– Слишком много перекатов, сэр, – отвечал Дан. – Река совсем обмелела этим летом.

– Да, ручей был намного шире и глубже в те времена, когда мои ребята играли тут в датских пиратов. А вы, позвольте узнать, тоже пираты?

– Нет, мы уже давным-давно не играем в пиратов. Мы теперь путешественники. Всякие открытия, плавания вокруг света...

– Как это вокруг света? – удивился сэр Ричард. Он уселся поудобнее на большом горбатом корне старого вяза. – Разве свет круглый?

– А что, разве в ваших книгах это не написано? – У Дана как раз в этот день был урок географии.

– Увы, я не умею ни читать, ни писать, – вздохнул рыцарь. – А ты умеешь читать, малыш?

– Конечно. Если только не очень заковыристые слова...
– Поразительно! Прочитай мне что-нибудь. Я хочу послушать.
Дан на секунду смутился, но все же взял книгу и начал – слегка спотыкаясь, но громко и внятно – с баллады «Открытие Нордкапа».

Оттар к Альфреду-королю
Пришел, в руках держа
Добытый в северном краю
Огромный клык моржа.

– Знаю эту песню! – прервал его сэр Ричард. – Не раз слышал, как ее пели. Вот чудеса!.. Нет, продолжай, прошу тебя, продолжай! – Он наклонился вперед, и тени от листьев, скользя, пробежали по его впалым щекам.

Я сеял хлеб, я пас быков,
Но грызли сердце мне
Рассказы старых моряков
О дальней стороне.

– Это правда... То же самое случилось со мной! – воскликнул сэр Ричард. Он слушал, самозабвенно отбивая ритм стихов по собственному колену.

Но вдруг рассеялся туман,
Холодный и сырой,
И безымянный океан
Открылся предо мной.

– Безымянный океан! – как эхо, повторил рыцарь. – Так оно и было со мной и с Хью.

– Куда же вы плыли, расскажите, – попросила Уна.

– Погодите, дослушаем до конца. – И он больше не проронил ни слова, пока Дан не закончил балладу.

– Прекрасно! Это то самое сказание об Оттаре, которое я слышал на корабле датчан. Слова были другими, но суть та же.

– Вы плавали на север? – Дан закрыл книгу и устремил восхищенные глаза на сэра Ричарда.

– Нет, наш путь лежал на юг. Но никто еще не заплывал так далеко к югу, как мы вместе с Виттой и его сородичами. – И он сжал двумя руками рукоять своего длинного меча, глядя куда-то вдаль невидящим взором.

– Я думала, вы все время жили здесь, – робко промолвила Уна.

– Да, пока была жива моя леди Илуэва. Но она умерла. И тогда с разрешения Де Акилы – король Вильям II назначил его наместником Пэвенси на место графа Монтеня – я оставил своего старшего сына владеть поместьем, а сам решил отправиться в какое-нибудь путешествие или паломничество, чтобы уйти от своих неотвязных дум. Когда Хью узнал об этом, он послал за моим младшим, которого, оставаясь холостяком, считал почти за сына, отдал ему, опять-таки с согласия Де Акилы, поместье Даллингтон – владеть им до своего возвращения – и присоединился ко мне.

– Что же было потом? – спросил Дан.

– Помню все, день за днем, как будто это было вчера. Мы ехали вместе с Де Акилой верхами, направляясь к месту стоянки французского корабля, ежегодно привозившего ему вино из Бордо, как вдруг какой-то оборванец бросился к нам крича, что ему привиделся на болоте большой Черный Козел, на спине которого лежало бездыханное тело короля. В тот же день прискакал гонец с черной вестью. Король Вильям Рыжий был убит на охоте предательской стрелой, пущенной из-за куста.

«Плохой знак и неподходящий час для начала путешествия, – сказал Де Акила. – Раз Вильям Рыжий убит, мне, должно быть, придется сражаться за свои земли. Вам лучше повременить с отъездом».

Но мне после смерти моей госпожи любые знаки и приметы были нипочем. Хью согласился со мною. Мы сели на тот самый корабль, идущий в Бордо, но едва отплыли от берега, как густой туман упал на море и нас начало сносить течением куда-то к западу. Судно было купеческое, оно везло английскую шерсть, да три пары огромных охотничьих псов было привязано на корме. Их хозяином был дворянин из Артуа: запомнил, как его звали, но помню щит с золотыми полосами на червонном поле. Этот бывалый воин немного прихрамывал (как вот я сейчас) от раны, полученной при осаде Мантуи. Он служил герцогу Бургундскому, сражавшемуся с маврами в Испании, и как раз возвращался туда. Всю первую ночь на корабле он пел нам диковинные мавританские песни и почти уговорил нас отправиться вместе с ним на войну. Мне было все

равно, лишь бы забыться: я еще не знал, что никакие странствия не спасают от скорби и неотвязных дум, и наверное бы согласился, но...

Как все-таки неожиданно Судьба вмешивается в человеческую жизнь! Под утро бесшумно подплывший корабль викингов столкнулся с нашим в тумане, палубу резко накренило в одну сторону, потом в другую, и Хью, не удержавшись, перелетел через фальшборт. Я бросился за ним в воду, кое-как нам удалось вскарабкаться на борт датчанина, где нас тут же схватили и связали. Наш собственный корабль исчез за пеленой тумана. Думаю, что рыцарю из Артуа пришлось заткнуть собственным плащом пасти своим собакам, ибо их лай, который мог выдать викингам местоположение купеческого корабля, внезапно оборвался и смолк.

До утра мы пролежали связанные между скамьями гребцов, а на заре датчане притащили нас на кормовую палубу и бросили ничком возле рулевого весла. Их капитан – его звали Витта – носком сапога перевернул пленников на спину. Он был рыж и длинноволос, как женщина, а его руки от запястий до плеч унизаны золотыми браслетами. Первой его заботой стало тщательно ограбить нас, сняв оружие и украшения, но, взявшись за меч Хью, он увидел таинственные руны на клинке и поспешно задвинул его в ножны. Впрочем, алчность вновь заговорила в нем, и он потянулся за мечом во второй раз... И тогда меч внезапно запел – громко и грозно – так, что гребцы бросили весла и прислушались. Тут на корабле поднялся шум и крик, подобный крику встревоженных чаек; и Желтый Человек (таких я никогда в жизни не видывал) вскочил на корму и перерезал стягивавшие нас путы. Он был совершенно желт – но не так, как тот, кто изнурен болезнью: он был желт от природы, желт, как лесной мед, и глаза его глядели вкось, как бы сквозь две узкие щели.

– Это как же? – спросила Уна.

– Вот так! – отвечал сэр Ричард, приставив указательные пальцы к углам глаз и растягивая их в стороны.

– Так он, наверное, был китаец! – воскликнул Дан.

– То мне неведомо. Знаю только, что Витта подобрал его полумертвым на берегу ледовитого моря в далекой Московии. Нам он показался сущим демоном. Он принес еды на серебряном блюде, которое эти морские волки захватили в каком-то богатом монастыре, и Витта собственными руками поднес нам по кубку вина. Он говорил немного по-французски, немного по-саксонски, но больше на языке викингов – родном языке све-ев, норвежцев и датчан. Мы попросили его высадить нас на берег, обещая выкуп больше той цены, которую он мог бы выручить, продав нас в рабство маврам.

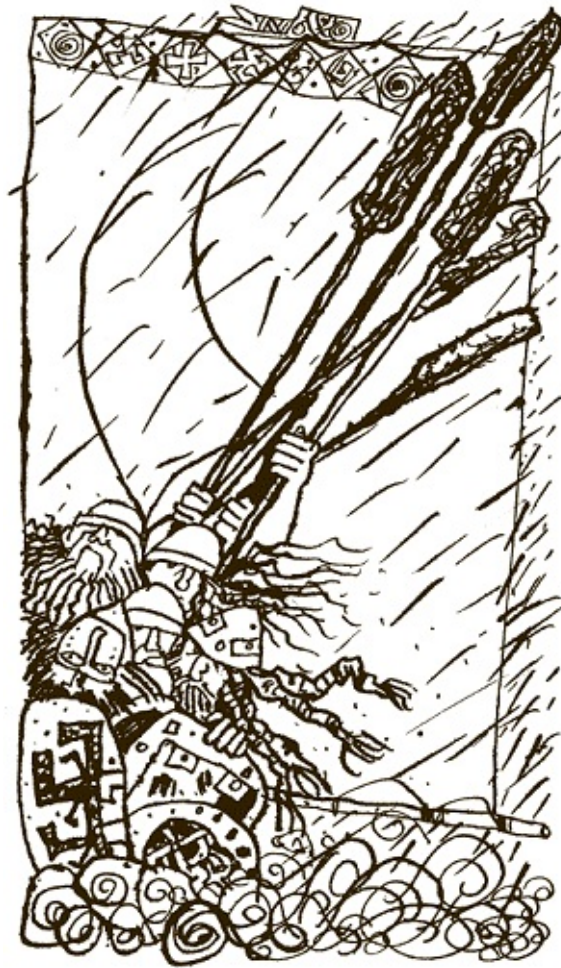
«Нет! Клянусь головой отца моего Гутрума! – ответил Витта. – Вы посланы мне богами для счастья и удачи!»

При этих словах я вострепетал, ибо помнил обычай викингов приносить в жертву пленников ради дарования удачи и попутного ветра.

«Чума на твои руки и ноги! – вскричал Хью. – Какая тебе польза от двух старых несчастных странников, не способных ни работать, ни сражаться?»

«Боги запрещают мне сражаться с тобой, о Странник с Поющим Мечом, – сказал Витта. – Оставайся с нами, и тебе не будет грозить никакая опасность. Зубы у тебя стоят порознь, а это верный знак, что тебе суждены богатство и счастье».

«А что, если мы не захотим остаться?»

«Тогда плывите на все четыре стороны, – усмехнулся капитан. – Слева от нас Франция, справа Англия. Если вам охота утопиться – пожалуйста, держать не буду! Но клянусь, что ни один волос не упадет с вашей головы, пока вы у меня на борту. Я уверен, что вы принесете нам удачу. Руны, начертанные на твоём мече, – могущественные руны». – Он отвернулся от нас и велел поднять парус.

С того часа люди Витты с почтением и опаской уступали нам дорогу. Мы получили свободу разгуливать по всему кораблю. А корабль викингов был поистине полон чудес.

– Каков же он был? – поинтересовался Дан.

– Очень длинный и узкий, с единственной мачтой, несущей большой красный парус, и тридцатью веслами – по пятнадцати с каждой стороны. На носу был настил, под которым можно приютиться на ночь: подобие каюты, на корме – другая каюта, отделенная крашеной дверью от скамей гребцов. Там на мягком, как овчина, ковре спали мы с Хью, а также капитан и Желтый Человек. Помню, – продолжал сэр Ричард, – когда мы в первый раз вошли в эту каюту, раздался громкий крик: «К оружию! К оружию! Рази! Рази!» Мы разом вздрогнули, а Витта расхохотался и указал нам на серую птицу с большим клювом и красным хвостом. Она села мне на плечо и хриплым голосом потребовала вина и хлеба, а потом попросила, чтобы я ее поцеловал. Это была всего лишь птица – глупое, безмозглое существо! Можете себе представить? – Рыцарь в недоумении уставился на улыбающиеся лица ребят.

– Да нет, мы не над вами смеемся, – смутилась Уна. – И все-таки, это был просто попугай. Попка-дурак, говорящий попугай!

– Ну, потом-то мы привыкли... А вот вам другое чудо. У Желтого Человека, которого звали Кей-Тай, был коричневый ящичек, а в нем – голубая тарелка, расчерченная по ободку красными знаками. Посередине на тонкой нити висел кусочек железа – узкий, как эта травинка, и длиной с мою шпору. В этом кусочке железа обитал Злой Дух, привезенный Желтым Человеком из его страны, лежащей в трех годах пути к югу от наших мест. Этот Злой Дух днем и ночью стремился вернуться обратно, и потому железная стрелка постоянно указывала одним концом на юг...

– На юг? – переспросил Дан, запуская правую руку в карман.

– Я видел это собственными глазами. Днем или ночью, как бы ни качало и ни крутило корабль, если даже солнце, и луна, и звезды скрывались за облаками, этот незрячий Злой Дух, обитавший в куске железа, чуял, в какой стороне его дом, и неуклонно стремился к югу. Витта звал его Железным Мудрецом, ибо он указывал ему путь через неведомые моря. – Сэр Ричард торжествующе оглядел ребят. – Ну, что вы скажете? Разве не колдовство?

– Что-то вроде этого, не так ли, сэр? – спросил Дан, выуживая из кармана свой походный компас, мирно уживавшийся там со складным ножичком и брелком для ключей. – Стекло, правда, треснуло, но стрелка вращается как положено.

Рыцарь аж рот раскрыл от изумления.

– Точно! Вот так он и дрожал, и рыскал острием влево и вправо, тот Железный Мудрец! Пока не застывал неподвижно, указывая на юг.

– На север, – поправил Дан.

– Нет, на юг! В той стороне юг! – возразил сэр Ричард. И внезапно оба они расхохотались, сообразив, что если один конец стрелки указывает на

юг, то другой, конечно, на север.

– Ну и ну! – воскликнул сэра Ричард, прищелкнув языком. – Видно, и впрямь в том нет волшебства, если ребенок носит такую штуку в кармане. Куда же она показывает – на север или на юг?

– Папа говорит, что это никому не известно, – сказала Уна.

Сэр Ричард вздохнул с явным облегчением.

– Вот видите, все-таки эта вещь волшебная. Так мы это и понимали тогда... Между тем наше плавание продолжалось. Когда дул попутный ветер, мы поднимали парус, а сами ложились под бортом с наветренной стороны, загородившись щитами от брызг. Когда ветер стихал, мы шли на веслах, Желтый Человек не спускал глаз с Железного Мудреца, а Витта правил, стоя у кормила. Сперва я страшился огромных белоголовых волн, но приметя, как умело Витта направляет корабль между ними, немного приободрился. Хью показал себя прирожденным моряком с самого начала. Я же больше пригоден для суши, ветры, скалы и водовороты, какие мы встретили у западных берегов Франции, были мне не по нутру. Мы плыли на юг, и однажды, в штормовую ночь, при свете луны мы видели, как фламандское судно перевернулось и затонуло на наших глазах. Всю эту ночь Хью был на палубе рядом с Виттой, а я – ни жив ни мертв – провалился в каюте рядом с Говорящей Птицей. Такова морская болезнь, которая в три дня может довести человека до смерти.

Когда вновь показалась земля, это уже была Испания, и тут нам пришлось держаться подальше от берега, вдоль которого рыскало множество судов: Бургундец воевал с маврами, и нужно было остерегаться как людей герцога, чтобы не быть повешенными, так и мавров, чтобы не быть проданными в рабство. В сумерках мы укрылись в одной незаметной бухточке, известной Витте. Вскоре появились какие-то люди с мулами, груженными разным товаром, и начался торг. Витта менял янтарь Северного моря на бруски железа и множество бусин в глиняных горшках. Эти горшки он поставил в каюту, а железо сгрузил на самое дно корабля, выбросив оттуда балласт из тяжелых камней и щебня. Он купил и вина на пригоршню полупрозрачного, ароматного янтаря: маленький кусочек его величиной с ноготь стоил целой фляжки вина... Да что это я, как купец, все о товарах да о торговле!

– Нет-нет, это очень интересно, – воскликнул Дан. – Расскажите нам, что вы ели в плавании?

– Сушенное на солнце мясо, вяленую рыбу да толченый горох. А еще наш капитан запас несколько корзин сладких мавританских плодов, похожих на смоквы, но с тонкими продолговатыми косточками. Вспомнил! – они назывались финиками.

«А теперь, – сказал Витта, когда погрузка закончилась, – советую вам, чужестранцы, хорошенько помолиться своим богам, ибо путь, который мы сейчас изберем, не ведом никому на свете».

Он и его воины закололи и принесли в жертву черного козла, а Желтый Человек достал маленького улыбающегося божка из темно-зеленого камня и воскурил перед ним пучок пахучей травы. Мы же с Хью поручили себя Господу, Святому Варнаве и Пресвятой Богородице Успения, которую особо почитала моя госпожа. Мы были далеко не юнцами, но, думаю, не стыдно будет сознаться, что когда на следующее утро наш корабль выплыл из укромной бухты на сверкающую от рассветных лучей гладь моря, мы

ликовали и распевали песни, как нормандские рыцари ликовали в старину, отправляясь завоевывать Англию со своим великим герцогом. Однако наш предводитель был всего-навсего язычником и пиратом, а наш гордый флот состоял из одной опасно перегруженной галеры; чтобы не сбиться с пути, приходилось полагаться на нечестивого колдуна, и плыть нам предстояло куда-то на край света. По словам Витты, его отец Гутрум доплыл некогда вдоль африканского берега до земли, где люди, не носившие никаких одежд, отдавали золото за железо и стеклянные бусы. Там он купил много золота и слоновьих бивней: туда-то, с помощью Железного Мудреца, и надеялся добраться Витта. Он не боялся ничего – лишь бы добыть себе богатство.

«Отец рассказывал мне, – говорил Витта, – об обширном мелководье, которое тянется на три дня пути, а к югу от того мелководья начинается лес, растущий прямо из моря. Дальше к юго-востоку лежит страна, жители которой носят золото в своих курчавых волосах, но там обитает и множество демонов, которые прячутся на деревьях и разрывают людей на куски. Что вы на это скажете?»

«Золото там или не золото, – отвечал Хью, поглаживая свой меч, – я думаю, что приключение нас ждет веселое. Зададим жару этим твоим демонам!»

«Какое там веселье! – кисло отозвался Витта. – Я всего лишь бедный морской разбойник и не стану рисковать жизнью ради веселья и приключений. Вернуться бы мне обратно в Ставангер, обнять жену, и ничего больше не надо. С кораблем управляться потруднее, чем с женой или со скотиной».

И он встал над гребцами, всячески понося их за слабосилие и непомерное обжорство. Таков был Витта. Но притом – смел в бою, точно волк, и хитер как лиса.

Трое суток нас относил штормом на юг, и все эти три дня и три ночи Витта не выпускал из рук кормового весла, направляя корабль сквозь бурное море. Когда волны поднялись слишком уж высоко, он велел вылить за борт бочонок с китовым жиром, и это чудесным образом успокоило море вокруг нас. Тогда он развернул ладью против ветра и бросил плавучий якорь – несколько связанных вместе весел. Этому приему научил его отец Гутрум. Так нам удалось кое-как продержаться до конца шторма. Витта прекрасно знал корабельное дело. Он читал «Ладейную книгу» воительницы Хлаф, грабившей берега Египта. Знал он и «Лечебник» Бальда, мудрейшего врачевателя на свете.

Когда буря стихла, мы увидели невдалеке огромную гору, пронзающую

облака своей снеговой сверкающей вершиной. У подножия той горы растет трава, отвар из которой лечит десны и распухшие лодыжки. Мы провели там восемь дней, покуда люди, одетые в звериные шкуры, не стали бросать в нас камнями. На полпути между Островом Горы и побережьем Африки, лежащим к востоку, сделался штиль и стояла такая жара, что Витте пришлось соорудить полотняный навес для гребцов. Африканский берег был песчаным, мы плыли вдоль него на расстоянии трех выстрелов из лука. Видели китов и еще других рыб, имеющих форму щита, но длиннее, чем наша ладья. Некоторые из них спали, иные угрожающе разевали перед нами свои пасти, а иные плясали на блестящей глади моря. Вода, в которую мы опускали ладонь, казалась горячей, и небо было затянуто жарким тусклым маревом, сквозь которое сеялась какая-то тонкая пыль, убелявшая по утрам наши волосы и бороды. Видали мы и рыб, летавших по воздуху, как птицы. Порой они падали прямо на колени гребцам; мы жарили их и ели, когда высаживались на берег.

На этом месте рыцарь умолк и взглянул на слушателей, ожидая, что ему не поверят, но ребята только кивнули, и он продолжил рассказ:

– Слева от нас желтела суша, справа пенилось седое море. Работы хватало всем: я сам, несмотря на свое рыцарское звание, помогал гребцам, я сушил морские водоросли и перекладывал ими горшки с бусами, чтобы они не разбились. Рыцарская удаль хороша на земле, а на море человек – лишь всадник без шпор на коне без поводьев. Я научился вязать узлы: да, я умел соединить два каната так, что даже Витта едва мог различить место их соединения. Но Хью оказался в десять раз более искусным моряком, чем я. Витта доверил ему весь левый ряд гребцов. Правый ряд был под началом Торкильда из Боркума, воина со сломанным носом в нормандском стальном шлеме. Вдвоем они следили за тем, чтобы никто не ленился на борту. Воистину, как сказал Хью (и Витта рассмеялся на его слова), управлять кораблем было потруднее, чем поместьем.

Мало ли у капитана забот! Нужно было вовремя запастись свежей водой на берегу, а также дикими плодами и травами, а еще песком, чтобы до блеска отдраивать настилы и скамьи. Время от времени, вытащив корабль на какую-нибудь пологую отмель, мы приводили в порядок такелаж, очищали корпус от выросших водорослей и окуривали каюты тростниковым факелом, вымоченным заранее в соленой воде, как учила мудрая Хлаф в «Ладейной книге». Однажды, когда мы увлеклись этими делами, кто-то так громко завопил: «К оружию!», что мы подумали, будто и впрямь приближаются враги. Тревога, конечно, оказалась ложной, и Витта поклялся свернуть шею глупой Говорящей Птице.

– Бедный Попка! – испугалась Уна. – Неужто он это сделал?

– Нет, конечно. Птица считалась на корабле вроде талисмана... Славные это были, незабвенные деньки – с Виттой и его нехристями – где-то у дьявола на рогах, на краю света!..

Спустя несколько недель мы приплыли к Великому Мелководью, которое, как и говорил отец Витты, тянулось на много-много миль в море. Когда мы наконец миновали его бесчисленные мели и буруны и достигли берега, мы обнаружили там черных и совершенно нагих людей, живших в лесу, – наивных дикарей, которые за один кусок железа давали нам груды плодов, кореньев и птичьих яиц. Золота у них не было, но они поняли наши жесты (все торговцы золотом прятали его в своих волосах) и показали руками дальше вдоль берега. При этом они издавали какие-то дикие крики и яростно ударяли себя кулаками в грудь, что, несомненно, было дурным знаком.

– Что они имели в виду? – спросил Дан.

– Потерпите, скоро узнаете. Шестнадцать дней мы плыли вдоль берега на восток, пока не достигли Морского Леса. Деревья росли прямо из

илистого дна, образуя сложные переплетения корней внизу и непроницаемую для дневных лучей кровлю сверху. Множество мутных протоков уводило куда-то в потемки. Мы плыли по длинным, извилистым каналам, не зная солнца, и там, где невозможно было грести, проталкивали ладью вперед, цепляясь за стволы и сучья. От воды несло зловонием, и большие светящиеся мухи сильно досаждали нам. Днем и ночью сизый туман стоял над этой трясиной, пагубной и тлетворной. Четверо из наших гребцов заболели лихорадкой, и их пришлось привязать к скамьям, чтобы они не выпрыгнули за борт, на съедение чудовищам, обитавшим в трясины. Желтый Человек лежал в бреду рядом с Железным Мудрецом и что-то лопотал на своем языке. Лишь капитанская птица чувствовала себя прекрасно. Она сидела на плече Витты, пронзительно крича в обступавшей нас зловещей тишине. Да, страшнее всего была эта тишина.

Он помолчал, прислушиваясь к успокоительному, безмятежному плеску ручья.

ЧЕРНЫЕ ЛЮДИ

– Мы уже потеряли счет времени среди черных омутов и топей, когда вдруг услышали вдали стук барабана и, двигаясь на этот звук, выплыли в устье широкой коричневой реки и увидали несколько хижин на поляне, окруженной посадками тыквы. Обитатели этой деревушки радушно приветствовали нас, и Витта поскреб у себя в голове (намекая на золото) и предложил туземцам железо и бусы. Они сбежались к кораблю, указывая пальцами на наши мечи и луки – мы всегда вооружались, подходя к берегу. Вскоре они натаскали нам из своих хижин много маленьких золотых слитков и золотого песка, а вдобавок – несколько огромных потемневших слоновьих бивней. Весь этот товар они сложили в кучу на берегу, как бы приглашая нас к обмену. При этом они озирались на лес, обступивший деревню, и делали воинственные жесты, указывая на верхушки деревьев. А их вождь или верховный жрец ударял себя кулаками в грудь и скрипел зубами.

«Что это значит? – спросил Торкильд из Боркума. – Они предлагают нам сразиться за это богатство?» -

И он потянул из ножен свой меч.

«Нет, – отвечал Хью. – Они предлагают нам объединиться против какого-то врага».

«Не нравится мне это, – решительно заявил Витта. – Отойдемте-ка на середину реки».

Мы отплыли подальше, настороженно поглядывая на берег и сложенную там кучу золота. Внезапно вновь раздался стук барабана, и наши туземцы поспешно скрылись в свои хижины, оставив золото без охраны.

Тут Хью, стоявший на носу ладьи, молча показал нам рукой, и мы увидели огромного демона, вышедшего из леса. Чудовище огляделось, приставив ладонь ко лбу, и облизнуло губы ярко-красным языком – вот так!

– Тот самый демон! – восторженно ужаснулся Дан.

– Да! Ростом выше человека и весь покрытый рыжим волосом. Увидя наш корабль, он стал колотить себя кулаками в грудь, как в гулкий барабан, а потом двинулся к берегу, раскачивая на ходу длинными руками и скрежеща зубами. Хью выстрелил и пронзил стрелой его горло. Он свалился с ревом, и тогда из леса выбежали три других демона и уволокли его с собой на дерево, скрывшись из вида в гуще ветвей. Окрашенная кровью стрела была вырвана и брошена на землю, и вслед за тем раздался общий вой и громкие стоны. Витта видел золото на берегу, и отступить ему явно не хотелось.

«Воины, – сказал он, первым нарушив молчание на корабле. – То, ради чего мы добирались сюда со столькими муками и трудами, лежит у нас под рукой. Пристанем к берегу, пока эти демоны оплакивают своего товарища, и заберем, что сможем».

Смел, точно волк, и хитер как лис, был Витта. Он поставил на носу корабля четырех лучников, готовых стрелять в демонов, как только они покажутся из-за ближайшего к берегу ствола. Он велел гребцам зорко следить за его рукой, чтобы по первому знаку навалиться на весла и отчалить. Но ни один человек не отважился ступить на сушу, хотя сокровище лежало в десяти шагах. Никому не хотелось первым лезть на рожон! Они скулили у борта, как побитые собаки, а Витта кусал себе пальцы от гнева, но не мог ничего поделать.

И вдруг... «Слышите?» – сказал Хью. Сперва им показалось, что это светящиеся мухи жужжат над водой, но звук становился все громче и пронзительней, и уже нельзя было ошибиться...

– Что это было? – спросили разом Уна и Дан.

– Это был Меч. – Сэр Ричард погладил широкую рукоять клинка. – Меч пел, как поют викинги перед боем. «Я иду», – сказал Хью и выпрыгнул на сушу. Мне было страшно до дрожи в коленях, но, устыдясь своего страха, я прыгнул вслед за Хью, и Торкильд из Боркума устремился за мною. Никто больше не решился. «Простите меня, – крикнул Витта, – я должен быть на корабле». Нам было недосуг прощать или обвинять. Наклонившись над грудой золота, мы стали бросать его на корабль, стараясь не выпускать из виду ближайшее к нам дерево и готовые в любой момент схватиться за мечи.

Не помню, как появились демоны и как началась схватка. Я услышал боевой клич Хью и увидел, как волосатая рука с размаху смяла стальной шлем Торкильда. Стрела просвистела возле самого моего уха. Говорят, что лишь под угрозой меча Витте удалось удержать своих гребцов от бегства, и каждый из четырех лучников утверждал впоследствии, что именно он сразил стрелой демона, напавшего на меня. Не знаю. На мне была кольчуга, она и спасла мою шкуру. Мечом и кинжалом я пытался отбиться от демона,

у которого ноги были вроде еще одной пары рук, но я был против него как пылинки против бури. Он уже схватил меня за туловище, намертво притиснув мои руки к бокам, когда стрела ударила его между лопаток, и он на секунду ослабил хватку. Вырвав руку, я дважды проткнул его мечом, и он заковылял прочь с кашлем и стонами, опираясь на свои длинные руки. Помню еще, как Торкильд из Боркума без шлема весело прыгал, атакуя и уклоняясь, перед другим демоном, тоже прыгавшим перед ним с оскаленными зубами. Помню, как мелькнул передо мной Хью, перехвативший меч в левую руку, и я еще успел удивиться тому, что Хью оказался левшой. Больше я ничего не видел и не помнил. Очнулся я от того, что кто-то прыскал мне в лицо водой. И было это двадцать дней спустя.

– Чем же закончился бой? Неужели Хью погиб? – наперебой закричали ребята.

– Невиданная и небывалая дотоле совершилась битва, – продолжал сэра Ричард. – Лишь вовремя пущенная стрела спасла меня, а Торкильд из Боркума отступал перед своим демоном до тех пор, пока не заманил его к самому кораблю, под выстрелы всех четырех лучников, которые покончили с чудовищем. Но демон, сражавшийся с Хью, оказался хитрее. Он держался позади деревьев, куда ни одна стрела не могла достать. Лицом к лицу, в яростной и отчаянной схватке Хью одолел и убил его, но, умирая, демон стиснул зубами меч и оставил на нем свой след. Взгляните, что это были за клыки!

Рыцарь снова обнажил свой меч, чтобы дети могли разглядеть две глубокие отметины на обеих сторонах клинка.

– Эти же зубы сомкнулись на правой руке Хью и разодрали ему бок. Я-то отделался сломанной ногой и лихорадкой, Торкильд – откушенным ухом, но рука Хью начисто отсохла с тех пор. Когда я его увидел, он лежал, держа левой рукой какой-то плод и вяло его посасывая. Рука была слабая, как у женщины, с проступившими на ней голубыми жилками, и весь он был страшно исхудавший и полуседой. Он обнял меня одной рукой и прошептал: «Возьми мой меч. Он твой со дня Гастингской битвы. Мне больше не сражаться». Мы лежали рядом на палубе, вспоминая Сантлейк и все, что пережили после Сантлейка, плакали и не стыдились своих слез. Я был очень слаб, а он – беспомощней тени.

«Ну, полно! – крикнул нам Витта, стоя у кормила. – Золото прекрасно заменит правую руку любому человеку. Вы только поглядите на него, полюбуйтесь! – Он велел Торкильду принести и показать нам золото и слоновьи бивни, думая утешить нас, как детей. Он забрал все золото, что было на берегу, и туземцы дали ему еще вдвое больше в благодарность за

избавление от демонов. Они поклонялись пришельцам, как богам, а одна старуха из деревни подлечила раны бедняги Хью.

– Сколько же золота вы добыли? – спросил Дан.

– Трудно сказать. Золото в слитках мы сложили в каютах, мешочки с золотым песком – вдоль бортов, а огромные слоновьи бивни едва разместились под ногами гребцов.

«Я отдал бы все это за свою правую руку», – сказал Хью, равнодушно оглядев сокровища.

«Да! Я ошибся, – молвил Витта. – Следовало взять выкуп и высадить вас во Франции тогда, девять месяцев назад».

«Слишком поздно ты надумал», – засмеялся Хью.

«Сам рассуди, – возразил Витта, дернув себя за волосы (он носил длинные пряди волос, свисавшие на плечи). – Если бы я отпустил вас (а я бы этого никогда не сделал, ибо люблю вас, как братьев), вы бы могли отправиться на войну с герцогом Бургундским и пасть от рук безжалостных мавров; или вас прирезали бы по дороге разбойники, или бы чума доконала

на каком-нибудь постоялом дворе. Так что не слишком укоряйте меня. Клянусь, я возьму только половину этого золота!»

«Я не укоряю тебя, Витта, – отвечал Хью. – Это было веселое приключение, и нам с тобой удалось совершить небывалое доселе дело. Когда я вернусь в Англию, я построю крепкую башню в Даллингтоне на свою долю добычи».

«А я куплю скот, и янтарь, и красное сукно для своей жены, – сказал Витта. – И я завладею всей землей в устье Ставангерского фьорда. Многие теперь захотят сражаться на моей стороне. Но сперва нам следует повернуть на север и молиться, чтобы мы не встретили пиратов!»

Никто не засмеялся. С таким сокровищем на борту нам и впрямь следовало быть осторожными. Никому не хотелось потерять золото, ради которого мы сражались с демонами.

«А где же колдун?» – спросил я Витту, примечая, как он советуется с Железным Мудрецом в ящике, но не видя нигде Желтого Человека.

«Он ушел, – ответил капитан. – Однажды ночью, когда мы плыли сквозь заболоченный лес, он вскочил и закричал, что там, за деревьями, – его страна. С этими словами он выпрыгнул за борт прямо в трясины и не откликнулся, сколько мы его ни звали. Что делать! В конце концов, он оставил нам Железного Мудреца, и – погляди! – упрямый Дух по-прежнему показывает на север».

Сперва мы опасались, как бы Железный Мудрец не подвел нас в отсутствие своего хозяина, а после того, как убедились, что он служит исправно, мы стали бояться бурь, подводных скал, даже летучих рыб, – и всех людей на берегах, к которым мы приставали.

– Отчего же? – спросил Дан.

– Из-за золота. Золото сильно меняет людей. Лишь Торкильд из Боркума не изменился. Он смеялся над страхами Витты, он смеялся над всеми нами, боявшимися полного паруса и свежего ветра.

«Лучше сразу утонуть, – говорил Торкильд, – чем убиваться из-за кучи желтого праха».

Он был безземельным бродягой, много испытавшим: несколько лет ему пришлось провести в рабстве у какого-то восточного царя. Он предлагал расплющить золото в тонкие листы, чтобы покрыть ими весла и бушприт корабля.

Измученный страхом за свои сокровища, Витта, тем не менее, проявлял особую заботу о Хью, ухаживал за ним, как нянька, поддерживал за плечи в сильную качку; он даже протянул веревки вдоль корабля, чтобы Хью мог держаться за них, бродя по палубе. Если бы не Хью, считал он (и с этим были согласны все), им бы не удалось завладеть золотом. А еще

Витта сделал золотой обруч для своей любимой Говорящей Птицы, на котором она могла висеть и качаться.

Три месяца мы плыли без отдыха, приставая к берегу лишь для пополнения нашего скудного запаса пищи и для очистки корабля. Однажды мы видели между песчаных дюн белых всадников, размахивающих копьями, и догадались, что мы на Мавританском побережье. Взяв курс на север, к Испании, мы поплыли дальше, но сильный юго-западный ветер, подхвативший корабль, в десять дней принес нас к рыжеватому скалистому берегу; мы слышали звуки охотничьих рожков среди холмов, поросших желтым утесником, и поняли, что это Англия.

«Ну, теперь сами ищите свое Пэвенси, – сказал Витта. – Не люблю я этих узких, кишачих кораблями морей».

С тех пор как он прикрепил сухую, просоленную голову демона, которого убил Хью, на носу ладьи, встречные суда в страхе исчезали с нашей дороги. Впрочем, мы сами боялись их не меньше. Скрытно, под покровом сумерек, мы доплыли вдоль берега до белых меловых скал, а там уж было рукой подать и до Пэвенси. Витта не стал высаживаться с нами, хотя Хью и обещал выкупать его вине, когда доберемся до Даллингтона. Он доставил нас на берег после захода солнца, выгрузил нашу долю добычи и отчалил с тем же приливом. Когда мы прощались, он расцеловал нас, чуть не плача, а потом стащил все браслеты с правой руки и надел их на левую руку Хью. И хотя Витта был язычником и пиратом, хотя много месяцев он силой удерживал нас на своем корабле, клянусь, мне было грустно расставаться: я полюбил этого нескладного, голубоглазого человека – он был смел, искусен и хитер, а сверх того – простодушен.

– Благополучно ли он доплыл? – спросил Дан.

– Не знаю. Мы видели, как он поднял парус и ушел в море по сверкающей полосе лунного света. Я помолился за то, чтобы ему счастливо вернуться к жене и детям.

– А что было дальше?

– До рассвета мы оставались на берегу. Затем я сел сторожить наше сокровище, завернутое в старый парус, а Хью отправился в Пэвенси, откуда Де Акила прислал лошадей.

Сэр Ричард задумался, скрестив руки на рукоятке меча. Мягкие, теплые тени скользили по ручью.

– Целый корабль золота! – воскликнула Уна, взглянув на их маленькую «Золотую Лань». – Здорово! И все же не хотела бы я встретиться с этими демонами.

– Не думаю, что это были демоны, – тихо заметил Дан.

– Что-что? – обиделся сэр Ричард. – А вот отец Витты утверждал, что это были самые настоящие демоны. Кому верить – отцам или детишкам? Кто же, по-твоему, они были, если не демоны, а?

Дан покраснел.

– Просто... мне просто подумалось... – произнес он запинаясь. – У меня есть такая книга, которая называется «Охотники за гориллами», это продолжение «Кораллового острова», сэр, – и там рассказывается, как гориллы (знаете, это такие большие обезьяны) все время грызут железо.

– Не все время, а два раза грызли, – уточнила Уна. Они вместе читали «Охотников за гориллами» в саду.

– И потом они любят ударять себя кулаками в грудь, прежде чем броситься на людей. Ну, вот как сэр Ричард рассказывал. И еще они строят жилища на деревьях.

– Ага! – оживился сэр Ричард. – Жилища, похожие на гнезда, где эти демоны выращивают своих демонят. Я сам не видел (я потерял сознание после битвы), но Витта рассказывал мне. Гляди-ка, и мальчуган толкует о том же! Неужели наши демоны – просто-напросто большие обезьяны? Неужели в мире не осталось больше ни чудес, ни колдовства?

– Не знаю... – смущенно пробормотал Дан. – Мы видели одного человека, который вынимал кроликов из шляпы, и он сказал, что если мы будем внимательно смотреть, мы поймем, как это получается. И мы смотрели – во все глаза!..

– Но не поняли, – вздохнула Уна. – А вот и Пак!

Маленький человечек, загорелый и веселый, выглянул из-за рябины, кивнул им и мигом соскользнул по склону на прохладный бережок.

– Ну как, есть на свете колдовство, сэр Ричард? – улыбнулся Пак и дунул на пышный венчик одуванчика.

– Они мне говорят, что Железный Мудрец Витты – всего лишь игрушка. Этот мальчуган носит такую же в кармане. Они говорят, что демоны Южного Моря – просто обезьяны, именуемые «гориллы»! – возмущенно пожаловался сэр Ричард.

– Это и есть Книжное Колдовство, – сказал Пак. – Разве я не предупреждал тебя, что эти дети мудры? Любой может стать мудрым, если начитается книг.

– А правду ли пишут в книгах? Ох, не по душе мне это чтение и писание...

– Так-так... – протянул Пак, рассматривая обнаженную, лысую головку одуванчика. – Но если те, кто пишет ложь, заслуживают виселицы, то почему Де Акила не начал с Гилберта, своего писаря? Вот уж действительно был мошенник!

– Мошенник, но не трус. По-своему он был даже смел, бедняга Гилберт!

– Что же он такого сделал? – спросил Дан.

– Да так, написал кое-что, – промолвил сэр Ричард. – Как ты думаешь, подходящая ли это история для детских ушей?

Он поглядел на Пака, но Дан и Уна тотчас закричали хором:

– Расскажите нам! Расскажите!

Песня Торкильда

*Мертвый штиль на море лег,
(Эй, на веслах! Веселей!
Держим курс на Ставангер!)
Лишь от весел ветерок,*

*(Налегай! Греби дружней!
Путь далек на Ставангер.)*

*Ноем мачта, стонет борт —
(Навались! еще разок!)
Чуют Ставангерский фьорд.
(Ну-ка вместе! Путь далек.)*

*Чуют Ставангерский снег
И ладья, и человек,*

*Чуют чудный жар печей,
Темень северных ночей.*

*Ноем мачта, стонет борт —
Боги! как мы рвемся в порт!*

Боги, парус наш обвис,

Морякам пошлите бриз,

*Смельчакам пошлите шквал,
Чтоб до дому нас домчал!*

*Но мертвый штиль на море лег...
(Держим курс на Ставангер!)
Навались! еще разок!
(Путь далек на Ставангер.)*

Старики в Пэвенси

– Ни демонов, ни обезьян в этом рассказе не будет, – так начал сэр Ричард. – Речь пойдет о Де Акиле; воистину доблестней и искусней рыцаря не рождалось еще на свете. В ту пору он был стар, очень стар.

– В какую пору? – переспросил Дан.

– Когда мы вернулись из плавания с Виттой.

– Как же вы поступили с добытым золотом?

– Терпение. Звено к звену куется кольчуга. Все услышите в свое время... На трех навьюченных лошадях мы привезли свое золото в Пэвенси и подняли его в Северную Башню замка, где Де Акила обычно проводил зиму. Он сидел на своем ложе, как маленький белый сокол, быстро переводя взор с одного на другого, пока мы с Хью рассказывали ему свою историю. Джихана Краба, старого хмурого воина, сторожившего вход в покои, Де Акила отослал вниз и опустил плотный кожаный полог на двери. Кроме Джихана, никто не знал о нашей добыче: это он был послан за нами с лошадьми, и он один грузил золото.

Выслушав нас, Де Акила в свой черед поведал нам английские новости, ибо мы были как пробудившиеся от годового сна. После убийства Вильяма Рыжего (в самый день нашего отплытия – помните, я рассказывал?) его младший брат Генри провозгласил себя королем Англии. Точно так же, как поступил сам Рыжий Король после смерти Вильгельма Завоевателя. Роберт Нормандский, разъяренный тем, что во второй раз

теряет свои английские владения, послал корабли с войсками в Портсмут, но они были отбиты.

«После этого, – продолжал Де Акила, – половина великих баронов Севера и Запада ополчились против короля между Солсбери и Шрусбери, а другая половина решила выждать, чья сторона возьмет верх. Им не нравилось, что Генрих, по их словам, слишком „обангличился“ – взял себе жену-англичанку, которая склоняет его вернуть стране старые саксонские законы. (А разве со старой уздечкой не лучше править конем?) Но это – лишь предлог для оправдания их измены».

Он ткнул пальцем в стол, по которому было разлито вино, и продолжал:

«Вильгельм наделил нормандских баронов обширными землями в Англии. Я тоже получил свою долю после Сантлейка. Но я предупреждал его – еще до того, как Одо поднял мятеж, – чтобы он предложил баронам отдать свои земли и владения в Нормандии, если они хотят сделаться английскими сеньорами. Ныне они владеют уделами и в Англии, и в Нормандии – жадные псы, жрущие из одной кормушки, не спуская глаз с

другой! Роберт известил их, что если они не будут воевать за него в Англии, он отнимет все их нормандские земли. И вот поднялся Клэр, и Фиц-Осборн, и Монтгомери – тот, кого наш Вильгельм сделал английским графом. Даже Дарси собрал своих людей; я помню его отца – нищего, как воробей, рыцаря из-под Кана. Если победит Генрих, бароны всегда смогут бежать в Нормандию, где их готов радушно встретить Роберт. А если Генрих проиграет, Роберт обещал добавить им английских земель. Язва ее возьми, эту проклятую Нормандию – много горя она еще причинит Англии!»

«Аминь, – заключил Хью. – Но докатится ли война до нас?»

«С севера вряд ли, – отвечал Де Акила. – Но с моря мы всегда открыты. Если бароны станут одолевать, Роберт обязательно пошлет еще одну армию, и на этот раз они высадутся здесь, где высаживался его брат Завоеватель. Да, попали вы в переделку! Пол-Англии на конях, а тут столько золота, – он пнул грудку слитков под столом, – что хватит ополчить на нас весь христианский мир».

«Что же делать? – спросил Хью. – В Даллингтоне нет крепости, а если спрятать золото, то кому нам довериться?»

«Доверьтесь мне, – сказал Де Акила. – Стены Пэвенси крепки. Кроме Джихана, который предан мне, как собака, ни одна душа не знает о вашей добыче».

Он отодвинул занавес в углу башни и показал нам глубокий колодец, пробитый в толще стены, под амбразурой.

«Я сделал его для снабжения водой на случай осады. Но вода оказалась соленой, она поднимается и опускается с каждым приливом. Слышите?»

Плеск и гул воды донеслись до нас со дна колодца.

«Ну как – подойдет?» – спросил Де Акила.

«Должно подойти, – молвил Хью. – Мы доверяем тебе: делай как знаешь».

Итак, мы спустили все золото вниз, за исключением только нескольких слитков, оставшихся в маленьком сундучке возле ложа Де Акилы, – для того, чтобы он мог наслаждаться их тяжестью и блеском, а также на случай нужды.

Утром, когда мы уезжали домой, он сказал нам:

«Я не прощаюсь, но говорю: до скорого свидания, ибо вы скоро вернетесь. Не потому, что соскучитесь по мне, но чтобы быть поближе к своему золоту. Смотрите, – засмеялся он, – как бы я не употребил его на то, чтобы сделаться Римским Папой. За мной ведь нужен глаз да глаз!»

Сэр Ричард помолчал и печально усмехнулся.

– Через семь дней мы вернулись из своих поместий – из поместий, которые были нашими.

– С детьми ничего не случилось? – спросила Уна.

– С моими сыновьями? Нет, ничего. – Он призадумался, словно рассуждая сам с собой. – Что ж! Они были молоды, а молодости пристало хозяйствовать и править. Им страсть как не хотелось возвращать нам поместья – это было видно, несмотря на радушную встречу. Да и впрямь наши с Хью лучшие деньки ушли. Кем мы стали? Я – почти старик, он – однорукий калека. Так что мы сели на лошадей и поехали обратно в Пэвенси.

ДЖИХАН
КРАБ

– Простите, – смутилась Уна, видя, как опечалился сэр Ричард.

– Эх, девочка, это все давным-давно прошло. Они были молоды, а мы стары, вот и все...

«Ага! – крикнул Де Акила сверху, когда мы сошли с коней. – Обратно в нору, старые лисы?» Но когда мы поднялись к нему в Башню, он обнял нас и промолвил: «Добро пожаловать, тени! Бедные тени!..»

Вот так и вышло, что мы сделались на старости лет неслыханно богаты – и одиноки. Да, одиноки!

– И чем вы занялись? – спросил Дан.

– Мы стерегли побережье от нормандцев, – отвечал рыцарь. – Де Акила был похож на Витту: такой же неугомонный, он не выносил праздности. В хорошую погоду мы ездили верхом между Бексли с одной стороны и Кукмиром с другой, – иногда с охотничьим соколом, иногда с борзыми (в дюнах и на прибрежных лугах водились здоровенные зайцы); при этом мы не забывали следить за морем – не появились ли нормандские корабли. В ненастную погоду Де Акила поднимался на площадку Башни и прогуливался там, морщась от дождя и зорко вглядываясь в даль. Он был очень раздосадован тем, что прозевал в свое время корабль Витты. Когда на море устанавливался штиль и корабли стояли на якоре, ожидая ветра, он обычно ходил на пристань, где среди груд воняющей рыбы, опершись на свой меч, заговаривал с моряками и узнавал от них новости из Франции. Ему приходилось держать оба уха остро, следя и за известиями из глубины страны, где бароны воевали с королем Генрихом.

Он узнавал новости отовсюду – от бродячих музыкантов и скоморохов, торговцев, корабейников, монахов и так далее; и если принесенная весть ему не нравилась, он мог, не смущаясь, избранить короля Генриха дурнем или младенцем. Я сам слышал, как он разглагольствовал возле рыбацких лодок: будь я королем Англии, я бы сделал то-то и то-то; а когда я выезжал проверить сторожевые костры на холмах, хорошо ли они сложены и сух ли хворост, он частенько кричал мне из-за бойницы: «Ты уж там догляди хорошенько! Не подражай нашему слепому королю, все осмотри и ощупай собственными руками». По-моему, он вообще ничего не боялся в мире. Так

мы и жили в Пэвенси, в маленькой комнате Башни.

Однажды ненастным вечером нам доложили, что прибыл посланец от короля. Мы только что вернулись из Бексли, весьма подходящего места для высадки десанта, и насквозь продрогли от скачки сквозь холодный туман и морось. Де Акила велел передать, чтобы гонец либо разделил трапезу с нами, либо подождал внизу. Через минуту снова появился Джихан и доложил, что тот велел подать лошадь и ускакал.

«Ну и леший с ним! – сказал Де Акила. – Охота была дрожать в нетопленном Холле со всяким шалопаем. Он что-нибудь передал?»

«Вроде нет, – отвечал Джихан. – Разве что... Кажется, он сказал, что если собаке лень уже и брехать, пора выгонять ее из конуры».

«Ого! – воскликнул Де Акила, потирая свой крючковатый нос. – Кому же он это сказал?»

«Собственной бороде, но отчасти и седлу, когда садился на коня», – отвечал Джихан Краб.

«Какой рисунок был у него на щите?»

«Золотые подковы на черном поле».

«Значит, он из людей Фулка», – заметил Де Акила.

Пак удивленно поднял бровь.

– Золотые подковы на черном поле – это не герб Фулков. На их гербе...

Рыцарь прервал его властным жестом.

– Ты знаешь подлинное имя злодея, – молвил он, – но я буду называть его Фулком, ибо я обещал этому человеку, что, рассказывая о его злых деяниях, я не дам догадаться, о ком речь. Я переименовал все имена в этом рассказе. Правнуки его, может быть, ныне живы.

– Ну что ж! – улыбнулся Пак. – Рыцарь верен своему слову даже и через тысячу лет.

Сэр Ричард слегка наклонил голову и продолжал: «Золотые подковы на черном поле? – задумчиво повторил Де Акила. – Я слышал, будто Фулк присоединился к баронам. Если так, то король, должно быть, взял верх. Впрочем, Фулки всегда были изменниками. И однако нельзя было отпускать его из замка голодным».

«Он поел, – доложил Джихан. – Брат Гилберт принес ему мяса и вина с кухни. Он поел за Гилбертовым столом».

Этот брат Гилберт был ученым монахом из Баттлского аббатства, который вел счета поместья Пэвенси. Высокий, с вечно бледными щеками, он считал не только деньги, но и свои молитвы, для каковой цели при нем всегда были четки – длинные бусы из нанизанных на шнур темных орешков. Они всегда висели у него на поясе, вместе с пеналом и роговой чернильницей, и при ходьбе все это тряслось и гремело. Его место было возле большого очага. Там стоял его стол, и там же он спал. Он побаивался охотничьих собак, которые часто забегали в Холл перехватить костей или подремать на теплой золе, – и прогонял их, размахивая своими четками, как женщина. Когда Де Акила восседал в Холле, верша свой суд, взимая налоги или наделяя землей вассалов, Гилберт записывал это все в Книгу Поместья. Но подавать угощение гостям или отпускать их без уведомления хозяина было совсем не его делом.

БРАТ ГИЛБЕРТ

«Вот что, Хью, – сказал Де Акила, когда Джихан спустился вниз по лестнице, – ты когда-нибудь говорил Гилберту, что умеешь читать написанное по-латыни?»

«Нет, – отвечал Хью. – Он мне не друг, так же как и моей борзой».

«Пусть он и впредь думает, что для тебя все письма на одно лицо, – сказал Де Акила. – А тем временем, – он подпихнул ногами под ребра сперва одного из нас, потом другого, – присматривайте за ним хорошенько. Говорят, в Африке обитают демоны, но – клянусь святыми! – в Пэвенси водятся черти похлеще!» – И больше он ничего не добавил.

Некоторое время спустя случилось так, что нормандский воин решил взять в жены саксонскую девушку из Пэвенси, и Гилберт (мы приглядывали за ним с тех пор, как нам велел Де Акила) усомнился, свободнорожденная ли эта девушка или из вилланов. А так как Де Акила собирался дать молодоженам добрый надел земли, если девушка свободнорожденная, то дело пришлось разбирать в Большом Холле перед судом сеньора. Сперва стал говорить отец невесты, потом – мать, а потом

родичи загалдели все вместе, и собаки залаяли в зале: в общем, поднялся невообразимый шум.

«Запиши ее свободной! – крикнул Де Акила Гилберту, вскинув руки вверх. – Ради Бога, запиши ее свободной, пока она меня не оглушила! Да, да, – сказал он девушке, упавшей перед ним на колени, – я верю: ты сестра Седрика и кузина королевы Мерсии, только помолчи немного. Через пятьдесят лет не будет ни нормандцев, ни саксов – все будут англичанами. Вашими трудами, вашими трудами!»

Он хлопнул по плечу жениха, который был племянником Джихана, поцеловал девушку и зябко пристукнул ногами по соломе, покрывавшей пол, показывая, что разговор окончен. (В Большом Холле всегда было жутко холодно). Я стоял рядом с ним, а Хью – позади Гилберта у камина, делая вид, что увлечен игрой с собакой. Он сделал знак Де Акиле, и тот приказал Гилберту немедленно отмерить земельный надел для будущих молодоженов. Шумная компания удалилась, и в зале остались только мы трое.

Тогда Хью наклонился, приглядываясь к полу вблизи очага.

«Я заметил, – сказал он, – как этот камень шатнулся под ногой Гилберта, когда мой пес зарычал на него. Вот здесь!»

Де Акила копнул мечом золу, камень поддался и выворотился наружу. Под ним лежал сложенный пергамент, надпись на нем гласила: «Слова, сказанные против короля сеньором Пэвенси».

В этот пергамент (Хью прочел его вслух) оказалась занесена каждая шутка Де Акилы, задевавшая короля, каждый случай, когда он говорил, что на месте короля сделал бы то-то и то-то. Да-да, все, что говорил Де Акила, день за днем тщательно записывалось Гилбертом, при этом слова передергивались и смысл извращался так ловко, что трудно было опровергнуть – действительно что-то подобное Де Акила говорил. Понимаете?

Дан и Уна кивнули.

– Да, – серьезно сказала Уна. – Вроде бы то – да не то, что имелось в виду. Как если бы я назвала Дана мошенником в шутку. Взрослые это не всегда понимают.

«Он делал это день за днем у нас на глазах?» – удивился Де Акила.

«День за днем и час за часом, – уточнил Хью. – Даже сегодня, здесь, в Холле, когда вы говорили о нормандцах и саксах, я видел, как Гилберт записал на пергаменте, лежащем рядом с Книгой Поместья, что Де Акила сказал, мол, очень скоро ни одного нормандца не останется в Англии, если его воины хорошо поработают».

«Клянусь святыми мощами! – воскликнул Де Акила. – Что могут доблесть и меч против пера?... Но где же Гилберт прятал этот пергамент? Я заставлю его съесть свою писанину».

«Он прятал его за пазухой, когда выходил, – ответил Хью. – Мне оставалось только узнать, где у него спрятаны законченные записи. Когда мой пес поскреб лапой этот камень, я заметил, как изменилось лицо монаха. Тут я и догадался».

«Дерзкая работа, надо отдать ему должное, – молвил Де Акила. – Да он по-своему смельчак, мой Гилберт!»

«Еще бы не смельчак! – согласился Хью. – Послушайте, что он пишет: „В праздник святого Агафия сеньор Пэвенси, лежа у себя в верхних покоях, облаченный в свой второй по качеству меховой плащ, подбитый кроликом...“»

«Ах, язви его! – не выдержал Де Акила. – Да что он, моя камеристка, что ли?»

Мы с Хью расхохотались.

«...подбитый кроликом, – отсмеявшись, продолжал Хью, – увидя туман над болотами, разбудил сэра Ричарда Даллингриджа, своего пьяного собутельника, – здесь они оба ухмыльнулись, поглядев на меня, – и сказал: „Смотри, старый лис, Господь ныне на стороне герцога Нормандского“».

«Верно, я так и сказал. Стоял такой плотный, густой туман, что Роберт мог высадить хоть десять тысяч человек, и мы бы ничего не заметили. Пишет ли он, как мы тогда целый день рыскали по болоту и я чуть не погиб, угодив в трясиину, и кашлял, как больная овца, целых десять дней?» – вскричал Де Акила.

«Нет, – сказал Хью. – Но зато тут есть прошение самого Гилберта к господину его Фулку».

«А! – удовлетворенно кивнул Де Акила. – Я так и знал, что это Фулк. Какую же цену просит монах за мою голову?»

«Он просит, чтобы, когда сеньор Пэвенси будет лишен всех своих земель на основании этих улик, собранных им с великой опасностью и страхом...»

«Не зря боялся, – заметил Де Акила и причмокнул губами. – Однако каким превосходным оружием может быть перо! Это надо запомнить».

«Он просит, чтобы Фулк помог его назначению на ту церковную должность, которую ему обещал. А чтобы Фулк не перепутал, он подписал внизу: Ключарь Баттлского аббатства».

«Тот, кто плетет козни против старого господина, будет плести козни и против нового, – сказал Де Акила. – Когда меня лишат всех земель, Фулк снесет Гилберту его глупую башку. Однако аббатству действительно нужен ключарь. Мне рассказывали, что аббат Генри совершенно выпустил узду из рук».

«Это его заботы, – отрезал Хью. – Нам сейчас нужно позаботиться о своих головах и о своих землях. Этот пергамент – лишь вторая часть доноса. Первая ускакала к Фулку, а значит, к королю, который сочтет нас изменниками».

«Наверняка, – подтвердил Де Акила. – Гонец, которого кормил Гилберт, в тот же вечер умчал письмо Фулку, а король после того, как бароны изменили, сделался подозрителен – его нетрудно понять! Генрих прислушивается к Фулку, и тот, конечно, не преминет влить яд в уши короля. Потом он получит в награду отнятые у меня земли. Все это старо как мир».

«И вы так запросто, без спора и без драки, отдадите Пэвенси? – возмутился Хью. – Тогда мы, саксонцы, будем сражаться против вашего короля. Я еду предупредить своего племянника в Даллингтон. Дайте мне коня!»

«Игрушку тебе и погремок, – спокойно возразил Де Акила. – Положи обратно пергамент и разровняй золу. Если Фулку отдадут Пэвенси, эти ворота Англии, как он поступит? Душою он нормандец, и сердце его в Нормандии, где он может спокойно помыкать своими рабами-вилланами. Он откроет ворота ленивому Роберту, как это раньше пытались сделать Одо и Монтень. Будет новое вторжение и новый Сантлейк. Вот почему я не могу отдать Пэвенси».

«Аминь», – сказали мы с Хью.

«Нет, погодите! Если король поверит доносу Гилберта и пошлет

против меня войско, то, пока мы будем сражаться, ворота Англии останутся без охраны. Кто первым устремится сюда? Опять-таки Роберт Нормандский. Нет, я не могу сражаться с королем».

«Сперва так, а потом этак – вот речь нормандца, – усмехнулся Хью. – А что будет с нашими поместьями?»

«Я думаю не о себе, – сказал Де Акила, – и не о короле, и не о ваших землях. Я думаю об Англии, потому что ни бароны, ни король об этом не помнят. Я не нормандец, сэр Ричард, и я не саксонец, сэр Хью. Я англичанин».

«Саксонец ты, нормандец или англичанин, – сказал Хью, – но наши жизни принадлежат тебе, как бы ни повернулось дело. Прежде всего надо повесить этого негодяя Гилберта».

«Этого не будет, – отрезал Де Акила. – Кто знает, может быть, ему еще суждено стать ключарем в Баттле. Пишет он складно, надо отдать ему должное. Мертвецы не годятся в свидетели. Подождем».

«Но король может отдать Пэвенси Фулку. И тогда мы лишимся своих поместий, – сказал я. – Не предупредить ли все-таки сыновей?»

«Не надо. Король не станет ворошить осиное гнездо на юге, пока не выкурит пчел на севере. Пусть он считает меня изменником, но он видит, что я, по крайней мере, не восстаю против него, и он может всякий день, пока я сижу смиренно, использовать для борьбы с баронами. Если бы он был мудр, он бы сперва покончил со старыми врагами, прежде чем искать себе новых. Полагаю, что Фулк будет всячески побуждать короля послать за мной, и если я не явлюсь, это будет в глазах Генриха доказательством моей измены. Одни слова, вроде тех, что написал Гилберт, по нынешним временам еще не улика. Мы, бароны, берем пример с церкви и, подобно Ансельму, говорим все, что вздумается. Вернемся же к нашим повседневным заботам и ни слова об этом Гилберту».

«То есть как – ничего не будем делать?» – удивился Хью.

«Будем ждать, – поправил его Де Акила. – Это самый тяжкий труд на свете, уж поверьте мне, старику».

И верно, это был нелегкий труд, но в конце концов Де Акила оказался прав.

Спустя несколько недель на гребне холма показался отряд вооруженных всадников. Впереди скакал рыцарь с золотыми подковами на щите, с королевским знаменем в руках.

«Ну, что я вам говорил! – воскликнул Де Акила, глядя из окна своей башни. – Фулк самолично скачет обозреть свои земли, которые король обещал пожаловать ему, если он добудет доказательства моей измены».

«Откуда ты знаешь?» – сказал Хью.

«Потому что я сам сделал бы так на его месте; но я бы захватил побольше людей. Ставлю своего руанского жеребца против пары стоптанных туфель, что Фулк привез мне приказ короля покинуть Пэвенси и присоединиться к его войску».

Он причмокнул губами и забарабанил пальцами по краю колодца, в глубине которого раздавался гул прибывающей воды.

«Мы поедем?» – спросил я.

«Ехать? В такое время года? Это было бы чистым безумием, – сказал Де Акила. – Стоит мне убраться отсюда, и через три дня корабли Роберта с десятью тысячами солдат уткнутся киями в песок побережья. Кто их тогда остановит – Фулк?!»

Снаружи протрубили рога, и Фулк громко прокричал перед воротами королевский приказ Де Акиле: явиться со всеми своими вооруженными людьми в стан короля в Солсбери.

«Ну, что я вам сказал! Двадцать баронств лежат между Солсбери и Пэвенси, есть где набирать солдат; но Фулк подговорил короля призвать меня – меня, который сторожит ворота Англии, – и в тот самый момент,

когда его враги готовы вломиться в эти ворота! Ладно! – заключил Де Акила. – Проследите за тем, чтобы люди Фулка были размещены на отдых в южных амбарах. Дайте им вволю вина, а когда Фулк поест, пригласите его на чарочку в мои покои. В Большом Холле слишком зябко для моих старых костей».

Как только Фулк спешился, он вместе с Гилбертом отправился в часовню возблагодарить Господа за благополучное прибытие, а когда он поел (ну и жадно же этот толстяк выпучил глаза на наши саксонские пироги!), мы с Хью проводили его на Башню к Де Акиле; там уже находился и Гилберт с Книгой Поместья в руках. Помню, как Фулк испуганно отшатнулся от колодца, услыша рев и гул прибоя в глубине жерла. Он споткнулся, зацепившись длинными изогнутыми шпорами за тростник, устилавший пол, и в тот же миг Джихан схватил его сзади и с размаху ударил головой о стену.

– Вы знали, что это должно было случиться? – спросил Дан.

– Само собой, – усмехнулся сэр Ричард. – Я наступил ногой на его меч, вытащил и отбросил в сторону кинжал; впрочем, он вряд ли что-нибудь соображал – только вращал глазами и пускал пузыри изо рта. Джихан связал его, как теленка. Мы стащили с него «ящерицу» (так назывались новомодные доспехи, которые он носил: не обыкновенная кольчуга, а чешуйчатый панцирь из стальных пластинок на кожаном подкладе) и за воротником обнаружили тот самый листок пергамента, что лежал под камнем возле очага.

Гилберт попытался незаметно выскользнуть из комнаты, но я положил руку ему на плечо, и этого оказалось довольно: он затрепетал и начал молиться, перебирая четки.

«А ну-ка, Гилберт, готовь перо и чернильницу, – сказал Де Акила. – Уж раз тебе суждено быть моим летописцем, то не ленись. Не всем же быть такими грамотеями, как будущий ключарь из Баттла!»

«Вы связали посланца короля, – прохрипел Фулк с пола. – Пэвенци будет сожжено за это».

«Все может быть. Осадой нас не удивишь, во всяком случае, – спокойно произнес Де Акила. – Но ты, Фулк, не бойся. Я обещаю повесить тебя под самый конец осады – после того, как разделю с тобой последнюю горбушку хлеба. Этого бы не сделали для тебя Одо с Монтенем, которых мне доводилось, помнится, вымаривать голодом из замка».

Фулк сел и посмотрел на Де Акилу хитрым, пристальным взглядом.

«Черт побери! – воскликнул он. – Почему ты сразу не сказал, что держишь сторону герцога Роберта?»

«Я?!» – переспросил Де Акила.

Фулк рассмеялся.

«Конечно. Тот, кто служит Генриху, никогда не осмелился бы поступить так с королевским посланцем. Когда же ты переметнулся к герцогу? – Он снова засмеялся и подмигнул. – Помоги мне подняться, и, сдастся мне, мы прекрасно все уладим».

«Разумеется, уладим», – согласился Де Акила. Он сделал мне знак, и мы с Джиханом подняли Фулка (ну и тяжел же он был), поднесли к колодцу и спустили его, связанного, вниз. Не так, чтобы он встал ногами на наше золото, но оставив его болтаться на веревке, стягивающей плечи. Начался прилив, и вода доходила ему только до колен. Он ничего не сказал, но как-то странно передернулся.

«Стой! – внезапно крикнул Джихан и резко ударил Гилберта по руке ножнами кинжала. – Он пытался проглотить свои четки».

«Должно быть, яд, – заметил Де Акила. – Полезная вещь для тех, кто слишком много знает. Я сам ношу его с собой уже тридцать лет. Ну-ка, дай сюда!»

Гилберт завыл от страха. Между тем Де Акила быстро пропустил четки между пальцами. Последняя из них – я уже говорил, что четки были сделаны из крупных орехов, – раскрылась на две створки, соединенные

булавкой. Внутри лежала записка: «*Старого пса вызвали в Солсбери для битья. Его конура в моих руках. Не медли*».

«Это будет похуже яда», – сказал Де Акила, присвистнув. Гилберт в отчаянии упал и забился на полу, судорожно бормоча. Он уже ничего не скрывал. Записка, как мы и угадали, предназначалась для герцога: Фулк передал ее Гилберту в часовне, и тот собирался отнести ее утром на некий рыбацкий корабль, постоянно курсировавший между Пэвенси и французским побережьем. Да, Гилберт был негодяем, но однако, трясясь и всхлипывая, он упорно уверял, что хозяин корабля не посвящен в суть дела.

«Он называл меня „бритой башкой“, – говорил Гилберт, – и швырял мне вслед рыбьими потрохами, это верно; но он не предатель».

«Я не могу допустить, чтобы с моим слугой так обращались, – заявил Де Акила. – Этот моряк получит порцию плетей в обнимку со своей мачтой. Сейчас ты мне напишешь письмо, а завтра утром отнесешь его на пристань вместе с приказом о наказании».

Услышав это, Гилберт готов был целовать руки Де Акиле – ведь он не надеялся дожить до утра, – и когда немного унял дрожь, то написал как бы от Фулка письмо герцогу, гласившее, что «конура на замке» (то есть Пэвенси под защитой) и «старый пес» (то есть Де Акила) сидит рядом на страже.

«Напиши еще, что „мы преданы и наши планы открыты“, – велел Де

Акила. – Это хоть кого напугает! При таком известии даже Папа Римский лишится сна. Верно, Джихан? Если бы тебе передали, что „мы преданы“, как бы ты поступил?»

«Бежал бы без оглядки, – отвечал тот. – На всякий случай».

«Вот именно, – одобрил Де Акила. – Пиши дальше, Гилберт, что граф Монтгомери замирился с королем, а малютка Дарси (которого я терпеть не могу) повешен за пятки. Пусть Роберт хорошенько почешет в затылке. Напиши еще, что Фулк тяжело занемог водянкой».

«Нет! – крикнул Фулк, висевший в колодце. – Лучше утопите меня сразу, но не смейтесь надо мной!»

«Смеяться? О нет, я не смеюсь, – отвечал Де Акила. – Я дерусь за свою жизнь и свои замки с помощью пера и чернил, как ты сам научил меня, Фулк».

Тогда Фулк простонал, ибо он совсем окоченел от холода, и сказал:

«Я готов сознаться».

«Вот это по-нашему, – одобрил Де Акила, наклоняясь над колодцем. – Ты прочел мои речи и деяния – по крайней мере, их первую часть – и решил отблагодарить меня своими речами и деяниями. Отлично! Готовы ли твое перо и чернильница, Гилберт? Работа предстоит нескудная».

«Позволь моим людям беспрепятственно уйти, и я признаюсь в своей измене королю», – сказал Фулк.

«С чего бы он стал так заботиться о своих людях?» – удивился Хью, ибо Фулк никогда этим не славился. Ограбить кого-нибудь – другое дело, но пожалеть – такого не бывало.

«Что толку в твоём признании! – сказал Де Акила. – Твоя измена уже изобличена Гилбертом. Улик хватило бы, чтобы тысячу раз повесить тебя».

«Я все расскажу, только пощади моих людей», – угрюмо повторил

Фулк, и мы услышали, как он плещется внизу, точно большая рыба: вода в колодце прибывала.

«Всему свое время, – отвечал Де Акила. – Ночь длинна, вина хоть залейся, не хватает только веселого рассказа. Поведай нам историю своей жизни с юности до этого дня. И поживее».

«Стыд мучит меня», – пробормотал Фулк.

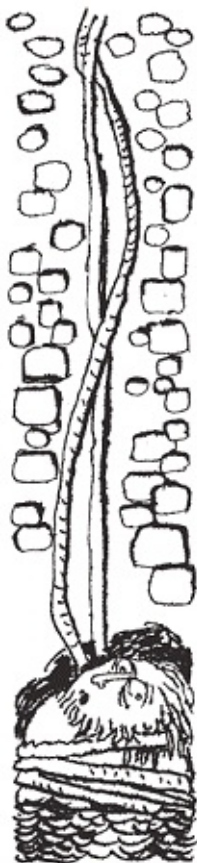
«Остудился, вот и застыдился, – усмехнулся Де Акила. – Начинай не мешкая».

«Тогда отошли отсюда своего слугу, Джихана», – попросил Фулк.

«Хорошо, я это сделаю. Но помни: я не могу остановить прилив».

«Сколько еще он будет подниматься?» – спросил Фулк и снова заплескался внизу.

«Три часа, – ответил Де Акила. – Времени довольно, чтобы поведать нам все твои благие дела. Начинай. А ты, Гилберт, – ты иногда бываешь небрежен – смотри, не изврати и не выверни наизнанку его слов».

И так Фулк (под страхом ужасной смерти во мраке бездны) начал свое повествование, а Гилберт, не ведая сам, какая ему будет уготована судьба,

слово в слово записывал за ним. Много я слышал рассказов, но никогда еще мне не доводилось внимать такой мрачной были, как та, что поведал Фулк из глубины гулкого колодца.

– Страшно было? – замирая от волнения, спросил Дан.

– Страшнее, чем можно себе вообразить, – отвечал сэр Ричард. – Но было в этом и что-то такое, отчего даже Гилберт не мог удержаться от смеха. Мы трое хохотали до колик. Вскоре Фулк стал так сильно стучать зубами, что трудно было разбирать слова, и нам пришлось опустить ему на веревке кубок вина. Это его немного согрело, и вновь потекло повествование об изменах, заговорах и дерзких интригах (он был отчаянно дерзок), об ухищрениях, подлогах и трусливых увертках (он был к тому же невероятно труслив), о бесчестии и бесстыдстве, об отчаянии при неудачах – и о его новых замыслах, коварных и хитроумных. Он вытряс перед нами всю мерзость своей жизни, размахивая грязным тряпьем злодейств, как славным флагом. Когда он закончил, мы увидели при свете факела, что вода уже стояла в уголках его рта и он мог дышать только носом.

Тогда мы вытащили его наверх и, растерев, закутали в плащ. Мы дали ему вина и смотрели, как он пил, весь дрожа, но не выказывая ни стыда, ни раскаяния.

Внезапно на лестнице раздался голос Джихана, и какой-то юноша, с размаху оттолкнув стражника, ворвался в комнату. Он был всклочен спросонья, и стебельки соломы торчали в его волосах.

«Отец! Отец! Мне приснилась измена!» – крикнул он и что-то невнятно забормотал.

«Никакой измены нет, – сказал Фулк. – Иди спать».

Юноша повернулся и послушно побрел к выходу. Джихан взял его за руку и свел, все еще полусонного и спотыкающегося, вниз по лестнице.

«Это твой единственный сын! – воскликнул Де Акила. – Зачем ты взял мальчика с собой?»

«Он мой наследник. Я боялся его оставить на попечение брата», – отвечал Фулк, и на этот раз он, кажется, смутился. Де Акила ничего не сказал. Он присел и задумался, держа перед собой кубок с вином.

«Позволь моему мальчику уплыть в Нормандию, – проговорил Фулк, тронув его колено. – И делай со мной что хочешь. Повесь меня завтра же, приколов письмо Роберту к моей груди, но отпусти мальчишку».

Фулк

«Погоди, – отвечал Де Акила. – Я сейчас думаю не о тебе – об Англии».

Мы ждали, что решит сеньор Пэвенси. Миг пробежал за мигом; пот капля за каплей стекал по лбу Фулка.

Наконец Де Акила сказал:

«Я слишком стар, чтобы судить людей или доверять им. И я не зарюсь на твои земли, как ты зарился на мои. Лучше ты или хуже других негодяев – пусть в этом разбирается король. Итак, возвращайся обратно к королю, Фулк!»

«И ты не расскажешь ему о том, что произошло?»

«Зачем? Ведь твой сын останется здесь. Если король снова велит мне бросить Пэвенси, который я обязан охранять от врагов Англии, если король пошлет против меня своих солдат, как против изменника, или я услышу, что король в своей постели замышляет что-то против меня и моих людей, – твой сын будет повешен на перекладине вот этого окна, Фулк».

– Но при чем тут его сын? – ужаснулась Уна.

– Мы не могли повесить самого Фулка. Он был нужен как орудие

нашего примирения с королем. Ради своего сына он бы продал пол-Англии. Уж в этом-то мы были уверены.

– Но ведь это ужасно – то, что вы сказали!

– Конечно. Поэтому Фулка это вполне устроило.

– Что устроило? Что вы хотите повесить его сына?

– Нет, конечно. То, что Де Акила показал ему, как он может спасти жизнь мальчика, а заодно – свои земли и свою честь.

«Я все сделаю, – сказал он. – Клянусь, все сделаю. Я расскажу королю, что ты не предатель, а самый лучший, самый совершенный и доблестный рыцарь среди нас. Ни один волос не упадет с твоей головы!»

«Да, – задумчиво промолвил Де Акила, рассматривая опивки в своем бокале, – если бы у меня был единственный сын, я тоже, наверное, думал бы только о том, как его спасти... И все же напоследок хочу дать тебе один совет. Служи одному господину, а не двум, Фулк».

«Почему же? Разве нельзя вести честную торговлю между двумя сторонами в столь смутное время?»

«Служи Роберту или королю – Нормандии или Англии, – повторил Де Акила. – Неважно кому, но сделай выбор раз и навсегда».

«В таком случае я выбираю короля, – решил Фулк. – Ибо ему, как я вижу, служат усердней. Поклясться?»

«Не надо, – молвил Де Акила, кладя ладонь на исписанные монахом листы. – Это будет входить в наказание бедняги Гилберта – размножить твое безгрешное жизнеописание в десяти, двадцати, может быть, ста копиях. Как ты думаешь, сколько коров и быков даст мне епископ Турский за эту бль? Или твой брат? Или аббатство Блуа? Менестрели сделают из него песню, которую станут распевать твои саксонские вилланы, идя за плугом, и воины, проезжая через твои нормандские городки. Отсюда до самого Рима люди будут смеяться над твоим рассказом и над тем, как Фулк поведал его, болтаясь размокшей куклой в холодном колодце. Такова будет твоя кара, если когда-нибудь я замечу, что ты ведешь двойную игру со своим королем. Покуда эти пергаменты останутся у меня вместе с твоим сыном. Его я отдам тебе, когда ты примиришь меня с королем. Но пергаменты – никогда!»

Фулк простонал, спрятав лицо в ладони.

«Да, глубоко язвит перо, клянусь святыми мощами! – воскликнул Де Акила. – Никаким мечом я не извлек бы из тебя такого горького стога».

ЮНЬИ ФУЛК

«Но пока я не прогневолю тебя, мой рассказ останется тайной?»

«До тех пор останется. Доволен ли ты, Фулк?»

«Что же мне еще остается?» – ответил Фулк и внезапно разрыдался, как дитя, уронив голову на колени.

– Бедняга Фулк! – воскликнула Уна.

– Мне тоже стало жаль его, – подтвердил сэра Ричард.

«После кнута – пряник», – сказал Де Акила и, вытащив из сундучка три слитка золота, кинул их на колени Фулку.

«Если бы я знал, – сглотнув слюну, пробормотал Фулк, – я бы никогда не стал умышлять против Пэвенси. Лишь недостаток этого желтого товара толкнул меня на скользкий путь».

Уже рассветало; из Большого Холла донеслись голоса слуг. Мы отослали доспехи Фулка вниз, велев их хорошенько почистить, и когда в полдень барон отъезжал из замка под королевским знаменем, выглядел он великолепно. Прежде чем тронуть коня, он огладил свою длинную бороду и, подозвав к стремяни сына, поцеловал его на прощание. Де Акила

проводил его до Новой Мельницы. Казалось, что прошедшая ночь была сном.

– Но выполнил ли он свое обещание? – спросил Дан. – Убедил ли короля, что вы не изменник?

– Судя по тому, что Генрих больше не посылал за Де Акилой и не выказывал неудовольствия, что тот не явился по его зову, – да. Не знаю, как Фулк этого добился, но он выполнил, что обещал.

– И вы не сделали ничего плохого его сыну?

– Мальчишке-то? Он оказался сущим чертенком. Бедокурил, как только мог: устраивал собачьи драки в Холле, поджигал солому на полу, чтобы «выкурить блох», распевал непристойные песни, которым выучился у солдат, – бедный дурень! Даже грозил кинжалом Джихану, за что тот спустил его с лестницы, а еще топтал посевы на своем коне и пугал овец. Но получив хорошую выволочку, немного приутих, стал называть нас «дядюшками» и всюду следовал за нами, как молодая борзая. Когда в конце лета за ним приехал отец, он отказался покинуть Пэвенси из-за предстоящей охоты на выдр, а потом еще остался травить с нами лисиц. На прощание я подарил ему коготь выпи, приносящий удачу в стрельбе из лука. Ей-ей, это был настоящий чертенок!

– А что случилось с Гилбертом?

– Ничего плохого. Де Акила заявил, что ему нужнее человек ученый, разбирающийся в счетных книгах, – пусть даже и прохвост, – чем честный олух, которого надо учить всему с азов. Больше того, мне кажется, что после той ночи Гилберт стал служить Де Акиле и за страх, и за совесть. Он отказался покинуть нас, даже когда Вивиан, секретарь короля, предложил ему вождеденную должность ключаря в Баттлском аббатстве. Хитрый был монах, но не трус, это точно.

– А Роберт Нормандский так и не высадился в Пэвенси? – продолжал допытываться Дан.

– Мы надежно охраняли побережье, пока Генрих воевал с баронами. Года через три-четыре, добившись мира в Англии, он переправился с войсками в Нормандию и задал такую хорошую работенку Роберту возле Теншбрэ, что это окончательно излечило герцога от излишней задиристости. Часть армии Генриха отплывала на эту войну из Пэвенси. Среди них был и Фулк. Мы вновь встретились с ним за чашей вина на Башне, все четверо. Прав был Де Акила: никогда не следует поспешно судить людей. Фулк был весел – неизменно весел, хотя бы и с крючком в горле.

– О чем же вы говорили? – спросила Уна.

– О прошлом, девочка. О чем еще говорить старикам?

...Колокольчик, зовущий к ужину, прозвенел над лугом. Дан лежал на дне «Золотой Лани», возле носа, Уна сидела ближе к корме с открытой на коленях книгой стихов. Она читала вслух «Сон невольника»:

И снова сквозь тени и мороки сна
Он родину видел свою.

– Ты уже это стихотворение читаешь? – удивился Дан. – Я, видно, малость задремал и пропустил, с чего там началось...

На средней скамье лодки, рядом с панамкой Уны, лежали три листа – ясеневый, дубовый и листок терна: наверное, они упали с наклонившихся над водой веток; и ручей журчал и смеялся, точно увидел что-то смешное.

Руны на мече Виланда

Я выкован,
Чтобы владельца предать
В первом бою.

Я послан,
Чтобы сокровище взять
В дальнем краю.

Сокровище это
На берег всплывет

Из бездны вод,

Как рыба, блеснет
И канет обратно
В бездну вод.

Оно принесет
Не власть и не меч —
Великую Вещь.

Король возжелает
Его захватить
И во зло обратить.

Сокровище снова
На миг всплывет
Из бездны вод,

Как рыба, блеснет
И канет обратно
В бездну вод.

Ценой его станет
Не власть и не меч —
Великая Вещь.

Центурион тридцатого легиона

* * *

Городу, роду и племени
Жизнь отмеряет века,
Для бесконечного Времени
Век у них, что у цветка.
Но раскрывается снова
Цвет, лишь сойдут холода:
Так на руинах, из праха земного,
Вновь растут города.

У распутившейся лилии

Воспоминаний нет,
Что за ветра сгубили
Лилии прежних лет.
Радостно и уверенно
В мире цветет она,
Знать не зная, что ей отмерена
Лишь неделя одна.

Так милосердное Время
Жалует нам с тобой
Не знаний тяжкое бремя,
А только порыв слепой.
И мы, не веря в забвение,
Твердим и в краю теней,
Что наши деянья и наши творения
В мире всего прочней.

В тот раз Дан что-то не доучил по латыни, и его не пустили гулять, поэтому Уна отправилась в Дальнюю Рощу одна. На западной опушке этой рощи в дупле древнего бука хранилась большая катапульта Дана со свинцовыми зарядами, которую смастерил для него старик Хобден. Они называли это место Волатеррами – в честь крепости, упоминаемой в «Песнях Древнего Рима»:

От грозных башен Волатерр,
Что некогда воздвиг
Какой-то древний великан
Для доблестных владык...

Они были этими «доблестными владыками», а с тех пор, как Хобден навалил кучу хвороста между деревьями, превратив гребень холма в настоящую твердыню, он сделался для них тем самым «древним великаном».

Уна проскользнула сквозь потайной лаз в ограде и встала над обрывом, приняв самый доблестный вид, какой только могла. Сверху ей был виден Волшебный Холм и все изгибы реки, вьющейся между лугами и посадками хмеля – от самого Веллингфордского леса до домика Хобдена возле кузницы. Юго-западный ветер (на вершине Волатерр всегда ветрено) дул со стороны лысого холма, на котором стояла Чериклекская ветряная мельница.

Шум деревьев и гул ветра в ушах всегда волнуют, наполняют душу тревогой: вот почему, когда стоишь на Волатеррах, строки из баллад сами слетают с губ, смешиваясь с голосами ветра и леса.

Уна достала из тайника катапульту Дана – по правде говоря, это была просто-напросто рогатка – и приготовилась достойно встретить войска Ларса Порсены, крадущиеся там внизу, вдоль реки, сквозь серебристые, трепещущие заросли ив. Шумный вихрь с протяжным воем промчался по долине, и в тон ему Уна продекламирровала навзрыд:

До самой Остии Астур
Опустошил страну.
Пал осажденный Юникул.
Его бойцы в плену.

Но шквал, не долетев до леса, неожиданно прынул в сторону и, мощно тряхнув одинокий дуб на Глисоновом лугу, упал и превратился в легкий ветерок, от которого верхушки трав затрепетали и пошли гибким, волнистым изгибом, как хвост у кошки, изготовившейся к прыжку.

Добро пожаловать, герой,
К своим полям родным!
Чего ты ждешь? Перед тобой
Открытый путь на Рим.

Она подняла катапульту и выстрелила прямо в затаившуюся тишину зарослей, где трусливо прятался ветер. Какое-то резкое мычание отозвалось в кустах боярышника.

– Ах, леший меня раздери! – вскричала Уна (это выражение она подцепила у Дана). – Кажется, я подшибла Глисонову корову!

– Ну держись, размалеванный коротышка! – прогремел внезапно голос из-за кустов. – Я тебе покажу, как метать камни в своих господ!

Уна опасливо поглядела вниз и увидела шагающего по склону молодого воина в сверкающих бронзовых доспехах. Всего восхитительнее был шлем – с высоким желтым гребнем и конским хвостом, развевающимся на ветру. Уна слышала даже шорох конского волоса, трущегося о блестящие оплечья воина.

– И с чего это Фавн решил, будто Юркий Народ совсем переменялся? – пробормотал он, подозрительно озираясь. И тут его взгляд упал на русую головку Уны.

– Эй, – крикнул он, – ты не видала тут маленького раскрашенного стрелка с пращей?

– Не-а, – протянула Уна. – Но если вы видели пульку...

– Видел?! – возмутился воин. – Да она просвистела на волосок от моего уха!

– В общем, это я выстрелила... Простите, пожалуйста. Я не знала.

– Неужели Фавн не сказал тебе, что я приду? – удивился он.

– Если вы говорите о Паке, то нет. Я подумала, что это соседская корова. Я не знала, что это вы... А кто вы такой?

Юноша расхохотался, обнажив два ряда великолепных зубов. Он был смугл и темноглаз, с черными густыми бровями, сросшимися над переносицей.

– Меня зовут Парнезием. Я центурион Седьмой когорты Тридцатого легиона, Ульпийского Победоносного. Так это ты стреляла?

– Ну да. Из Дановой катапульты, – призналась она.

– Катапульты? – оживился воин. – Я неплохо разбираюсь в катапультах. Покажи-ка!

Он перепрыгнул через изгородь, загремев своими доспехами, щитом и копьем, и быстро вскарабкался на вершину Волатерр.

– Так-так... Праца на деревянной рогулке. Понятно, – молвил он и потянул за резинку. – Что за искусный демон изготовил эту дивно растягивающуюся кожу?

– Это резинка. Вы вкладываете заряд в петлю, потом натягиваете посильнее...

Парнезий натянул резинку и отпустил, ушибив себе при этом большой палец.

– Каждому свое, – произнес он серьезно, возвращая рогатку. – Я лучше управляюсь с тяжелыми катапультами. Забавная игрушка, но не по мне, волчий хвост! Ты волков боишься?

– В наших местах они не водятся, – заметила Уна.

– Не говори! Волки, как и Крылатые Шапки, всегда появляются неожиданно! Разве тут не охотятся на волков?

– Нет, – отвечала Уна. – Мы не охотимся ни на кого. Наоборот, мы охраняем фазанов. Знаете фазанов?

– Да вроде знаю, – ухмыльнулся воин и вдруг закричал по-фазаньи, да так похоже, что какой-то фазан тотчас откликнулся ему из леса.

– Пером пестры, а глупее кур! Точь-в-точь как римляне!

– Но ведь вы сами римлянин?

– И да и нет. Я один из тех тысяч и тысяч римлян, что никогда в жизни не видели Рима. Моя семья много поколений подряд прожила на острове Вектис. Знаешь этот остров? Его можно увидеть отсюда в хорошую погоду, если смотреть на запад.

– Наверное, это остров Уайт, – предположила Уна. – Он виден с Большого холма в очень ясную погоду.

– Вполне возможно. Наша вилла расположена на самом южном берегу острова, возле Сыпучих Утесов. Большая часть дома построена триста лет назад, но коровник, должно быть, еще лет на сто старше. Что-то вроде этого – ведь наш предок получил землю от самого Агриколы. Местечко недурное. Весной фиалки покрывают землю пышным ковром до самого моря. Сколько раз я бродил там со своей старой няней, собирая морские водоросли для себя и фиалки для матери.

– А ваша няня – она тоже была римлянкой?

– Нет, нумидийкой, да вознаградят ее боги! Добрая, милая коричневая толстуха с языком, что коровий погромок. Она была свободной. А скажи-ка мне, между прочим: ты-то сама свободная?

– Совершенно свободная, – отвечала Уна. – По крайней мере, до полдника. Впрочем, летом наша гувернантка почти не бранится, если мы приходим позже.

Молодой воин понимающе расхохотался.

– Это потому, что вы живете среди леса. А мы, бывало, прятались среди скал.

– А у вас тоже была гувернантка?

– Еще бы! Гречанка, между прочим. Она так потешно поддегивала

платье, разыскивая нас среди кустов утесника, что нельзя было удержаться от смеха. Все грозила выпороть нас. Но мы-то знали, что это она просто так. Ее звали Аглая. Ловкая и быстрая была женщина, хотя и ученая.

– А чему вас учили в детстве? Какие были уроки?

– Древняя история, литература, арифметика и тому подобное, – отвечал Парнезий. – Мы с сестрой были твердолобые, зато два моих брата (один постарше меня, другой помладше) учились с удовольствием, да и мать наша была умна за шестерых. Высокая – почти как я сейчас! – она походила на статую богини Деметры Плодородной, той самой Деметры с Корзинами, что стоит у Западного Тракта. А уж до чего весела, не рассказать! Как она нас смешила!

– Чем смешила?

– Разными шуточками, чудными приговорками. Такие, наверное, есть в каждой семье.

– У нас тоже есть такие приговорочки. Расскажите еще, пожалуйста, о вашей семье.

– Все хорошие семьи похожи. Мать обычно пряла по вечерам, Аглая читала что-нибудь в уголке, отец занимался хозяйственными подсчетами, а мы играли и возились по всему дому. Когда мы слишком расшумимся, отец, бывало, говорил: «Эй, потише! Тише, кому говорят! Разве вы не знаете, что по римским законам отец имеет полную власть над жизнью и смертью своих детей? Я имею право казнить вас, милые мои, и боги меня не осудят – наоборот!» На что мать, бывало, отзовется, подняв глаза от прялки: «Боюсь, что с этими детьми никакому римскому праву не сладить». Тогда отец свернет свои книги да как вскочит: «Ну, держись, сейчас я вам задам!» – и давай бегать и возиться вместе с нами!

– Отцы это любят – порой, под настроение, – подтвердила Уна, лукаво блеснув глазами. – А что вы делали летом? Играли целыми днями?

– Ну да. И навещали друзей. И катались верхом. На Вектисе не водятся волков, зато там много маленьких пони.

– Ах, как мне нравятся пони! – воскликнула Уна. – И долго вы жили такой замечательной жизнью?

– Все на свете когда-нибудь кончается, милая девочка. Когда мне исполнилось семнадцать лет, отец заболел подагрой, и мы переехали жить на воды.

– На какие воды?

– На целебные... Они зовутся Аква Сулис – знаешь, наверное?

– Нет, не слыхала. Где это? Парнезий, казалось, очень удивился.

– Аква Сулис, – повторил он. – Это лучший источник целебных вод в Британии. Мне говорили, что он ничуть не хуже римских курортов. Там старые обжоры сидят по пояс в горячей воде, обсуждая политику и свежие сплетни. Там на каждом шагу можно встретить то военачальника с охраной, то важного магистрата на носилках, окруженного толпой слуг и клиентов; там на улицах полно всякого люда – прорицателей и ювелиров, купцов и философов, ультраримских британцев и ультрабританских римлян, полуцивилизованных дикарей и иудейских проповедников, – кого там только не встретишь! Мы, молодежь, совсем не увлекались политикой, и подагра нас не беспокоила. Мы улыбались жизни, и она улыбалась нам.

Пока мы так беспечно проводили время, не загадывая вперед, моя сестра повстречалась с сыном какого-то важного чиновника с Запада и через год вышла за него замуж. Младший брат, который всегда

интересовался разными травами и корнями, познакомился с главным врачом одного из британских легионов и тоже решил стать военным врачом. Не думаю, что это подходящая профессия для человека из хорошего рода, но у брата своя голова на плечах. Он уехал в Рим изучать медицину, и теперь он сам главный врач Египетского легиона – они сейчас, кажется, в Антиное; впрочем, я давно не получал от него известий.

На моего старшего брата сильное влияние оказало знакомство с греческой философией. Он заявил отцу, что намерен вернуться в наше имение, чтобы заниматься там земледелием и размышлениями. Понимаешь, – подмигнул Парнезий, – у его философии были красивые длинные волосы.

– А я думала, что философы лысые, – удивилась Уна.

– Не все. Это была очень симпатичная философия. По правде говоря, меня вполне устраивало решение брата, потому что мне-то самому хотелось вступить в армию, но я боялся, что некому будет управляться с хозяйством дома.

Он слегка постучал по своему щиту, с которым управлялся на диво легко и небрежно.

– Когда мы все вместе вернулись домой, Аглая первая поняла, что случилось с ее питомцами. Помню ее у порога с факелом над головой в ту минуту, когда мы только подъехали к Клаузентуму по лесной дороге. «Ого! – вскричала она. – Вы уезжали детьми, а вернулись взрослыми – настоящие мужчины и юная прекрасная дама». – Она поцеловала маму, и мама заплакала. Так наша поездка на воды решила судьбу каждого из нас.

Он встrepенулcя и прислушался, опираясь на кромку копья.

– Это, наверное, Дан – мой брат, – сказала Уна.

– Так! И Фавн вместе с ним, – добавил Парнезий. Тотчас зашуршали кусты и из рощи появились Дан и Пак.

– Мы задержались, ибо красоты твоего родного языка, о Парнезий, захватили в плен этого юного джентльмена, – воскликнул Пак.

Парнезий ничего не понял, и Уне пришлось объяснить:

– Дан ляпнул, что будущее время от «доминус» – «доминусы». Миссис Блейк сказала: «Неправильно, подумай еще», а Дан сказал: «Тогда, может быть, „бум-бум“?» Ну, и его заставили два раза переписывать все задание – за нахальство.

Дан забрался на вершину Волатерр. Он весь раскраснелся и тяжело дышал.

– Я бежал почти всю дорогу, пока не встретил Пака. Здравствуйте, как поживаете, сэр?

– Хорошо поживаю, – отвечал Парнезий. – Вот, хотел согнуть этот лук Одиссея, но не тут-то было... – И он показал свой ушибленный палец.

– Вы, должно быть, отпустили резинку слишком рано, – предположил Дан. – Очень жаль! Однако Пак говорит, вы что-то сейчас рассказывали Уне.

– Продолжай, о Парнезий, – провещал Пак, успевший вскарабкаться на сук как раз над их головами. – Я буду твоим хором. Ты, наверное, многого не поняла, Уна?

– Да нет, все понятно. Разве что это название – Ак... Акве... что-то в этом роде.

– Аква Сулис! Так назывался раньше город Бат – тот самый, откуда пошло батское печенье. Но – тихо! Пусть герой продолжит свой рассказ.

Парнезий, сделав зверский вид, погрозил Паку копьем, но маленький ловкач быстро нагнулся и сдернул у него с головы хвостатый шлем.

– Спасибо, малыш! Так прохладнее. – Парнезий довольно тряхнул своей курчавой головой. – Повесь его там на ветку, сделай одолжение... Я как раз рассказывал твоей сестре, – продолжил он, обращаясь к Дану, – как я вступил в армию.

– Нужно было сдать экзамен? – поинтересовался Дан.

– Нет. Я пошел к отцу и сказал, что хотел бы вступить в дакскую кавалерию (я видел ее в Аква Сулис), но отец посоветовал мне начать службу в регулярном римском легионе. А надо сказать, что я, как и многие мои товарищи, недолюбливал все римское. Офицеры и чиновники из Рима смотрели на нас, рожденных в Британии, как на варваров. Я попробовал объяснить это отцу, но он сурово прервал меня:

«Все знаю. Но помни, что мы – потомки старых родов и наш долг – служить Империи».

«Империи, но которой? Орел раскололся еще до моего рождения».

«Что это за воровской язык?» – нахмурился отец. Он терпеть не мог жаргона.

«Скажу иначе, сэр, – не сдавался я. – Один император у нас в Риме, но и в провинциях время от времени провозглашаются императоры. За кем из них идти?»

«За Грацианом, – не колеблясь, сказал отец. – Он, по крайней мере, мужественный человек».

«Еще бы! – воскликнул я. – Разве он не превратил себя в сыроеда скифа?»

«Где ты это слышал?»

«В Аква Сулис, конечно», – отвечал я. И действительно, там про него говорилось такое! Будто этот император Грациан завел себе охрану из скифов, одетых в шкуры, и до того рехнулся, что сам одевался в такие же шкуры. И это не где-нибудь, а в Риме! Все равно как если бы мой собственный папаша разукрасил себя татуировкой.

«Дело не в одежде, – сказал отец. – Дело в том, что Рим действительно на грани катастрофы. Они забыли своих богов, и за это их ждет кара. Великая Война с Раскрашенными началась в год, когда были разрушены храмы наших богов. Мы победили Раскрашенных в тот самый год, когда храмы были восстановлены. А вернемся еще дальше назад...» – Тут отец начал вспоминать о времени Диоклетиана и еще более старых временах. Послушать его, так выходило, что Вечный Рим должен погибнуть только из-за того, что в нем появилось несколько свободно мыслящих людей.

«Я ничего об этом не знаю. Аглая не учила нас римской истории. Она все больше говорила о древних греках...»

«У Рима нет будущего, – заключил отец, – ибо он забыл свою веру. Но если только боги не покинут нас тут, мы еще сможем спасти Британию. Для этого нужно, во-первых, отразить натиск дикарей. Вот почему, Парнезий, я должен сказать тебе как отец: если ты хочешь служить, твое место – среди защитников Вала, а не среди женщин в городском гарнизоне».

– Какого Вала? – хором спросили Дан и Уна.

– Речь шла об Адриановом Вале. Потом я расскажу вам о нем подробней. Это огромный вал, перегораживающий Северную Англию – для защиты от Раскрашенных, то есть от пиктов, как вы их зовете. Отец воевал в Великой Пиктской Войне, которая длилась больше двадцати лет, и знал боевую жизнь не понаслышке. Меня еще и на свете не было, когда Феодосий, один из наших знаменитых полководцев, отбросил коротышек-дикарей на север. У нас на острове их не было и в помине... Так вот, когда отец договорил, я поцеловал ему руку и молча ожидал его решения. Мы, британцы из старых римских родов, умеем чтить родителей как должно.

– Если бы я поцеловал руку отцу, он бы рассмеялся, – заметил Дан.

– Обычаи меняются, но, если ты не будешь слушать отца, боги отомстят тебе. Можешь не сомневаться! – сказал Парнезий и продолжал:

– После нашей беседы, видя, что мое намерение серьезно, отец отправил меня в Клаузентум учиться строю и маршировке. Я попал в казарму Вспомогательных войск, состоявших из всякого варварского сброда – самых чумазных и небритых солдат, каким только приходилось когда-либо драить кирасу. Нужно было основательно поработать щитом и палкой, чтобы выстроить их в какое-нибудь подобие шеренги. Когда я сам кое-чему научился, инструктор выделил мне горсточку иберийцев и галлов, чтобы я помуштровал их перед отправкой на позиции. Я старался как мог; и вот однажды, когда случился пожар на одной из пригородных вилл, мы успели прибыть на место и приняться за дело до прибытия других отрядов. На лужайке перед домом я заметил человека, хладнокровно наблюдавшего за пожаром. Опираясь на палку, он стоял и смотрел, как мои ребята передают по цепочке ведра с водой, и наконец обратился ко мне с вопросом, кто я такой.

«Новичок, ожидающий назначения», – отвечал я, не имея понятия, с кем говорю.

«Родом из Англии?» – спросил он.

«Так же, как вы из Иберии». – И действительно, в его манере раскатывать звуки во рту слышалось ржание иберийского мула.

«И как же тебя называют дома?» – спокойно улыбаясь, продолжал он свой допрос.

«Когда как – и так и этак. Недосуг мне сейчас толковать».

Он больше ничего не спросил, но позже, когда мы вынесли из огня домашних богов пострадавшей семьи – лар и пенатов, он вновь окликнул меня небрежным тоном:

«Послушай-ка, юный Когда– Как-И– Так-И-Этак! Отныне тебя будут называть центурионом Седьмой когорты Тридцатого легиона Ульпийского Победоносного. Удобней запомнить, не правда ли? А мое имя Мáксим – по крайней мере, так меня зовут твой отец и кое-кто еще».

Он бросил мне свою полированную трость, на которую опирался, и ушел. Разрази меня гром на этом месте!

– Кто же он был?

– Сам Мáксим, великий полководец! Главнокомандующий Британии, правая рука Феодосия в Пиктской войне. Он не только собственноручно вручил мне трость центуриона, но и поднял сразу на три ступеньки по службе: обыкновенно новичок поступает в Десятую когорту и движется выше с выслугой лет.

– Вы были рады?

– Еще бы! Я думал, что был награжден за свой бравый вид и выучку моих солдат, но когда я вернулся домой, отец рассказал мне, что служил под командой Мákсима на войне и теперь просил его оказать мне покровительство.

– Каким же ты был мальчишкой! – засмеялся сверху Пак.

– Да, был, – согласился Парнезий. – Но не стоит упрекать меня, Фавн. Вскоре – боги тому свидетели! – я распрощался с играми.

Пак серьезно кивнул, подпирая смуглыми кулаками свой смуглый подбородок.

– В ночь перед отбытием мы принесли жертвы предкам – обычная семейная церемония, – но я еще никогда не молился так рьяно всем Добрым Теням; после чего мы с отцом отправились на лодке в Регнум, а оттуда через меловые утесы в Андериду.

– Регнум? Андериды? – Дети вопросительно повернули головы к Паку.

– Регнум – это Чичестер, – сказал Пак, указывая в сторону Черриклека, – а Андериды, – он протянул руку назад, – Андериды – это Пэвенси.

– Опять Пэвенси! – воскликнул Дан. – Там, где высадился Виланд?

– Виланд и другие, – отозвался Пак. – Пэвенси не молод, даже по сравнению со мной.

– Штаб Тридцатого легиона летом находился в Андериде, но моя Седьмая когорта несла службу на севере, у Адрианова Вала. Мáксим инспектировал вспомогательные войска – кажется, абульчей – в Андериде, и мы гостили у него дней десять: он с моим отцом были старыми друзьями. Наконец я получил приказ отбыть со своими тридцатью солдатами в свою когарту, на север. Трудно забыть свой первый поход. Я чувствовал себя счастливей любого императора, когда вывел моих солдат из северных ворот лагеря и мы отсалютовали Алтарю Победы и страже.

– Как отсалютовали? – замороженно спросили Дан и Уна.

Парнезий улыбнулся и встал, сверкая доспехами.

– Вот так! – И он четко, не спеша, показал все великолепные движения римского салюта, который кончается глухим стуком щита, возвращенного на свое место за плечами.

– Ого! – молвил Пак. – Впечатляющее зрелище!

– Мы вышли в полном вооружении, – присаживаясь, продолжил Парнезий, – но едва дорога вступила в Великий Лес, как мои люди запросили вьючных лошадей, чтобы нагрузить на них свои щиты. «Нет! – отрезал я. – В Андериде вы можете наряжаться как бабы, а у меня вы будете сами нести свое оружие и доспехи».

«Но ведь жарко! – сказал один из них. – А у нас даже нет врача. Что, если с кем-нибудь из нас стряется солнечный удар или лихорадка?»

«Рим избавится от одного скверного солдата – только и всего. Довольно разговоров: щиты за спину, копья на плечо! – и, кстати, завяжи свой ножной ремень!»

«Не воображай себя уже императором Британии», – крикнул он, обозясь.

Я ударил его в грудь тупым концом копья и объявил этим столичным римлянам, что если будет продолжаться беспорядок, отряд двинется дальше без одного человека. И я бы сдержал свое слово, клянусь Солнцем! Нет, мои невежественные галлы в Клаузентуме никогда не вели себя так дерзко.

И вдруг неслышно, как облако, из-за кустов выехал Мáксим на мощном жеребце, а следом за ним – мой отец. Генерал был одет в пурпурный плащ, как если бы он уже был императором, его сапоги из белой оленьей кожи сверкали золотой отделкой.

Мои солдаты сникли и обмерли, как куропатки.

Он долго молчал, глядя из-под насупленных бровей, потом поднял

руку и повелительно загнул указательный палец. По этому знаку все зашевелились и двинулись – можно сказать, поползли – к нему.

«Встаньте здесь, на солнышке, детки», – молвил он, и солдаты тотчас построились.

«Что бы ты сделал, – обратился он ко мне, – если бы мы не появились?»

«Я бы убил этого бузотера».

«Ну, так убей его сейчас. Он и пальцем не шевельнет».

«Нет, – ответил я. – Вы вывели отряд из-под моей команды. Если бы я убил его сейчас, я исполнил бы работу палача». Понимаешь, что я имел в виду? – Парнезий повернулся к Дану.

– Конечно, – ответил Дан. – Это было бы подло.

– Вот и я так думал, – кивнул Парнезий. Но Мάксим нахмурился. «Ты никогда не станешь императором, – сказал он. – Даже генералом тебе не бывать».

Я смолчал, но заметил, что отец не слишком из-за этого огорчился.

«Я приехал, чтобы увидеть тебя напоследок», – объяснил он.

«Я тоже – напоследок, – сказал Мάксим. – Меня больше не интересуется твой сын. Быть ему до смерти рядовым офицеришкой. А мог бы стать префектом в одной из моих провинций. Ну да ладно. Пойдем выпьем и пообедаем вместе. А твои ребята подождут, пока мы не кончим».

Несчастные солдаты остались стоять на солнцепеке, унылые, как бурдюки со скисшим вином. А нас с отцом Мάксим повел к уже приготовленной слугами трапезе. Он сам смешал вино с водой в кратере.

«Через год, – заметил он, – вы будете вспоминать, как обедали с императором Британии – и Галлии».

«Да, – откликнулся отец, – тебе по силам запрячь в одну упряжку двух мулов – британского и галльского».

«А через пять лет вы будете вспоминать, – тут Мáксим передал мне чашу с вином, – как вы пили вместе с императором Рима».

«Трех мулов тебе не запрячь. Они разорвут упряжку в клочья», – проворчал отец.

«А ты будешь сидеть в бурьяне возле своего Вала и лить слезы из-за того, что справедливость тебе показалась дороже милости римского императора!»

Я сидел, не открывая рта. Когда говорят пурпураносцы, отвечать не положено.

«Я не сержусь на тебя, – продолжал полководец. – Я слишком обязан твоему отцу...»

«Ничем не обязан – разве что советами, которых никогда не слушал», – вставил отец.

«Слишком благодарен, чтобы обидеть кого-либо из его семьи. Может быть, из тебя и получился бы хороший трибун, но я думаю так: служить тебе на границе и умереть на границе», – заключил Мáксим.

«Вполне вероятно, – сказал отец. – Но очень скоро пикты (со своими друзьями) сделают попытку прорваться. Или ты думаешь, что уведешь из Британии войска стяжать тебе императорскую корону, а на севере все будет спокойно?»

«Я следую своей судьбе», – отрезал Мáксим.

«Что ж! Следуй судьбе, – молвил отец, вытаскивая с корнем стебель папоротника, – и умри, как умер Феодосий».

«О нет! – воскликнул Мáксим. – Мой старый генерал был убит, потому что слишком усердно служил Империи. Если и я буду убит, то совсем не по этой причине». – И он так усмехнулся уголком бледного рта, что озноб пробежал у меня по спине.

«Я тоже следую своей судьбе, – сказал я. – И должен вести свой отряд к Адрианову Валу».

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом наклонил голову немного вкось, по-испански, и сказал: «Дерзай, малыш». Больше ничего. Я был рад уйти, едва попрощавшись с отцом и даже не передав домой привета. Мои солдаты стояли, где их поставили, не шелохнувшись. Я скомандовал «Марш!», все еще ощущая холодок меж лопаток от жуткой улыбки генерала. Мы шли без единой остановки до самого заката, пока не сделали привал вон там. – Он повернулся и указал на неровный, заросший орляком уступ Кузнечной Горы за домиком Хобдена.

– Там? Но это ведь просто старая кузница. Там когда-то выплавляли железо.

– Удачное место для стоянки, – серьезно подтвердил Парнезий. – Здесь мы починили пряжки трех панцирей и заклепали наконечник копья. Помню, что кузню арендовал какой-то одноглазый карфагенец, мы прозвали его Циклопом. Он продал мне коврик из бобровой шкурки, который я хотел подарить сестре.

– Не может быть, чтоб это было здесь! – никак не мог поверить Дан.

КУЗНЕЦ •ЦИКЛОП•

– На том самом месте. От Алтаря Победы в Андериде до Первой Кузни в лесу – двенадцать миль и семьсот шагов. Так записано в Маршрутной Книге. Первый поход не забывается! Я бы мог вам перечислить все наши привалы отсюда и до самого... – Он наклонился вперед, и в этот миг заходящее солнце блеснуло ему в глаза.

Оно спустилось до вершины Чериклекского холма, пронизывая лучами глубину леса и окрашивая листву в золото и багрянец. Парнезий в своих доспехах сверкал, как живое пламя.

– Погодите! – воскликнул он, поднимая руку, и солнце вспыхнуло на его стеклянном браслете. – Погодите! Я буду молиться Митре!

Он вскочил на ноги и, простирая к западу руки, запел какую-то торжественную, звучную песнь.

Вскоре и Пак стал подпевать ему – громко и раскатисто, как праздничный колокол, а потом соскользнул с вершины Волатерр и двинулся вниз, поманив за собой ребят. Они повиновались: мощная мелодия словно влекла их по лесу, сквозь листву, смугло-золотистую от заката, а Пак шествовал рядом, распевая примерно так:

Кур мундус милатат суб вана gloria
Куюс проспéритас эст транзистория?
Там цито лабитур эйюс потенциа
Квам васа фигули ква сунт фрагилия.

Они вышли к маленьким воротам на опушке леса.

Кво Цезар абиит цельзус империя?
Вель Дивес сплендидус тотус ин прандио?
Диц убис Туллиус...

Не переставая петь, Пак вдруг потянул Дана за руку и крутанул его на месте так, что он чуть не столкнулся лицом к лицу с Уной, отворявшей ворота. И в тот же миг швырнул в воздух над их головами волшебные листья Дуба, Ясеня и Терна.

– Здорово ты опоздал, – молвила Уна. – Раньше не мог выбраться?

– Я вроде рано выбрался, – удивился Дан, – но почему-то оказалось

уже поздно. А ты где была?

– Возле Волатерр – тебя поджидала.

– Извини, пожалуйста, – сказал Дан. – А все эта гадкая латынь!

Песня британского римлянина

(A.D. 406)

Отец и дед мой не смогли
Пройтись по улицам твоим.
Я вырос от тебя вдали,
Священный Рим!

Не для меня твой древний кров,
Величье храмов и палат,
О Рим, богов и мастеров
Бессмертный град!

Родоначальное гнездо,
Отваги дерзкой колыбель,
Чья слава достигает до

Чужих земель!

О сердце мира, не смолкай,
Твои повсюду сыновья:
За веком век, из края в край,
Мы – кровь твоя!

Мы – плоть твоих семи холмов,
Но дай нам сил, великий Рим,
Чтоб факел твой среди штормов
Был негасим.

У Адрианова вала

Когда покидал я Италию
С орлами и звонкой трубой,
Клялась мне моя Евлалия,
Божилась моя Евлалия:
Мол, сердце мое – с тобой.

И я прошагал всю Галлию,
Британию и так далее
И вышел на голый берег,
Где белый, как грудь Евлалии,
Холодный, как кровь Евлалии,
Ложится на землю снег.

Пусть я потерял всю Галлию,
Британию и так далее,
И Рима мне не видать,

(тут голос зазвучал совсем бесшабашно),

Но горше, чем всю Италию,
Печальней всего – Евлалию
Навеки мне потерять!

Они стояли возле ворот Дальнего Леса, когда слышалась эта песня. Не сговариваясь, они бросились к знакомой лазейке в живой изгороди и так быстро пролезли через нее, что чуть не наступили на сойку, которую Пак, присев на корточки, кормил из рук.

– Поосторожней! – крикнул он. – Куда вы мчитесь?

– Мы ищем Парнезия, – ответил Дан. – Нам только сейчас вспомнилось вчерашнее. Так нечестно!

– Прошу прощения, – хихикнул Пак, поднимаясь, – но детям, которые провели полдня со мной и римским центурионом, нужна небольшая успокоительная доза волшебства, когда они уходят пить чай с гувернанткой... О-эй, Парнезий! – позвал он громко.

– Я здесь, Фавн! – отозвался голос с Волатерр. Они подняли головы и увидели бронзовый панцирь, блеснувший в развилке бука, и приветственное сверкание поднятого щита.

– Я прогнал британцев и занял эту неприступную крепость! – Парнезий рассмеялся как мальчишка. – Но римляне великодушны. Можете

взобратся сюда.

И они немедленно вскарабкались наверх.

– Что это за песню вы пели? – спросила Уна, устраиваясь поудобней.

– Какую? Ах Евлалию! Такие песенки сочиняют во всех концах Империи. Они, как чума, распространяются по легионам и свирепствуют полгода или год, пока солдатам не понравится новая, под которую хорошо шагается.

– Расскажи им про ваш поход. В наши дни редко кто пересекает пешком эту страну.

– Тем хуже для них. Нет ничего лучше долгого похода, чтобы хорошенько размять ноги. Едва поднимется туман, как вы уже в пути, и шагаете до захода солнца и еще целый час после.

– А что вы едите в пути? – живо спросил Дан.

– Свинину, бобы и хлеб. Да вино, какое найдется на стоянке. Впрочем, солдаты любят привередничать. В первый же день им не понравился хлеб, молотый водяным колесом. Они стали ворчать, что он не такой сытный, как из римской муки с бычьей мельницы. Но никуда не денешься – им пришлось его есть.

– Откуда же они его взяли?

– С той новомодной водяной мельницы, что чуть ниже по ручью от кузни.

– Так это же Кузничная Мельница – наша мельница! – удивилась Уна.

– А что тут особенного? – вмешался Пак. – Ты думаешь, ей сколько лет?

– Не знаю... Кажется, о ней говорил сэра Ричард Даллингридж.

– Верно, – подтвердил Пак. – Но она и в его дни насчитывала уже сотни лет.

– В мои времена она была совсем новой, – продолжал Парнезий. – Помню, солдаты зачерпнули муку шлемом и рассматривали ее так, будто перед ними гадючье гнездо. Им хотелось испытать мое терпение. Но я им кое-что сказал, и мы поняли друг друга. По правде говоря, это они обучили меня римской походной ходьбе. Во вспомогательных войсках, где я раньше служил, маршируют слишком быстро. Совсем иное дело – легионерский шаг. Широкий и медленный, он не меняет своего ритма от рассвета до заката. Двадцать четыре мили за восемь часов, не больше и не меньше. Головы и копья вверх, щиты за спину, ворот кирасы раскрыт на ширину ладони – так мы проносили своих орлов по дорогам Британии! Тот, наш первый поход занял двадцать дней.

– А были приключения? – спросил Дан.

– К югу от Границы никаких приключений не бывает. Правда, чем дальше вы двигаетесь на север, тем дороги становятся пустынной. Наконец леса кончаются, и вы бредете безлюдными холмами, где волки воют на развалинах покинутых городов. Ни хорошеньких девушек, ни словоохотливых чиновников, знавших еще вашего батюшку, когда он был молодым, ни свежих новостей возле храма или на дорожной станции. Лишь охотники встретятся вам в пути да звероловы, снабжающие цирки, с медведем на цепи или волком в наморднике. Шарахнется в сторону лошадка, захохочут солдаты – вот и все.

Изредка увидите вы и дома – но не виллы, окруженные садами, как на юге, а дома-крепости из серого камня со смотровыми башнями и овечьи загонны с высокими каменными изгородями, которые охраняют вооруженные люди. За этими одинокими домами – голые холмы, по которым скачут тени облаков, и клубы черного рудничного дыма поднимаются за холмами. Дальше и дальше уходит каменистая дорога – и ветер свистит над гребнями шлемов – мимо алтарей проходивших здесь когда-то легионов, разбитых статуй богов и героев, и несчетных могил,

между которых шныряют горные лисы и зайцы. Летом она раскалена, как печь, зимой холоднее льда – эта обширная бурая страна вереска и крошащихся скал.

И вдруг, когда кажется, что вы уже достигли самого края земли, перед вами возникает курящаяся дымами Стена: с востока на запад, насколько хватает глаз, одна длинная, убегающая к горизонту, то поднимающаяся, то ныряющая вниз линия башен и укреплений, а перед ней, как рассыпанные бесконечной цепочкой игральные кости, – дома и храмы, театры и лавки, казармы и склады... Это и есть Вал Адриана!

– Ах! – воскликнули дети, переводя дух.

– Еще бы не ах! – согласился Парнезий. – Старики, всю жизнь прошагавшие за военными Орлами, говорят, что в целой Империи нет зрелища удивительней, чем этот Вал, увиденный впервые!

– Но вал значит земляная насыпь, не правда ли? – спросил Дан.

– Вал Адриана – это прежде всего Стена, поверх которой идут оборонительные и караульные башни. По гребню этой Стены даже в самом узком месте трое солдат со щитами свободно могут пройти в шеренгу. Там есть еще тонкая и невысокая – по шею воину – заградительная стенка, так что, когда глядишь издали, головы стражников скользят, как бусины, по гребню Вала. Высота стен – тридцать футов, и со стороны пиктов, с севера, их окаймляет ров, усеянный обломками мечей, копий и скрепленных цепями колес. Пикты часто пробираются туда, чтобы добыть железо для наконечников стрел.

Но не так удивителен сам Вал, как город, расположенный за ним. Поначалу там были бастионы и земляные укрепления, и никому не разрешалось строиться на этом месте. Те укрепления давно снесены, и вдоль всего Вала протянулся город длиной в восемьдесят миль. Вы только представьте! Один сплошной, шумный и безалаберный город – с петушиными боями, травлей волков и конными скачками – от Итуны на западе до Сегедунума на холодном восточном побережье! С одной стороны Вала – вереск, дебри и руины, где прячутся пикты, а с другой стороны – огромный город, длинный, как змея, и как змея, опасный. Змея, растянувшаяся погреться у подножия Стены!

Моя когорта, как я уже говорил, квартировалась в Гунно, где Великий Северный Тракт пересекает Вал и уходит вглубь Валенсии. Провинция Валенсия! – Парнезий презрительно засмеялся. – Когда мы пришли в Гунно, нам показалось, что мы попали на ярмарку. Да это место и было настоящей ярмаркой! Там собрались люди со всех концов Империи. Одни испытывали лошадей, другие сидели в винных лавках, третьи

развлекались, глядя на медвежью травлю или на петушиный бой в яме... Молодой человек, не старше меня по возрасту, но уже офицер, придержал коня и спросил меня, чего я ищу.

«Свою стоянку», – ответил я и показал ему щит. – Парнезий поднял свой широкий щит с тремя латинскими цифрами ХХХ, отчеканенными на умбоне.

«Какое совпадение! – воскликнул офицер. – Ваша когорта рядом с нами, в соседней башне. Но сейчас там никого нет, все на петушиных боях. Тут весело! Пойдем сбрызнем Орла!» – Это выражение означало, что он приглашал меня выпить.

«Когда доведу свой отряд до места и доложу о прибытии», – пробурчал я.

«Скоро ты поймешь, что все это чепуха. Но не хочу сразу тебя расхолаживать. Вам надо вон туда. Увидишь статую богини Ромы – ее нельзя не заметить. Это главная дорога в Валенсию». – Он засмеялся и отъехал.

Статуя Ромы была не более как в четверти мили впереди. Некогда под ней проходил Великий Северный Тракт, но теперь дальний конец арки был замурован, и на глухой стене чья-то рука нацарапала: «КОНЕЦ СВЕТА». Мы вошли под своды этой арки, словно в пещеру, и дружно ударили копьями в землю. Эхо отозвалось, как из бочки, но никто не появился. Заметив небольшую дверь в стене, отмеченную знаком ХХХ, мы вломились туда и наткнулись на спящего повара. Я приказал ему накормить моих людей, а сам взобрался на башню и оглядел раскинувшуюся внизу страну пиктов. Мысли мешались в моей голове. Надо сказать, что надпись «конец света» на замурованной стене потрясла меня... я ведь и впрямь был тогда очень молод.

– Какой ужас! – воскликнула Уна. – Но вы почувствовали себя веселее, когда хорошенько...

Дан прервал ее толчком в бок.

– Повеселее? – переспросил Парнезий. – Когда солдаты из когорты, которой я должен был командовать, ввалились без шлемов, со своими ободранными петухами, и спросили меня, кто я такой? Нет, я не почувствовал себя веселей... Впрочем, я задал им тогда веселую жизнь! Матушке я, конечно, написал, что у меня все в порядке, но, друзья мои, – он обхватил руками свои голые колени, – как я мучился в первые месяцы на границе! – худшему врагу такого не пожелаю. Учтите, между офицерами не было, пожалуй, ни одного, за исключением меня (впрочем, я и сам попал в опалу к Мáксиму, нашему военачальнику), – ни одного, кто бы не попал

сюда за какую-нибудь провинность или глупость. Один совершил убийство, другой – кражу, третий оскорбил магистрата или богохульствовал и был сослан на границу подальше, как говорится, от греха. Да и солдаты были под стать офицерам. Люди всех рас и племен, какие только жили в Империи. Не было двух соседних башен, говоривших на одном языке или поклонявшихся одним и тем же богам. Каким бы видом оружия они ни владели прежде, на Адриановом Валу все становились лучниками, как скифы. От стрелы не убежишь и не увернешься. Пикты это знают: они и сами прекрасные лучники. Знают и остерегаются!

– Вы, наверное, беспрерывно сражались с пиктами? – спросил Дан.

– Пикты редко сражаются. За полгода я не видел ни одного боя. Смирные пикты рассказали мне, что все их воинственные сородичи ушли на север.

– Что значит «смирные»?

– Это те пикты – их довольно много, – которые умеют говорить по-нашему и шныряют взад-вперед через границу, торгуя лошадьми и собаками-волкодавами. Без лошади и без собаки – и, конечно, без друга – человеку гибель. Боги ниспослали мне все три дара, но нет ничего ценнее дружбы. Запомни это смолоду, – тут Парнезий повернулся к Дану, – ибо твоя судьба будет зависеть от первого верного друга, которого ты встретишь в юности.

– Он хочет сказать, – усмехнулся Пак, – что если ты стараешься смолоду вести себя достойно, то и друзья у тебя будут достойные. А если ты ведешь себя беспутно, то и друзья твои будут такие же. Внимайте благочестивому Парнезию, проповедующему о дружбе!

– Какой я благочестивый, – отмахнулся Парнезий, – просто я знаю, что хорошо, а что скверно, а мой друг, хотя ему и выпала горькая судьба, был в сто раз лучше меня. И нечего скалиться, Фавн!

– О юность вечная! О юность пылкая! – пропел Пак, раскачиваясь на ветке вверху. – Ну, рассказывай нам про своего Пертинакса.

ПЕРТИНАКС

– Он был другом, посланным мне богами, – тот парень, который заговорил со мной первым у Вала. Чуть постарше меня, он командовал когортой Августа Виктория, расположенной между нашей башней и нумидийцами. По своим достоинствам он был гораздо выше, чем я.

– Как же он тогда очутился на границе? – живо спросила Уна. – Вы же сами сказали, что каждый там совершил в прошлом что-нибудь плохое.

– После смерти отца его опекуном оказался дядя, богатый галл, который несправедливо обошелся с его матерью. Когда Пертинакс вырос и стал это понимать, дядюшка счел за благо всеми правдами и неправдами отправить племянника подальше. Мы познакомились в нашем храме во время обряда – в темноте катакомб. Это была Бычья жертва, – уточнил Парнезий, обращаясь к Паку.

– Мне можешь не объяснять, – отозвался Пак, – но ребятам это будет трудно понять. В общем, Парнезий хочет сказать, что познакомился с Пертинаксом в церкви.

– Да, это было в подземелье. Нас одновременно произвели в степень Грифонов, – рука Парнезия поднялась на миг и коснулась груди. – Он служил на Валу уже два года и хорошо знал пиктов. Он первый научил

меня болотничать.

– Что значит «болотничать»?

– Это значит охотиться на вересковых болотах к северу от границы со смиренным пиктом-проводником. Пока вы его гость и пока вы носите пучок вереска на одежде, вам нечего бояться. Пойдешь в одиночку – наверняка будешь убит, если только раньше не утонешь в болоте. Только пикты знают все коварные черные топи и обходные тропки между ними. Особенно мы дружили со старым Алло, одноглазым и худым пиктом, у которого мы покупали лошадей. Сперва мы отправились на болота, просто чтобы отдохнуть от суматохи города и без помех поговорить о доме. Потом Алло научил нас охотиться на волков и на тех огромных рыжих оленей с рогами, похожими на иудейский подсвечник. Офицеры-римляне свысока смотрели на наше увлечение, но мы предпочитали болотничанье их любимым потехам. Поверь мне, – Парнезий вновь повернулся к Дану, – пока юноша сидит в седле или охотится на оленя, он защищен от всякой скверны. Помнишь, Фавн, – обратился он к Паку, – маленький алтарь возле сосновой рощи над ручьем, который я посвятил лесному богу Пану?

ПИКТ
Алло

– Который? Каменный алтарь со строкой из Ксенофонта?

– Да нет же! Что я знал о Ксенофонте? Тот был сооружен Пертинаксом – после того, как ему удалось подстрелить своего первого горного зайца. А мой алтарь я сделал из круглых булыжников в память о первом добытом медведе. Я строил его целый день – это был счастливый день!

Так мы проводили время на границе. Изредка небольшие стычки с пиктами возле Вала и множество охотничьих экспедиций со старым Алло вглубь вересковой страны. Он называл нас «сынками», и мы отвечали искренней симпатией ему и его сородичам, хотя и отказывались наотрез от раскраски. Эти знаки остаются на всю жизнь.

– А как они делают раскраску? – спросил Дан. – Это что-то вроде татуировки?

– Они накалывают кожу до крови острым шипом и втирают туда краску. Алло был раскрашен в синий, зеленый и красный цвета от лодыжек до лба, что является частью их веры и обычая. Немало любопытного рассказал Алло про свою веру (Пертинакс очень интересовался подобными вещами), а когда мы сошлись поближе, он частенько делился с нами свежими новостями из Британии. Все, что случилось за это время на Юге, было в точности известно Маленькому Народцу! Алло поведал нам, что Мáксим отправился через море в Галлию после того, как стал императором Британии, причем назвал, кого из военачальников и какие отряды он взял с собой. К нам на Вал эти новости пришли двумя неделями позже. Он рассказывал мне, какие войска Мáксим вызывал себе в помощь из Британии каждый месяц, и ни разу не ошибся – я проверял! – в номере когорты или легиона. Клянусь Светом Солнца! И вот еще одна странная вещь...

Он сцепил ладони на коленях и откинул голову назад, опираясь на полукруглый щит, прислоненный к стволу.

– Однажды в конце лета, когда начинаются заморозки и пикты

вымаривают своих пчел из ульев, мы отправились втроем на волчью охоту. Рутулиан, наш генерал, предоставил нам десятидневный отпуск, и мы забрались далеко – за второй Вал, где кончается провинция Валенсия и дикие холмы, среди которых не встретишь даже руин римских построек, вздымаются еще выше. Около полудня нам удалось убить волчицу, и, снимая с нее шкуру, Алло взглянул на меня и молвил:

«Когда ты станешь комендантом Стены, сынок, тебе уже не придется так славно поохотиться».

С тем же успехом я мог бы стать префектом Южной Галлии, так что я рассмеялся его словам и ответил:

«Подождем, пока я стану комендантом».

«Не стоит ждать, – сказал Алло. – Послушайтесь моего совета и отправляйтесь-ка оба домой».

«У нас нет дома, – возразил Пертинакс, – и ты знаешь это не хуже нас. Мы конченные люди – без будущего и без надежд. Оттого и скачем, рискуя свернуть себе шею, по этим буеракам».

Старик засмеялся по-своему, особым отрывистым смешком – так лисица твякает морозной ночью.

«Вы мне нравитесь. И я вас кое-чему научил на охоте. Послушайтесь совета и отправляйтесь домой».

«Это невозможно, – отвечал я. – Во-первых, я и так на плохом счету у командующего. А во-вторых, у Пертинакса есть дядя...»

«Ничего не знаю про его дядю, – сказал Алло. – Но твоя беда, Парнезий, в том, что ты на слишком хорошем счету у командующего».

«Богиня Рома! – воскликнул пораженный Пертинакс. – Откуда ты можешь это знать, старый лошадиный барышник?»

Как раз в это время (вы знаете, как близко может подкрасться зверь к стоянке) из-за кустов выскочил большой волк-самец, и наши отдохнувшие собаки бросились за ним в погоню. Ну и мы, конечно, за собаками. Волк бежал прямо, как стрела, точно на закат – до самого заката – и завлек нас в такие места, о которых мы и не слыхивали. Перед нами возникло несколько скалистых гряд, вдававшихся в бурливое море, а внизу, у воды, мы увидели корабли, вытасченные на берег. Мы насчитали их сорок семь, но то были не римские галеры, а черные, как вороново крыло, ладьи из Северной Страны, куда не простирается власть Рима. На кораблях копошились люди, и солнце сверкало на их шлемах – крылатых шлемах рыжих норманнов. С великим удивлением мы смотрели на них сверху, ибо хотя и слышали много раз о Крылатых Шапках, как называли их пикты, но в первый раз видели их воочию.

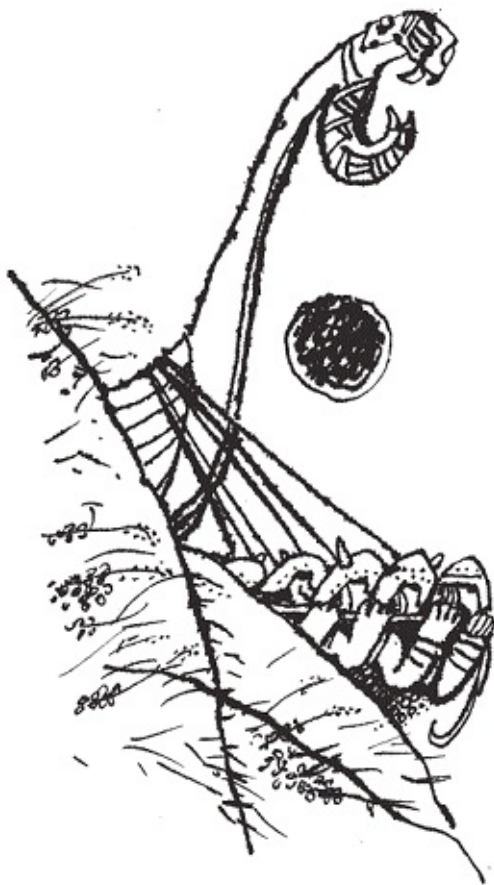
«Скачем прочь! Скорей! – торопил Алло. – Они нас убьют! И не спасет ни болото, ни вереск!» Его голос дрожал и колени дрожали.

Мы понеслись назад – через холмы и кустарники под встающей луной – и скакали почти до утра, пока наши бедные лошадки не наткнулись на какие-то руины.

Когда мы проснулись на другой день, озябшие и заочневшие, Алло сидел на камне, делая болтушку из овсяной муки с водой. В стране пиктов не разжигают костров без крайней нужды. Дымом они подают сигналы, и всякий странный дымок может привлечь жужжащий рой маленьких охотников. О, жалить они тоже умеют!

«То, что мы видели вчера, было торговой стоянкой, – сообщил Алло. – Всего лишь торговой стоянкой».

«Не люблю вранья на голодный желудок, – заметил Пертинакс. – А это что, – глаза у него были зоркие, как у орла, – тоже торговая стоянка?» Он показал на дым вдали над холмом, взлетающий прерывистыми толчками – пых! пых-пых! пых-пых! пых! Пикты подают такие сигналы, поднимая и опуская над костром мокрую бычью шкуру.

«Нет, – сказал Алло, засовывая деревянную тарелку обратно в мешок. – Это сигнал. Ваша судьба решена. Едем».

Мы снова поскакали. Пошел болотничать, так слушай своего проводника – таков закон. Но проклятый дым был милях в двадцати от нас, где-то на восточном побережье, а день выдался горячий, как в бане.

«Что бы ни случилось, – сказал Алло, пока наши лошадки, тяжело похрапывая, бежали вперед, – я хочу, чтобы вы меня не забывали».

«Уж я-то не забуду, – пообещал Пертинакс, – как ловко ты оставил меня без обеда».

«Пригоршня овсяной муки – разве это обед для римлянина? – отвечал Алло и рассмеялся своим отрывистым смехом, не похожим на смех. – А вот что бы ты делал на месте пригоршни овса, растираемой между верхним и нижним жерновами мельницы?»

«Я Пертинакс, а не разгадыватель загадок».

«Ты глупец! – сказал Алло. – Твоим богам и моим богам угрожают чуждые боги, а ты веселишься».

«Угроза еще не гроза», – заметил я.

«Я молю богов, чтоб это было так, – отозвался Алло. – Но снова прошу вас не забывать меня».

Мы въехали на последний, нагретый солнцем холм и увидели впереди, в трех или четырех милях, восточное море. Небольшая галера галльского типа стояла на якоре возле берега с полуопущенным парусом и выдвинутой причальной доской. А внизу под нами, в ложине, держа на привязи своего коня, сидел Мáксим, император Британии! Он был в одежде охотника и, сутулясь, опирался на трость, но я узнал его спину сразу, едва только увидел, и сказал Пертинаксу.

«Ты сошел с ума, как и Алло! – Он постучал пальцем по лбу. – Вам просто напекло головы».

Максим не пошевелился, пока мы не подошли и не встали перед ним. Тогда он смерил меня взглядом и промолвил:

«Снова голоден? Видно, такая моя судьба – кормить тебя при каждой нашей встрече. У меня есть еда. Пусть Алло приготовит».

«Нет, – возразил Алло. – Хозяин в своей стране не прислуживает странствующим императорам. Я накормлю двух своих сынков без твоего соизволения». И он стал раздувать угли.

«Я ошибся, – вскричал Пертинакс. – Мы все сошли с ума. Скажи же что-нибудь, о безумец, именуемый императором!»

Мáксим улыбнулся, не разжимая губ. Улыбка вышла жутковатой, но, проведя два года на границе, не станешь пугаться взгляда или улыбки. Я, по крайней мере, не испугался.

«Мне сперва показалось, Парнезий, что твоя судьба – жить и умереть центурионом в Приграничье. Но судя по этим письмам, ты умеешь думать не хуже, чем рисовать».

Он сунул руку за пазуху и вытащил свернутые в трубку мои письма к родичам, на которых я зарисовывал разные сцены из пограничной жизни, а также пиктов, медведей, своих знакомых и так далее. Матери и сестре всегда нравились мои рисунки. И вот теперь Мáксим протягивал мне один из них с подписью: «Солдаты Мáксима». Там была нарисована шеренга винных бурдюков вместе с нашим старым лекарем из Гунно, внимательно к ним принимающим. Всякий раз, когда Мáксим забирал себе подкрепление из Британии – чтобы завоевать Галлию, – он обычно посылал в гарнизоны добавку вина. Так что мы у себя на Валу называли винные бурдюки «максимчиками». Да, кстати, я изобразил их в легионерских шлемах.

«В недавние времена, – продолжал Мáксим, – людей привлекали к ответу за куда более безобидные шутки».

«Так, цезарь, – заметил Пертинакс. – Но не забывай, что это было еще до того, как я, друг твоего друга, научился славно бросать копье».

И он выразительно поиграл своим охотничьим копьем, впрочем не направляя его ни на кого.

«Я говорил о прежних временах, – произнес Мáксим не моргнув глазом. – В наше время только приятно встретить юношей, умеющих соображать – и за себя, и за своих друзей. – Он кивнул в сторону Пертинакса. – Твой отец сам передал мне эти письма, Парнезий, так что с моей стороны тебе ничего не грозит».

«И ни с какой стороны», – добавил Пертинакс, обтирая об рукав острие копья.

«Я был вынужден уменьшить гарнизоны в Британии, чтобы усилить свои войска в Галлии. А теперь я приехал, чтобы снять часть отрядов с самого Вала».

«Много же радости тебе будет от нас, – сказал Пертинакс. – Здесь собраны последние отбросы Империи, люди без будущего. Я бы скорее доверился осужденным преступникам».

«Ты так думаешь? – серьезно спросил Мáксим. – Но ведь это лишь до тех пор, пока я не завоюю Галлию. Чем-то всегда приходится рисковать – жизнью, душой, покоем или еще чем-нибудь».

Алло обошел костер с тарелкой дымящегося оленьего мяса. Первым он подал еду нам с Пертинаксом.

«Ага! – молвил император, дожидаясь своей очереди. – Я вижу, вы тут как у себя дома. Говорят, что у тебя немало приверженцев среди пиктов, Парнезий».

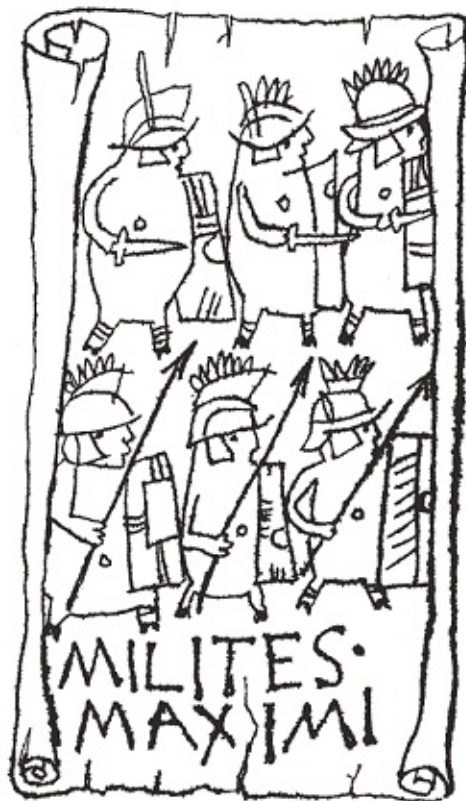
«Я охотился с ними. Может быть, несколько друзей в этой стране у меня найдется».

«Он – единственный среди римлян, кто нас понимает», – сказал Алло и принялся длинно восхвалять мои добродетели, не забыв упомянуть и о том, как я спас его внучат от волка в прошлом году.

– Спас от волка? – ахнула Уна.

– Было дело... В общем, этот раскрашенный старичок был красноречив, как Цицерон. Он расписал нас так, что дальше некуда! Мáксим слушал, не сводя глаз с наших лиц.

«Достаточно, – произнес он наконец. – Я выслушал то, что говорил о вас Алло. Теперь я хочу послушать, что вы можете сказать о пиктах».

Я рассказал, что знал, и Пертинакс помогал мне. С пиктом можно жить без опаски, если только постараться понять, чего он хочет. Нас они ненавидели в основном из-за вересковых поджогов. Дважды в год весь гарнизон Вала выбирался из-за укреплений и торжественно сжигал весь вереск на десять миль к северу. Рутилиан, наш военачальник, называл это очисткой местности. Пикты, конечно, улепетывали подальше, и дело сводилось к тому, что мы уничтожали их пчелиные угодья и овечьи

пастбища.

«Верно, очень верно, – подтвердил Алло. – Как же нам приготовить священное вересковое пиво, если вы сжигаете наши медоносные луга?»

Мы беседовали долго, и Мáксим задавал меткие вопросы, показывавшие, что он много думал о пиктах. Напоследок он мне сказал:

«А что, если бы я отдал под твое управление всю старую провинцию Валенсию? Сумел бы ты удержать пиктов в повиновении, пока я буду воевать в Галлии? Не смотри на Алло, отвечай, что сам думаешь».

«Нет, – ответил я. – Пиктов не переделаешь. Они слишком долго были свободными».

«Оставь им советы старейшин и право снаряжать своих воинов, – предложил он. – Ослабь немного узду».

«Не поможет, – повторил я. – По крайней мере, пока. Слишком многое они претерпели от нас, чтобы доверять хоть чему-нибудь, исходящему от Рима».

«Молодец парень», – негромко пробурчал Алло за моей спиной.

«Как же ты предлагаешь, – спросил Мáксим, – удерживать север в мире, пока я буду завоевывать галлов?»

«Оставить в покое пиктов. Немедленно прекратить поджоги вереска и время от времени – ибо они бедны и не запасливы – посылать им корабль-другой с зерном».

«И пусть они сами распределяют его, а не какие-нибудь мошенники греки», – добавил Пертинакс.

«Вот именно. И разрешить им приходиться лечиться в наши больницы».

«Да они скорее умрут!» – возразил Мáксим.

«Нет, они придут, если их пригласит сам Парнезий, – сказал Алло. – Я могу показать вам человек двадцать в округе, искалеченных зубами волка или когтями медведя. Но Парнезий должен оставаться с ними в больнице во время лечения, иначе они сойдут с ума от страха».

«То-то и оно, – сказал Мáксим. – Как и в любом другом деле, все зависит от того, кто за это возьмется. Ты бы мог взяться за это, я уверен».

«Если вместе с Пертинаксом...» – начал было я.

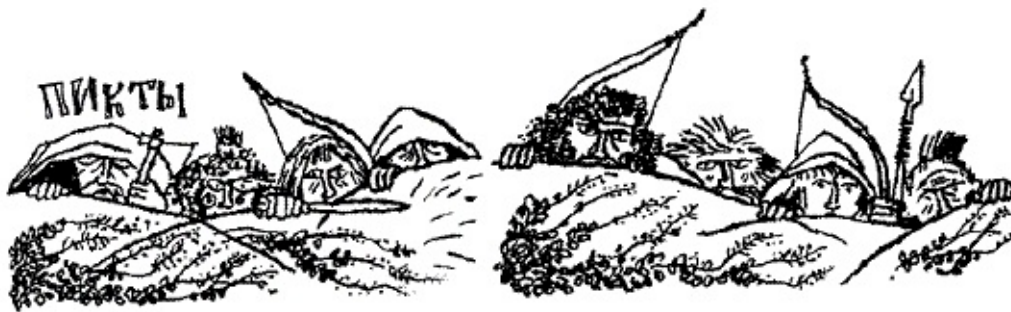
«Как угодно. Была бы только польза. Теперь, Алло, ты знаешь, что я не замышляю зла против твоего народа. Оставь нас поговорить наедине».

«Нет! – отвечал Алло. – Я зерно между двумя мельничными жерновами. Я должен знать, что собирается делать нижний жернов. Эти юноши рассказали тебе все, что знали. Я, вождь, расскажу тебе остальное. Меня тревожит мысль о норманнах».

Он присел на корточки, как заяц в кустах, и оглянулся через плечо.

«Меня тоже, – сказал Мáксим. – Иначе бы меня здесь не было».

«Слушай, – продолжал Алло. – Много, много лет назад Крылатые Шапки приплыли к нашим берегам и сказали: „Рим готов рухнуть! Подтолкните его!“ Мы начали войну. Вы прислали солдат. Мы были разбиты. И тогда мы сказали Крылатым Шапкам: „Вы лжецы! Воскресите наших воинов, убитых Римом, и мы вам поверим“. Они уплыли пристыженные. И вот они вернулись опять и рассказывают старую байку, которой мы начинаем верить: что Рим вот-вот рухнет».

«Дай мне три спокойных года на этой границе, – воскликнул Мáксим, – и я покажу тебе и этому наглому воронью, что они лгут!»

«Я хочу того же. Я хочу спасти ту горстку зерна, что еще осталась между жерновами. Но вы стреляете в пиктов, приходящих раздобыть немного железа из Железного Рва; вы поджигаете наш вереск, в котором все наше богатство; вы швыряете камни из огромных катапульта и опалаете нас греческим огнем со стен. Как я могу принудить наших юношей не

слушать того, что говорят Крылатые Шапки, – особенно зимой, когда у нас голод? Мои юноши скажут: „Рим уже не может ни сражаться, ни править. Он выводит своих солдат из Британии. Крылатые Шапки помогут нам разрушить Вал. Мы покажем им секретные тропки в обход топей“. Хочу ли я этого? Нет! – Он сплюнул по-змеиному, не разжимая губ. – Я не раскрою секретов своего народа, если даже меня сожгут живьем. Эти мои сынки сказали правду. Оставьте нас, пиктов, в покое. Умиротворяйте, заботьтесь, кормите нас, но издалека. Со спрятанной за спину рукой. Парнезий понимает нас. Пусть он командует на границе, и я удержу своих юношей от войны, – он стал загигать пальцы, – один год легко... на второй год не так легко... на третий год может быть! Гляди, я даю тебе три года. А там, если ты не сумеешь доказать, что воины Рима сильны и оружие его непобедимо, Крылатые Шапки нагрянут с обоих побережий и сойдутся посередине Вала, сметя всех его защитников до единого. Я не буду много скорбеть о том. Но я знаю, что когда племя помогает племени, цена этому всегда одинакова. Пикты будут стерты с лица земли, смолоты этими новыми избавителями вот так!» – Он швырнул в воздух горстку пыли.

«О богиня Рома! – вполголоса произнес Мáксим. – Все зависит от одного человека, от того, кто рискнет. Так было всегда и так будет».

«Рискнет своей жизнью, – добавил Алло. – Ты – император, но ты не бог. А люди смертны».

«Я задумывался об этом, – ответил он просто. – А теперь вот что. Если ветер не переменится, к утру я буду у восточного конца Вала. Завтра мы увидимся, и я назначу вас двоих комендантами границы. Полагаюсь на вас».

«Одну минуту, цезарь, – сказал Пертинакс. – У каждого человека есть своя цена. Ты еще не назвал мне цену».

«Не рано ли ты начинаешь торговаться? Ну ладно, чего ты просишь, говори?»

«Справедливости. Из-за обид, причиненных мне моим дядей Иценом, дуумвиром города Дивиона в Галлии».

«Всего одну жизнь? Ты ее получишь. Я думал, ты потребуешь денег или должность. Напиши его имя на этой табличке – на красной стороне, ибо другая сторона – для живых». – И Мáксим протянул ему таблички.

«Мне не нужна его смерть, – сказал Пертинакс. – Моя мать вдова. А единственный ее сын далеко. Я не уверен, что он честно платит ей вдовью долю».

«Хорошо. Моя рука достаточно длинна, чтобы дотянуться до твоего дяди. Мы проверим его счетные книги, не беспокойся. До свидания, до

завтра, коменданты!»

Мы смотрели, как он шел от нас к ожидавшей его галере сквозь заросли вереска, постепенно уменьшаясь и удаляясь. Множество пиктов таились в засаде между камнями, но он не глядел по сторонам. Вскоре его галера подняла парус и, подгоняемая вечерним бризом, вышла в открытое море. Мы стояли молча. Мы понимали, что земля не часто родит подобных людей.

Алло поймал наших лошадок и придержал их под уздцы, пока мы садились в седло, чего он раньше никогда не делал.

«Погодите», – молвил вдруг Пертинакс и, спрыгнув наземь, соорудил маленький алтарь из дерна. Он осыпал его цветами вереска и возложил на него письма от девушки из Галлии.

«Что ты делаешь?» – изумился я.

«Приношу жертву своей ушедшей юности», – ответил он, поджигая письмо, и когда оно догорело, загасил каблуком огонь. И мы поехали назад к Адрианову Валу, комендантами которого нам предстояло стать.

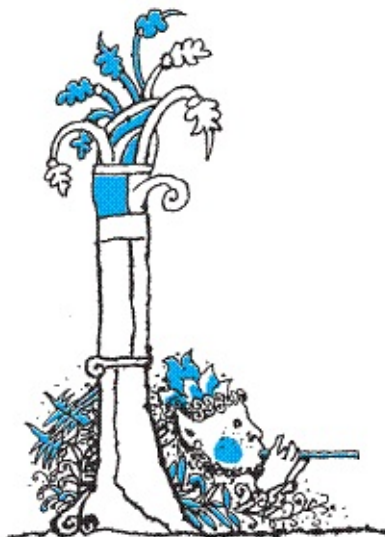
Парнезий замолчал. Ребята сидели тихо, не решаясь даже спросить, окончен ли рассказ. Пак сделал им знак рукой и поманил за собой из леса.

– Очень жаль, – прошептал он, – но вам пора уходить.

– Это не мы его огорчили? – спросила Уна. – Он не смотрит на нас, он так глубоко задумался...

– О нет, мои милые! Подождем до завтра. Это не долго. И не забудьте, что все это время вы играли в «Легенды Древнего Рима».

И впрямь, едва они пролезли сквозь свою лазейку в изгороди, где росли Дуб, Ясень и Терн, как позабыли все, что рассказывал им Парнезий. Им только помнилось, что они играли в древних римлян.

Гимн Митре

Митра, – запели трубы, —
яви свой рассветный лик!
Рим – владыка народов,
ты – владыка владык».
Кончилась перекличка,
и караул застыл...
Митра, солнечный воин,
дай нам для службы сил!

Митра, владыка полдня,
шлем обжигает лоб,
Вереск дрожит от зноя
вдоль раскаленных троп,
Дрема смыкает веки,
сандалии жгут ступни...
Митра, солнечный воин,
руку нам протяни!

Митра, владыка заката,
золотом в небе горя,
Ты уплываешь на запад,
за большие моря.
Вот и посты сменились,
фляги полны опять —
Митра, солнечный воин,
дай нам сил устоять!

Митра, владыка ночи,
Митра, убийца быка!
Все пути твои – к свету.
Ночь, как жизнь, коротка.
О, прими нашу жертву,
не оставляй нас впредь:
Дай, о бессмертный воин,
с честью нам умереть!

Крылатые шапки

Следующий день у ребят получился «беспризорным». Отец с матерью после обеда ушли в гости, мисс Блейк отправилась на велосипедную прогулку, и до восьми часов дети остались предоставлены самим себе. Вежливо проводив до крыльца своих дорогих родителей и драгоценную воспитательницу, они побежали к садовнику, который дал им большую **Ж**горсть малины в капустном листе, а потом к Элен – забрать с собой полдник. Малину съели сразу, чтобы не раздавилась, а капустным листом они решили поделиться с тремя коровами на Театральном Лугу, но по дороге нашли мертвого ежика, которого срочно нужно было похоронить, и листом пришлось пожертвовать.

Потом они отправились к кузнице и застали там старого Хобдена-лесника с сыном по прозвищу Пчелка, который был немножко «не в себе», но зато мог держать целый рой пчел на голой ладони; и Пчелка рассказал им стишок про ящерку-слепозмейку:

Эх, если б мне глаза добыть,
Меня попробуй кто обидь!

Они пополдничали вместе возле ульев, и Хобден очень похвалил принесенный пирог («Почти как у моей женки!»), а потом показал, как ставить силки для зайцев и в чем их отличие от кроличьих силков.

По Длинному Оврагу они забрались в самую низинную часть Дальнего Леса. По сравнению с Волатеррами это было довольно мрачное место: старая мергельная яма, заполненная черной водой, в окружении сгнивших ветел – обломанных, обвешанных клоками мха. Но птицы летали среди мертвых веток и, как говорил Хобден, эта горькая, настоящая на иве вода была целебной для животных.

Они сидели на срубленном стволе дуба в тени молодой буковой поросли и делали петли из проволоки, которую дал им Хобден, когда вдруг увидели Парнезия.

– Как тихо вы подошли! – сказала Уна, подвигаясь, чтобы освободить ему место. – А где Пак?

– Мы с Фавном как раз обсуждали, стоит ли мне продолжать свой рассказ...

– Да я просто сомневался, поймете ли вы, – уточнил Пак, как белка выскакивая из-за бревна.

– Я, конечно, не все понимаю, – заметила Уна, – но мне нравится слушать про коротышек-пиктов.

– Чего я и впрямь не могу понять, – сказал Дан, – так это откуда Мáксим, будучи в Галлии, так хорошо знал, что делается у пиктов?

– Кто метит в императоры, должен знать обо всем. Мы слышали это из его собственных уст в последний день Игр.

– Игр? Каких игр? – удивилась Уна.

Парнезий выбросил вперед кулак с оттопыренным большим пальцем, повернутым вниз, к земле.

– Гладиаторских – вот каких! Были устроены двухдневные Игры в его честь, когда он неожиданно высадился в Сегедунуме, на восточной оконечности Адрианова Вала. Это было через день после нашей встречи с ним; и как бы ни рисковали несчастные гладиаторы на арене, больше всех рисковал сам Мáксим. Когда-то в старину легионеры трепетали перед своим императором. Как же все изменилось! Если бы только вы слышали рев, катившийся вдоль Вала, когда носилки Мáксима плыли среди неистовствующих толп! Солдаты орали, гримасничали, махали руками, требуя прибавки жалованья, смены гарнизона, вообще всего, что только могло им взбрести на ум. Императорское кресло казалось лодочкой среди

бушующих волн, то взлетающей вверх, то падающей вниз – и вновь появляющейся, едва вы раскрывали зажмуренные от страха глаза.

– Они злились на него? – спросил Дан.

– Не больше, чем волки в клетке злятся на расхаживающего среди них укротителя. Стоило ему на миг повернуться спиной или чуть смутиться под их яростными взглядами – и готово, у нас был бы другой император. Что, разве не так, Фавн?

– Так было, и так будет всегда, – подтвердил Пак.

– Поздно вечером за нами пришел вестовой, и мы с Пертинаксом отправились в Храм Победы, где Мáксим расположился вместе с Рутилианом, командующим обороной Вала. Я редко видел генерала, но он всегда разрешал мне отпуск, когда я отправлялся «болотничать». Он с детства свято верил оракулам и, кроме того, был ужасным обжорой: пять искусных поваров из Азии готовило на него. Когда мы вошли, еще пахло ужином, но столы уже были пусты. Генерал лежал похрапывая на ложе, а Максим сидел поодаль перед грудой длинных свитков войскового учета.

«Вот они, твои люди», – сказал Мáксим генералу, когда двери за нами закрылись.

«Да, цезарь, я понял», – пробормотал Рутилиан, подпирая края век своими скрюченными пальцами и пялясь на нас, как большая рыба.

«Отлично, – похвалил его Мáксим. – А теперь слушай. Без разрешения этих парней ты не сдвинешь с места ни одного отряда, ни одного солдата. Вообще ничего не должно делаться без их команды. Они твои голова и руки. А ты только брюхо!»

«Как будет угодно цезарю, – ворчливо отвечал старик. – Если мое жалованье и доходы не пострадают, можешь поставить надо мной хоть глиняного божка. Слава Риму!» – И он снова захрапел, повернувшись на бок.

«С этим ясно, – заметил Мáксим. – Перейдем к спискам».

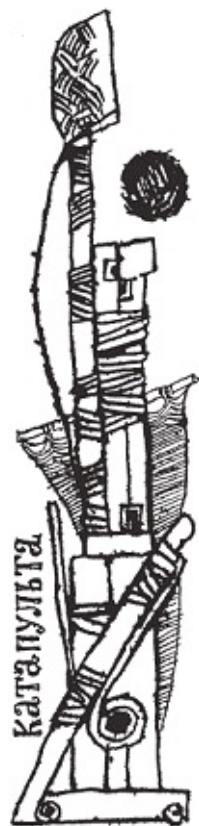
Он развернул гарнизонные списки, в которых учитывалось все: люди, оружие и припасы – вплоть до числа больных, лежащих в госпитале. Еле сдерживая стон, я следил, как его перо вычеркивает отряд за отрядом наших отборных – по крайней мере, наименее никчемных – солдат. Он забрал себе два отряда скифов, два из трех – наших британских вспомогательных войск, обе нумидийские когорты, всех даков и половину бельгийцев. Так орел в несколько минут оголяет падаль до скелета.

«А теперь – сколько у вас катапульта?» – Он развернул следующий свиток, но Пертинакс решительно прикрыл пергамент ладонью.

«Довольно, цезарь, – сказал он. – Не стоит искушать богов. Забирай или людей, или орудия, но не то и другое, иначе я откажусь».

– Орудия? – переспросила Уна.

– Ну да, оборонительные катапульты – огромные сооружения высотой в сорок футов, метавшие заряд из булыжников или железных ядер. Ничто не могло устоять перед ними. В конце концов он оставил нам катапульты, но зато безжалостно забрал львиную долю войск. Нам осталась одна шелуха, когда он свернул листы.

«Ура, цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя! – воскликнул Пертинакс, рассмеявшись. – Теперь врагу не нужно даже штурмовать Стену – достаточно облокотиться, и она рухнет сама».

«Дайте мне три года, о которых говорил Алло, – отвечал Мáксим, – и у вас здесь будет двадцать тысяч самого отборного войска. А покамест идет игра – игра с богами, – и ставкой служат Британия, Галлия и, может быть, Рим. Согласны играть на моей стороне?»

«Согласны, цезарь!» – воскликнул я, ибо никогда не встречал подобного ему человека.

«Договорились. Завтра я объявлю вас комендантами Вала перед всем войском».

Мы вышли; земля, еще не убранная после Игр, и укрепления были залиты лунным светом. Великая богиня Рома в шлеме, поблескивающем изморозью, возвышалась на стене, ее копьё острием указывало на Полярную звезду. Мы видели цепочку ночных костров вдоль сторожевых башен и линию катапульта, уходящих вдаль и уменьшавшихся с расстоянием. Все это было слишком знакомо и успело наскучить, но в эту ночь оно предстало нам в новом, необычном свете, ибо отныне мы отвечали за все.

Солдаты восприняли новости спокойно; но когда Мáксим покинул Вал, уведя с собой половину войск и нам пришлось перераспределять людей, чтобы занять опустевшие башни, когда горожане стали жаловаться на упадок торговли, когда задули стылые осенние ветра, – для нас с Пертинаксом наступили мрачные дни. Что бы я только делал без Пертинакса! Рожденный и выросший в Галлии, в центре оживленной провинции, он умел найти общий язык с каждым, начиная с центуриона-римлянина и кончая последним полудикарем– ливийцем. И с каждым он разговаривал, как с равным себе по благородству. Воистину каждое дело исполняется людьми, ошибкой было бы забыть это.

Я не опасался пиктов, по крайней мере в этом году; но Алло предупредил меня, что Крылатые Шапки не замедлят появиться вскоре у морских оконечностей Вала, чтобы показать пиктам нашу слабость. С лихорадочной поспешностью я готовился отразить эту опасность. Я перебросил на фланги свои лучшие отряды и установил замаскированные катапульты у побережья. Крылатые Шапки обычно появлялись перед штормом – по десять-двадцать ладей сразу, у Сегедунума или у Итуны, смотря по направлению ветра.

Подходя к берегу, корабль обычно убирает парус. Тут нужно дождаться момента, когда команда столпится у мачты, и точно выстрелить из катапульты связкой булыжников, чтобы она угодила прямо в мешок паруса (железные ядра не подходят, они прорывают полотно). Корабль переворачивается, и воины идут ко дну. Кое-кто из них может выплыть на берег, но это бывает редко. Работенка, как вы понимаете, простая. Самое тяжелое – это дожидаться их на берегу под порывами шквала, несущего песок и снег. Так мы управлялись с Крылатыми Шапками всю зиму.

Ранней весной, когда восточный ветер, как бритва, резал лицо, они вновь приплыли в Сегедунум на многочисленных кораблях. Алло сказал, что они не успокоятся, пока не возьмут штурмом хотя бы одну башню. Но уж как-то слишком в открытую они лезли. Целый день мы занимались ими вплотную, и вот, когда все было кончено, я увидел в море воина, спасшегося с одного из кораблей. Он барахтался, стараясь добраться до берега, пока сильная волна не подхватила его и не вышвырнула на песок.

Наклонившись над обессиленным пловцом, я заметил у него на шее медаль – точно такую же, как моя. – Парнезий поднял руку к груди. – Когда он отдышался, я задал ему некий Вопрос и услышал в ответ особое Слово, подтверждавшее его принадлежность к степени Грифонов в учении бога Митры. Я прикрыл его своим щитом и подождал, когда он сможет встать на ноги. Как видите, я далеко не карлик, однако мой пленник был на целую голову выше. «Что будет со мной дальше?» – спросил он. «Как захочешь, брат, – отвечал я. – Ты волен уйти или остаться».

Он бросил взгляд на море. Там еще оставалась одна ладья. Она дрейфовала далеко, вне досягаемости наших катапульти. Я сделал знак не стрелять, и тогда он помахал той ладье. Она тотчас поплыла к берегу, как собака на призыв хозяина. Когда до суши оставалось ярдов сто, он бросился в воду и поплыл навстречу. Его втащили на борт, и корабль уплыл. Я знал, что последователей Митры много среди разных народов, и особенно не задумывался об этом случае.

Месяц спустя у храма Пана я встретил Алло с его лошадьми, и тот передал мне большое золотое ожерелье, увешанное кораллами. Сперва я подумал, что это подношение от городских торговцев для Рутулиана. «Нет, – сказал Алло. – Это подарок Амаля, того самого воина, которого ты спас на берегу после атаки Крылатых Шапок. Он сказал, что ты – настоящий воин».

«Он тоже славный воин. Передай ему, что я буду носить его подарок».

«Амаль всего лишь глупый юнец, все дело в вашем императоре, который вершит в Галлии столь славные дела, что Крылатые Шапки не прочь сделаться его друзьями, точнее, друзьями его командиров. Они надеются, что ты и Пертинакс смогут привести их к победам». – Алло хитро прищурился и стал похож на одноглазого ворона.

«Алло, – напомнил я, – ты ведь только зерно между двумя жерновами. Будь доволен, что они мелют ровно, и не суй свою руку между ними».

«Это точно, – отвечал Алло, – и римляне, и их враги мне одинаково ненавистны; но если Крылатые Шапки решат, что ты и Пертинакс можете помочь им в борьбе против Мákсима, они на некоторое время оставят вас в покое. Главное – для тебя, для меня и для Мákсима – выгадать время. Давай я отнесу им от тебя какое-нибудь приятное известие – что-нибудь, над чем можно призадуматься. Мы, варвары, все одинаковы. Любим поломать голову над словами римлянина. Идет?»

«Бойцов у нас недостает. Будем сражаться словами, – сказал Пертинакс. – Предоставь это Алло и мне».

Итак, Алло передал Крылатым Шапкам, что мы не будем сражаться с

ними, если они не будут сражаться с нами, и они (видимо, устав от предыдущих потерь) согласились на перемирие. Думаю, что Алло, который, как и всякий лошадиник, любил приврать, намекнул им также, что в подходящий момент мы сами готовы восстать против Мákсима, как Мákсим восстал против Рима.

Как бы то ни было, никто в тот год не помешал судам с хлебом, посланным в Валенсию, пройти Северное Море, и пиктам не пришлось голодать в эту зиму, чему я был несказанно рад. Во всем гарнизоне оставалось лишь две тысячи человек. Я много раз писал Мákсиму и просил – умолял его – прислать обратно хотя бы одну когорту из старых британских войск. Но Мákсим не мог поделиться ни единым солдатом: они ему были нужны для будущих, еще более славных побед.

Наконец пришла весть, что он разбил и убил в бою императора Грациана; тогда, полагая, что случай подходящий, я вновь попросил его о подкреплении. В ответном письме было сказано: *« Как вам известно, я расчелся в конце концов с этим щенком Грацианом. Ему совсем не обязательно было умирать, но он струсил и потерял голову, что никогда не подобает императору. Передай своему отцу, двух мулов я уже запряг, и если только сынок моего старого генерала не вздумает меня уничтожить, я удовольствуюсь тем, что останусь императором Галлии и Британии; и тогда-то, дети мои, вы сразу получите столько подкреплений, сколько вам будет угодно. А пока у меня нет ни одного лишнего солдата».*

– Кого это он назвал сынком своего старого генерала? – спросил Дан.

– Он имел в виду римского императора Феодосия, сына полководца Феодосия, под началом которого Мákсим воевал во время Старопиктской войны. Они никогда не ладили друг с другом, и после того, как Грациан назначил Феодосия Младшего императором на Востоке, Мákсим перенес вражду на сына своего прежнего начальника. Такова была судьба, которая привела его к гибели. Но император Феодосий – хороший человек. Насколько я знаю.

Парнезий помолчал немного, прежде чем продолжить рассказ.

– Я вновь написал Мákсиму, что, хотя на границе пока затишье, я был бы спокойнее, получив немного свежих войск и несколько новых катапульт. Он ответил мне: *« Потерпи еще немного, укрывшись в тени моих побед. Я должен посмотреть, что затевает Феодосий. Может быть, он собирается приветствовать меня, как своего брата императора, а может быть, он собирает армию. В данный момент я не могу прислать ни солдата».*

– Опять то же самое! – воскликнула Уна.

– Верно; ответы были не слишком разнообразны. Тем не менее, как он и предполагал, благодаря известиям о его победах, нас на границе очень, очень долго не беспокоили. Пикты разжирели не хуже собственных овец, пасшихся среди вереска, и мои солдаты, хоть их и осталось немного, имели довольно времени наупражняться во владении своим оружием. Да, со стороны Вал казался крепким. Но я-то знал, как слабы мы были. Стоило лишь слухам о любом поражении Мákсима распространиться среди Крылатых Шапок – и они бы насели на нас всерьез. И тогда Валу не устоять! Пиктов я не боялся; но Крылатые Шапки с каждым днем умножали свои силы, а мне неоткуда было взять подкрепления. Мákсим опустошил Британию, и я чувствовал себя человеком, подпирающим гнилой жердочкой плетень, чтобы заградиться от стада быков.

Вот так, мои друзья, мы и жили, без конца ожидая помощи от Мákсима – помощи, которой он так и не прислал.

Вскоре он сообщил, что собирает армию против Феодосия. Я читал его письмо вместе с Пертинаксом, заглядывавшим мне через плечо: «Скажи своему отцу, что судьба велит мне запрячь трех мулов или быть разорванным ими. Надеюсь, мне удастся в этом году разделаться с Феодосием, сыном Феодосия, раз и навсегда. Тогда я назначу тебя править Британией, а Пертинакса, если он захочет, Галлией. Жаль, что сейчас вас нет со мною: вы бы помогли мне привести вспомогательный корпус в надлежащий вид. Слухам о моей болезни не верьте. Есть кое-какие неполадки в старом теле, но все пройдет, как только я въеду верхом в Рим».

«Безнадежное дело, – молвил Пертинакс, дочитав. – Это письмо обреченного. Я и сам конченный человек, я такие вещи чувствую. Что это за приписка в самом низу? „ Скажи Пертинаксу, что я познакомился с его дядей, дуумвиром Дивиона, и что он отчитался передо мной в наследстве его матушки. Я отправил ее с подобающей охраной в Никею, где климат теплее“».

«Вот и еще доказательство, – сказал Пертинакс. – От Никеи недалеко морем до Рима. В случае опасности можно отправиться туда. Да, Мákсим предвидит свою смерть и напоследок стремится исполнить свои обещания. Но я рад, что он переговорил с моим дядюшкой».

«Что за мрачные мысли у тебя сегодня!» – заметил я с упреком.

«Мысли правильные. Богам надоела эта игра в кошки-мышки. Феодосий разобьет Мákсима. Он обречен!»

«Ты ему это хочешь написать?»

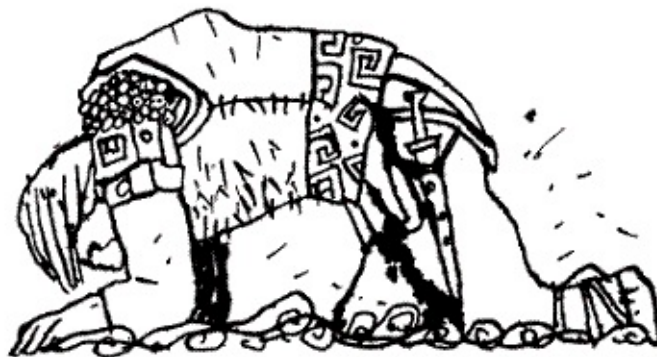
«Гляди, что я напишу». Он взял перо и на моих глазах набросал письмо Мákсиму – безмятежное, как летний день, приветливое и игривое,

как любовная записка. Даже я, читая его, почувствовал облегчение, пока не увидел лицо Пертинакса!

«А теперь, – сказал он, запечатывая письмо, – считай, что мы с тобой мертвецы, брат. Ну да ладно. Пойдем помолимся».

И мы вошли в храм Митры и принесли обычные молитвы. И потянулись дни, полные, как всегда, тревожных слухов, – день за днем, пока вновь не наступила зима.

Однажды утром, проезжая верхом по восточному побережью, мы нашли на песке полузамерзшего русоволосого юношу, привязанного веревками к каким-то обломкам досок. Мы перевернули его на спину и по поясной пряжке определили, что это готский воин из Восточного легиона. Вдруг он раскрыл глаза и с трудом прохрипел: «Он убит! Со мной были письма, но Крылатые Шапки потопили корабль». Сказал – и испустил дух у нас на руках.

Нам не надо было спрашивать, кто убит. Ошеломленные догадкой, мы вскочили на коней и во весь опор, навстречу летящим в лицо хлопьям снега поскакали в Гунно, надеясь застать там Алло. Он ждал нас во дворе конюшни и по нашим лицам сразу понял, что мы уже знаем.

«Он был обезглавлен по приказу Феодосия, – хрипло проговорил Алло. – Это произошло в шатре возле моря. Перед смертью он написал вам письмо, но Крылатые Шапки перехватили и потопили корабль. Эта весть уже мчится по равнине со скоростью степного пожара. Ругайте меня, как хотите, но я уже не смогу удержать своих юношей на месте».

«Я бы сказал то же самое про своих вояк, – усмехнулся Пертинакс, – да, слава богу, им некуда бежать».

«Что вы хотите делать? – спросил Алло. – Я принес вам приказ... приглашение от Крылатых Шапок присоединиться к ним, чтобы двинуться вместе на юг Британии: путь открыт и добычи хватит на всех».

«Как это ни печально, – заметил Пертинакс, – но мы для того и поставлены здесь, чтобы заградить этот путь».

«Если я вернусь с таким ответом, они просто прикончат меня, – пробормотал Алло. – Я всегда обещал им, что вы поднимете мятеж, если Мáксим будет разбит. Я не верил, что он будет разбит!»

«Увы, мой бедный варвар! – с прежней насмешливостью отвечал Пертинакс. – Ты слишком много продал нам добрых лошадей, чтобы отправить тебя сейчас в руки твоим буйным приятелям. Возьмем-ка мы тебя в плен, хотя ты и посол».

«Пожалуй, это будет лучше всего», – согласился Алло, протягивая нам недоуздок. Мы связали его, но не туго, чтобы не мучить старика.

Он ждал нас во дворе конюшни и по нашим лицам сразу понял, что мы уже знаем.

«Он был обезглавлен по приказу Феодосия, – хрипло проговорил Алло. – Это произошло в шатре возле моря. Перед смертью он написал вам письмо, но Крылатые Шапки перехватили и потопили корабль. Эта весть уже мчится по равнине со скоростью степного пожара. Ругайте меня, как хотите, но я уже не смогу удержать своих юношей на месте».

«Я бы сказал то же самое про своих вояк, – усмехнулся Пертинакс, – да, слава богу, им некуда бежать».

«Что вы хотите делать? – спросил Алло. – Я принес вам приказ... приглашение от Крылатых Шапок присоединиться к ним, чтобы двинуться вместе на юг Британии: путь открыт и добычи хватит на всех».

«Как это ни печально, – заметил Пертинакс, – но мы для того и поставлены здесь, чтобы заградить этот путь».

«Если я вернусь с таким ответом, они просто прикончат меня, – пробормотал Алло. – Я всегда обещал им, что вы поднимете мятеж, если Мáксим будет разбит. Я не верил, что он будет разбит!»

«Увы, мой бедный варвар! – с прежней насмешливостью отвечал Пертинакс. – Ты слишком много продал нам добрых лошадей, чтобы отправить тебя сейчас в руки твоим буйным приятелям. Возьмем-ка мы тебя в плен, хотя ты и посол».

«Пожалуй, это будет лучше всего», – согласился Алло, протягивая нам недоуздок. Мы связали его, но не туго, чтобы не мучить старика.

«Крылатые Шапки хватятся его и будут искать. Это поможет нам выиграть время, – сказал Пертинакс. – Хотя на этот раз и выигрыш нам ни к чему».

«Ты не прав, – возразил я. – Время может помочь. Если Максим написал письмо, находясь в плену, значит, Феодосий послал корабль, чтобы

доставить его. А если он может отправить корабль, то он может послать и солдат».

«И что нам за польза? – спросил Пертинакс. – Мы служим Мákсиму, а не Феодосию. Если бы даже каким-то чудом Феодосий успел спасти положение, на что мы можем рассчитывать? Лишь на такую же смерть, как и Мákсим».

«Наше дело защищать Вал, – настаивал я. – Какой бы ни был император, милует он или казнит».

«Ответ, достойный твоего брата-философа, – съязвил Пертинакс. – Прости, но эти велеречивые глупости не для меня. Надо готовиться к обороне».

Мы привели в боевую готовность гарнизон Вала, офицерам было сказано, что появились слухи о смерти Мákсима, которые могут вызвать атаку Крылатых Шапок, но если даже эти слухи верны, Феодосий не оставит Британию без защиты и пришлет подкрепление. Значит, надо стоять твердо... Интересно наблюдать, друзья мои, как по-разному принимают дурные вести разные люди. Часто тот, кто был до этих пор сильнейшим, превращается в слабейшего, а слабейший, наоборот, подтягивается и получает силу от богов. Так было и на этот раз. Хорошо еще, что Пертинакс шутками, лаской и бодрой заботой успел за эти годы поднять дух нашего жалкого войска – больше, чем я мог себе представить. Даже наша Третья, Ливийская когорта в своих подбитых войлоком кирасах приосанилась и забыла скулить.

Через три дня прибыло семь вождей и старейшин от Крылатых Шапок. Между ними был и тот высокий юноша, Амаль, он улыбнулся, увидев у меня на шее ожерелье – свой подарок. Мы приняли их с почетом, как послов, и показали им Алло – связанного, но живого. Впрочем, мне показалось, что они не очень огорчились бы его смерти. Алло тоже понял это и был оскорблен. Не откладывая, мы приступили к переговорам.

Они начали с того, что Рим гибнет и мы должны объединиться с ними. Они предложили мне всю Южную Британию во владение – после того, как они соберут с нее дань.

«Погодите, – сказал я. – К чему такая спешка? Сперва дайте мне доказательства, что генерал убит».

ПОСЛЫ

«Нет, – ответил один из старейшин, – это вы докажете нам, что он жив». А другой ехидно добавил: «Что вы дадите, если мы прочитаем вам его последние слова?»»

«Мы не купцы, чтобы торговаться! – вспыхнул Амаль. – Тем более что я обязан этому человеку жизнью. Он получит доказательство!» – И он бросил мне через стол письмо Мákсима – я сразу узнал его печать.

«Это письмо с затонувшего корабля. Я не могу его прочесть, но я вижу по крайней мере один знак, который меня убеждает». Амаль указал на темное пятно с наружной стороны свитка, и внезапно упавшее сердце подсказало мне, что это была доблестная кровь моего полководца.

«Читайте! – потребовал Амаль. – Читайте, а потом скажите нам, на чьей вы стороне».

Пертинакс взял письмо и быстро пробежал его глазами. Потом негромко сказал: «Хорошо. Я прочту его вслух. Слушайте, варвары!» И он прочел письмо, которое я храню у сердца с тех самых пор.

Парнезий вытащил из-за пазухи сложенный, испещренный пятнами

кусок пергамента и глухим голосом стал читать:

– «Парнезию и Пертинаксу, достойным Комендантам Вала, от Мákсима, некогда императора Британии и Галлии, а ныне пленника, ждущего смерти у моря, в лагере Феодосия, – здравствуйте и прощайте!»

«Довольно! – прервал Амаль. – Вот и доказательство. Теперь вы должны к нам присоединиться!»

Пертинакс смолчал, глядя на него в упор – таким долгим и пристальным взором, что тот не выдержал и покраснел, как девушка. И Пертинакс продолжил чтение:

– *«Я сделал много зла в своей жизни тем, кто желал мне зла, и никогда не жалел об этом; но если я сделал какое-либо зло вам, то я раскаиваюсь и прошу у вас прощения. Три мула, которых я хотел запрячь в свою повозку, разорвали меня в клочья, как и предсказывал твой отец. Обнаженные мечи ждут у дверей, чтобы обойтись со мной так, как я обошелся с Грацианом. И потому я, ваш командующий и ваш император, посылаю вам полное и почетное освобождение от службы, которую вы приняли на себя не из-за денег или долга, а, как мне хотелось бы верить, из любви ко мне!»*

Письма Максима

«Вот это человек, клянусь Светом Солнца! – вскричал Амаль. – Превратно же мы думали о его слугах!» А Пертинакс продолжал:

– «Вы дали мне время, о котором я просил. Не грустите, что я не сумел воспользоваться им. Мы играли в кости с богами, но боги, как всегда, смошенничали, и пришла пора платить. Запомни: я уйду, но Рим остается. Передай Пертинаксу, что его мать в безопасности в Никее, а его наследство находится под опекой префекта Антиполиса. Пошли от меня добрый привет своему отцу и матушке, дружбу которых я всегда ценил. А моим малышам-пиктам и Крылатым Шапкам передай такие приветы, чтобы они покрепче втемяшились в их тупые головы. Если бы все вышло по-моему, я бы сегодня же послал вам три легиона. Не забывайте меня. Прощайте! Прощайте!»

– Вот каково было последнее письмо моего императора. – Ребята слышали, как прошелестел пергамент, вновь исчезая на груди у Парнезия.

«Я ошибался, – сказал Амаль. – Слуги такого человека не станут торговать своими мечами. Я рад этому».

И он протянул мне руку.

«Но Мáксим освободил вас от слова, – продолжал настаивать усатый старейшина. – Вы вольны служить кому угодно – и править чем угодно. Не хотите идти за нами – идите вместе с нами!»

«Благодарим, – сказал Пертинакс. – Но Мáксим велел передать вам такие приветы – прошу прощения, я лишь повторяю его слова, – чтобы они покрепче втемяшились в ваши тупые головы». И он кивком указал на открытую дверь, за которой виднелось основание заряженной катапульты.

«Понятно, – молвил старейшина. – Значит, за Вал придется заплатить?»

«Мне очень жаль, – ответил Пертинакс, – но уплатить придется». И он велел принести нашего лучшего испанского вина.

Они молча выпили, отерли бороды и встали. И сказал Амаль, потягиваясь (потому что варвары не соблюдают хороших манер):

«Славная получилась компания! А ведь некоторые из нас пойдут на корм рыбам и воронью прежде, чем стает снег».

«Компания получится еще лучше, когда Феодосий пришлет своих людей», – возразил я; и хотя они засмеялись, я заметил, что этот удар попал в цель.

Старый Алло задержался позади остальных.

«Что делать, – забормотал он, моргая и щурясь. – Для них я всего лишь пес. Как только я покажу им тайные тропы через болото, они отшвырнут меня пинком, как пса».

«На твоем месте, – сказал Пертинакс. – я не стал бы спешить с этим, пока не убедился, что римлянам не удержать Вала».

«Ты так думаешь? О горе мне! – простонал старик. – Я хотел только мира для своего народа». И он побрел, спотыкаясь, вслед за Крылатыми Шапками.

Так для нас началась война. Она тянулась долго, без передышки, день ото дня изматывая усталые силы защитников. Сперва Крылатые Шапки полезли с моря, как прежде, и мы их снова встретили катапультами, что им явно пришлось не по вкусу. Но еще долго они не решались попытать воинского счастья на суше – видно, не очень-то доверяли своим неуклюжим утиным лапам. Да и пикты, когда дошло до дела, не слишком охотно показывали им тайные тропы. Я узнал это от одного пленного пикта. Многие из них охотно шпионили для нас, потому что Крылатые Шапки грабили их и забирали зимние припасы. Ах, глупые коротышки!

Постепенно Крылатым Шапкам удалось овладеть крайними участками Вала, и они стали нажимать с двух сторон. Я посылал людей на юг узнать, что делается в Британии, но волки очень осмелели в ту зиму на обезлюдивших дорогах, и никто из гонцов не вернулся. Трудно было и с провиантом для лошадей. У меня было десять сменных, и у Пертинакса столько же. Мы жили и спали в седлах, скача то на восток, то на запад вдоль Вала, и мы доконали своих измученных лошадок. Много беспокойства было с горожанами, пока мы не собрали их всех в одной крепости возле Гунно. Разрушив прилегающие к ней участки Стены, мы превратили ее в цитадель. Нашей горстке солдат удобней было сражаться в тесном пространстве.

К концу второго месяца мы увязли в этой войне, как в глубоком сугробе или в долгом ночном кошмаре. Мы сражались будто во сне. По крайней мере, я знаю, что поднимался на Стену и спускался со Стены, не помня ничего, что было в промежутке, – хотя накричавшееся мое горло хрипело, а меч был обгажен кровью.

Крылатые Шапки нападали, как волки, сбившиеся в стаю. Чем их больше разили, тем яростнее они сражались. Защитникам приходилось туго, но зато жажда мести задерживала наступавших у Вала, не давая им двинуться на юг, в Британию.

В эти дни мы с Пертинаксом нацарапали на штукатурке кирпичных ворот, ведущих в Валенсию, названия башен и даты, когда они пали одна за другой. Мы хотели, чтобы осталась какая-то память.

А сражения? Особенно жаркими были схватки возле статуи богини Ромы, у дома Рутилиана. Клянусь светом Солнца, старый толстяк, которого мы не ставили ни во что, вновь помолодел под звуки боевой трубы. Помню, он утверждал, что меч – его оракул. «Спросим Оракула», – говорил он, бывало, прикладывал клинок к уху и важно слушал, кивая головой. «И сегодня Рутилиану дано остаться в живых», – сообщал он, сбрасывал плащ и, отдуваясь, бросался в бой. Да, припасов у нас было мало, а шуток – хоть отбавляй!

Два месяца и семнадцать дней мы продержались, сжатые в кольцо со всех сторон, – и кольцо сжималось все теснее! Несколько раз Алло передавал нам, что подмога близка. Мы не верили ему, но солдат эти вести ободряли.

Кончилось все возгласами радости, но тоже как бы во сне. Крылатые Шапки неожиданно оставили нас в покое на целый день и целую ночь. Сперва мы спали вполуха, каждый миг ожидая тревоги, а потом заснули мертвецким сном – вповалку, где кто был. Не дай вам бог когда-нибудь так устать! Когда мы проснулись, укрепления были полны каких-то чужих вооруженных людей, которые с любопытством смотрели, как мы храпим. Я толкнул Пертинакса, и мы одновременно вскочили, хватаясь за мечи.

«Ну и ну! – засмеялся молодой воин в блестящих доспехах. – Не с Феодосием ли вы собираетесь сражаться? Глядите!»

Мы посмотрели на север: там снег покраснел от крови, но Крылатых

Шапок не было видно. Мы посмотрели на юг: там среди белых снегов стоял лагерь, над которым реяли орлы двух легионов. На западе и на востоке виднелись далекие отблески пожаров и битв, но вокруг Гунно все было спокойно. «Оставьте тревоги, – сочувственно молвил воин. – У Рима длинные руки. Где найти комендантов Вала?»

Мы ответили, что это мы и есть.

«Но вы стары и седоволосы! – воскликнул он. – А Мáксим говорил, что это юноши».

«Несколько лет назад так и было, – сказал Пертинакс. – Какова будет наша судьба, о прекрасное и сытое дитя?»

«Меня зовут Амбросий, я секретарь императора, – заявил он. – Покажите мне письмо, отправленное Максимом из Аквилеи, и тогда я, может быть, вам поверю».

Я вынул и протянул ему письмо. Прочитав его, он отдал нам воинский салют и сказал: «Ваша судьба в ваших собственных руках. Если вы согласитесь служить Феодосию, он даст вам легион. Если вы предпочтете вернуться домой, он сделает вам триумф».

«Я бы предпочел ванну с мылом, притираниями и благовониями,

лезвие, чтобы побриться, – ну и закусить, конечно», – улыбаясь, сказал Пертинакс.

«Теперь я вижу, что передо мной юноша, – сказал Амбросий. – Ну а вы?» – Он повернулся ко мне.

«Мы не таим зла на Феодосия, но на войне...» – начал я.

«На войне, как в любви, – закончил Пертинакс. – Хороша она или плоха, но первая любовь не ржавеет. И вторая уже не прельщает».

«Это верно, – молвил Амбросий. – Я видел Максима незадолго до его смерти. Он предупредил Феодосия, что вы никогда не согласитесь служить ему, и я искренне говорю, что это большая потеря для моего императора».

«В утешение ему остается Рим, – заметил Пертинакс. – Итак, прошу, позвольте нам отправиться по домам, ибо мы уже досыта нахлебались этой каши».

И все-таки напоследок они устроили нам триумф!

– Вы заслужили его, – произнес Пак, бросив несколько листьев в пруд. Черные маслянистые круги побежали по воде, убаюкивая, завораживая взор.

– Мне хотелось бы знать еще... очень многое, – заволновался Дан. – Куда делся Алло? Появлялись ли потом снова Крылатые Шапки? А что стало с Амалем?

– И что случилось со старым толстым генералом, у которого было пять поваров? – добавила Уна. – И что сказала ваша мама, когда вы вернулись домой?...

– А вот матушка-то ваша скажет: нельзя так поздно засиживаться у старой мергельной ямы, – раздался голос Хобдена позади них и вдруг сорвался на шепот: – Тсс! Смотрите!

Он замер, уставившись на сидящего буквально в двадцати шагах великолепного рыжего лиса. Лис весело поблескивал глазками, рассматривая ребят с видом старого друга.

– Ах, мистер Рейнольдс, мистер Рейнольдс! – еле слышно воскликнул Хобден. – Если б я только знал, что таится в твоей хитрой голове, каким бы я был мудрецом! Мистер Дан, мисс Уна, пойдете побыстрее. Мне еще надо запереть курятник.

Песня пиктов

Рим марширует вперед,
Под ноги Рим не глядит:
Пусть разбегается Мелкий Народ
Из-под колес и копыт.
Мы же за вашей спиной
В стаю собьемся, ворча,
Чтобы решающий выиграть бой
Хитростью вместо меча.

Мы – мелюзга, мелкота,
Ростом не выше куста,
Но чужаки неспроста
Наши обходят места.
Мы – незаметный народ,
Ржавый нарост на сосне,
Червь, пожирающий плод,

Или заноза в ступне.

Радостно крыса на зуб
Пробует в трюме канат;
Плющ, убивающий дуб,
Так же доволен и рад.
Любо и нам средь лесов и болот
Труд свой бесшумный вершить,
Зная, что час наш придет, —
Можно пока не спешить.

Нет, наш народ не силен,
Если же в сильных нужда —
Тайной тропею из дальних сторон
Мы проведем их сюда.
Новое рабство нас ждет,
Но обратится во прах
Ваша твердыня – и Мелкий Народ
Спляшет на ваших гробах!

Мы – мелюзга, мелкота,
Ростом не выше куста,
Но чужаки неспроста
Наши обходят места.
Мы – незаметный народ,
Ржавый нарост на сосне,
Червь, пожирающий плод,

Или заноза в ступне.

Гэл чертежник

* * *

Если впрямь ты пророк – честь тебе и хвала!
Прослывешь повсеместно ты важною шишкой —
Кроме лишь одного небольшого села,
Где рожден ты и где тебя помнят мальчишкой.

И пока обличитель обидчив и юн,
В дневнике своем пишет он горькие строки:
Что в глазах земляков он всего лишь хвостун...
Но пророкам на пользу такие уроки.

Всех богатств ниневийских, развеянных в дым,

Всех раздумий во чреве кита и во храме
Сто. ит тот городок, где соседям твоим
Дела нету, с какими ты знался царями.

Кем бы ты ни прослыл – только в отчет краю
Узнаёшь настоящую цену свою.

Дождь, заладивший после обеда, вынудил Дана и Уну затеять игру в пиратов на Маленькой Мельнице. Если вы не боитесь крыс, шмыгающих в углу, и остьев овса, лезущих в ботинки, чердак с его люком и надписями на стропилах о море и о любимых подругах – самое распрекрасное место. Он освещается небольшим окном, так называемым утиным окошком, из которого можно увидеть ферму «Липки» и место, где убили Джека Кейда.

Забравшись вверх по чердачной лестнице (они называли ее «грот-мачтовым деревом», как в балладе о сэре Эндрию Бартоне, и она была «отполирована до лоска руками моряков», как говорится в той же балладе), они увидели, что на Утином подоконнике сидит какой-то человек.

Он был одет в светло-лиловый камзол и такого же цвета узкое трико, и он что-то деловито зарисовывал в книжечку с красным обрезом.

ГАРРИ
ДОУ

– Присядьте, присядьте! – крикнул сверху Пак, устроившийся на стропилах. – Полюбуйтесь, как красиво получается! Сэр Гарри Доу – прошу прощения, Гэл! – говорит, что моя голова – наилучший образец для гаргойля.

Человек засмеялся, вскинув голову в темном бархатном берете, и его полуседые волосы буйно рассыпались по сторонам лица. На вид ему было никак не меньше сорока лет, но глаза в окружении веселых морщинок блестели совсем молодо. На поясе у него висела узорчатая кожаная сумка неизвестного назначения.

– Можно нам посмотреть? – спросила Уна, смело выступая вперед.

– Конечно... пожалуйста! – ответил он, подвигаясь на подоконнике, и снова пустил в ход свой серебряный карандаш. Быстрые, опытные пальцы набрасывали портрет Пака, сидевшего терпеливо, с неподвижной ухмылкой, как бы приклеенной к его широкому лицу.

Вскоре художник полез в сумку, вытащил из нее тростниковое перо и ловко подровнял кончик маленьким ножом с костяной ручкой, сделанной в форме рыбки.

– Вот отличная штука! – воскликнул Дан.

– Побереги пальцы! Лезвие страшно острое. Я сам сделал его из лучшей фламандской арбалетной стали. И эта рыбка – моя работа. Стоит пригнуть верхний плавник к хвосту – вот так! – и рыбка проглотит лезвие, как кит проглотил бедного Иону... А вот моя чернильница. Я сам сделал этот серебряный ободок с четырьмя святыми. Нажми-ка на голову Варнавы... она открылась, и теперь мы...

Он окунул перо и осторожно, но решительно стал наносить на бумагу грубые черты Пака, уже намеченные серебряным карандашом. Ребята затаили дыхание: казалось, рисунок оживал на глазах.

По ходу дела, под стук дождя, лившегося на черепичную крышу,

художник тоже не умолкал и так – то хмурясь над своей работой, то улыбаясь, то четко и внятно, то бормоча себе под нос – успел рассказать, что родился он здесь рядом, на ферме «Липки», что отец сперва поколачивал его за «всякое безделье вместо дела», то есть за рисование, пока старый священник по имени Роджер, украшавший цветными буквицами книги местных богачей, не убедил родителей отдать мальчика ему в подмастерья. Потом он вместе с отцом Роджером оказался в Оксфорде, где сперва мыл посуду и чистил плащи и обувь для студентов Мертоновского колледжа.

– Вам, должно быть, это не нравилось? – спросил Дан, который все время встречал с вопросами.

– Я не задумывался над этим. Пол-Оксфорда тогда было занято строительством новых колледжей и украшением старых, и город призвал к себе на помощь мастеров-искусников со всего крещеного мира – королей своего ремесла, любимцев королей. Я знал их. Я у них работал. Неудивительно, что...

– ...ты стал великим человеком, Гэл, – закончил Пак.

– Так утверждали, Робин. Даже Браманте это говорил.

– Но почему? Что вы такое сделали? – спросил Дан.

Художник посмотрел на него озадаченно.

– Разные сооружения из камня по всей Англии. Ты вряд ли о них слышал. Да вот, чтобы не ходить далеко, наша церковь Святого Варнавы, которую я перестроил. Она стоила мне таких трудов и забот, как ничто другое в моей жизни. Полезный урок, вот что я вам скажу!

– У нас уже были сегодня уроки, – ляпнул Дан.

– Я вовсе не собираюсь утомлять вас, мои дорогие. И все же интересно, как эта церквушка была перестроена, заново перекрыта и украшена благодаря нескольким славным кузнецам, матросу из Бристоу, некоему спесивому ослу по имени Гэл Чертежник да еще... – он ронял слова не торопясь, – да еще одному шотландскому пирату.

– Пирату? – вскинулся Дан, как рыбка, попавшаяся на крючок.

– Тому самому Эндрию Бартону, о котором вы распевали, карабкаясь на чердак. – Он вновь углубился в рисунок, задерживая дыхание над какой-то затейливой линией и, казалось, забывая все на свете.

– Разве пираты строят церкви? – спросил Дан. – Что-то не верится.

– Они здорово помогают строить, – улыбнулся Гэл. – Но ты слишком утомился сегодня на уроках, Джек Школяр.

– Пираты – это не уроки, – живо возразила Уна. – Но с какой стати сэр Эндрию Бартон помогал вам?

– Думаю, что он и сам не знал об этом, – глаза Гэла хитровато блеснули. – Робин, как бы мне, черт возьми, попонятней объяснить этим невинным созданиям, до чего доводит грех гордыни?

– Да чего тут объяснять! – нахально сказала Уна. – Кто фуфырится и задается, всегда садится в галошу.

Гэл застыл с пером на весу, соображая, но Пак моментально растолковал ему это высказывание с помощью длинных взрослых слов.

– Вот именно! – обрадовался Гэл. – Так я себя и вел. Фуфырился, как ты говоришь. В общем, я ужасно гордился такими вещами, как фронтоны и порталы, – например, Галилейским порталом в Линкольне, гордился, что сам Торриджано похлопал меня по плечу, гордился званием рыцаря, пожалованным мне за украшение позолоченной резьбой королевского корабля «Государь». Но отец Роджер, сидя в библиотеке Мертоновского колледжа, не забывал обо мне. В то время когда я окончательно занесся в своей гордыне, он призвал меня к себе и, грозно тыча указательным перстом, велел мне возвратиться к своим сассекским землякам и перестроить, за мой собственный счет, нашу церковь, где похоронено шесть

поколений моих предков. «Иди работай, сын мой! – молвил он. – Работай и борись с дьяволом, пока не получишь права на– звать себя человеком и мастером». Я вострепетал и пошел... Ну как, Робин? – И он торжественно показал Паку готовый портрет.

– Надо же! Вылитый я! – воскликнул Пак, задирая нос и гримасничая, как перед зеркалом. – Эй, глядите! Дождь прошел. Терпеть не могу сидеть под крышей в хорошую погоду!

– Отлично! Передохнем. – Гэл вскочил на ноги. – Кто пойдет со мной в «Липки»? Там и потолкуем.

Они слезли вниз и, выйдя наружу, обогнули мокрые ветлы у сверкающей на солнце плотины.

– А это что такое? – удивился Гэл, уставившись на посадки хмеля, уже готового расцвести. – Виноград? Да нет! И на фасоль не похоже, она вьется совсем по-другому. – И он потянулся за своей книжечкой для зарисовок.

– Это хмель, – объяснил Пак. – В ваше время его тут не было. Растение, посвященное Марсу; его сушеные цветки придают аромат элю. Есть такой стишок:

Ересь и хмель, индюки и табак
Прибыли к нам на одном корабле.

– Что такое ересь, я знаю. Хмель я видел – славен Господь, сотворивший такую красоту! А что такое «индюки»?

Ребята рассмеялись. Они знали, что в «Липках» разводят индюков; и действительно, едва они подошли к саду, как целое их стадо выступило им навстречу.

Книжечка Гэла снова очутилась у него в руках.

– Фу-ты ну-ты! – воскликнул он. – Вот она, Гордыня в пурпурных перьях! Вот они, Презрение, Кичливость и Буйство Плоти! Как вы их называете?

– Индюки! Индюки! – закричали ребята, а самый старый и важный индюк злобно закулдыкал, наступая на пришельца в лиловых чулках.

– Прошу прощения вашего величества! Мне сегодня удалось сделать два замечательных рисунка! – Гэл снял берет и отвесил учтивый поклон задохнувшемуся от бешенства индюку.

По блестящей от капель траве они пошли к пригорку, на котором стоял фермерский дом. Старый и шершавый от непогод, он казался почти рубиново-красным в предзакатном свете.

Голуби на трубе клевали известку, пчелы, жившие под черепицей с тех самых пор, как дом был построен, наполняли августовский воздух слитным гулом, и запах самшита у изгороди мешался с запахом мокрой земли, свежееиспеченного хлеба и щекочущим печным дымком.

Жена фермера вышла на порог, держа в руках младенца, сощурилась на солнце из-под ладони, наклонилась, чтобы сорвать веточку розмарина, и направилась в сторону сада. Старый спаниель в будке пролаял разок-другой, как бы напоминая, что опустевший дом – под бдительной охраной. Пак потихоньку притворил садовые ворота и накинул щеколду.

– Можно ли объяснить, почему я так люблю все это? – прошептал Гэл. – Что могут знать горожане о доме – или о той же земле?

Они уселись рядом на вытесанной из дуба скамье, глядя через луг, по которому тек Мельничный ручей, на заросшие папоротником ямы и овражки Кузнечного Холма за домом Хобдена. Старик в своем саду, возле ульев, рубил и связывал прутья. Целая секунда проходила между взмахом

его топора и мигом, когда звук удара достигал их слуха.

ДЖОН КОЛЛИНЗ

– Эх! – вздохнул Гэл. – А ведь я помню время, когда на том самом месте стояла Нижняя Кузня – литейная мастерская Джона Коллинза. Много раз по ночам будил меня его большой молот: « Бум-бабах! бум-бабах!» Если же ветер дул с востока, можно было услышать, как кувалда Тома Коллинза в Стокензе отвечает брату: « Бум-бам! бум-бам!» А где-то посередине, в Брайтлинге, молотки сэра Джона Пелема врывались между ними, как ватага школьников. « Тум-тики-тум! тум-тики-тум!» – повторяли они, пока я снова не засыпал. Да, кузниц и плавилен в округе было что кукушек в мае. Где они теперь? Все пропало, все быльем поросло!

– Что же делали эти мастера?

– Орудия для кораблей Королевского флота, хотя и не только для них. В основном серпентины и тяжелые пушки. Когда они бывали готовы, появлялись королевские офицеры и без церемоний забирали у фермеров рабочих волов, чтобы отвезти орудия к побережью. Взгляните-ка! Перед

вами один из первых и лучших мастеров морского дела!

Он перелистнул несколько страниц в своей книжке и показал им портрет молодого человека. Подпись гласила: «*Sebastianus*».

– Он прибыл с королевским приказом Джону Коллинзу на отливку двадцати серпентин (это такие маленькие, но очень кусачие пушечки!) для новой морской экспедиции.

Я нарисовал его, когда он сидел возле нашего очага, рассказывая моей матушке о том, какие он собирался открыть неизвестные земли в дальних краях. И он в самом деле открыл их! Обратите внимание на этот нос, устремленный в неизвестность морей и бурь! Его звали Себастьян Кэбот, он был из Бристоля – для нас почти иностранец. Я ему многим обязан. Он помог мне в строительстве церкви.

– Я думал, что вам помог сэр Эндрью Бартон, – опять вмешался Дан.

– Ну, давайте все по порядку, – кивнул Гэл. – Себастьян был первым, кто наставил меня на путь. Ведь я приехал сюда не служить Богу, как пристало зодчему, а чтобы показать людям, какой я великий мастер. Им же было, попросту говоря, начхать на мое величие и мое мастерство. Какого лешего я примазываюсь к их Святому Варнаве? Ну, обветшала церковь еще со времен Черной Смерти, и пусть себе разваливается понемножку, а я там хоть удавись на своем строительном отвесе! Знать и простолюдины, богачи и бедняки – все как будто сговорились против меня. Один лишь сэр Джон Пелем из Брайтлинга ободрял меня и советовал продолжать дело. А как продолжать? Разве я не просил у мастера Коллинза длинной телеги с упряжкой, чтобы доставить бревна? Нет, он отправил уже волов в Льюис за известняком. Разве он не обещал мне железные скобы и тяжи для крыши? Ничего я так и не получил, кроме каких-то треснутых и гнутых железяк. И так во всем. Обещалось все, но не исполнялось ничего, пока я не встану над душой, но и тогда дело делалось вкривь и вкось. Казалось, всю округу кто-то заколдовал.

– Очень похоже, – подтвердил Пак, подтягивая колени к подбородку. – А ты никого не подозревал?

– Нет, пока не приехал за пушками Себастьян и Джон Коллинз не стал с ним играть в те же дурацкие игры, что и со мною. Каждую неделю две из трех отлитых пушек оказывались с изъяном, годные разве что в переплавку. А Джон Коллинз торжественно клялся, трясая головой, что не позволит отправить королю ни одной пушки сомнительного качества. Святые угодники! Себастьян просто с ума сходил. Я-то знаю: мы с ним частенько сживали на этой скамье, делясь своими печальями.

Когда Себастьян убил уже шесть недель впустую, получив за это

время только шесть серпентин, пришло известие от Дирка Брензетта, капитана шхуны «Лебедь», что каменную плиту, которую он вез мне из Франции для купели, пришлось сбросить в море, когда его корабль уходил от Эндрю Бартона, гнавшегося за ним до самого порта Рай.

– Ага! Тот самый пират! – воскликнул Дан.

– Он самый. И пока я рвал на себе волосы, явился Тайсхерт Уилл, мой лучший каменщик, и рассказал, трясаясь от страха, что сам Сатана – с рогами, с хвостом и в гремящих цепях – выскочил прямо на него из церковной колокольни, и теперь все рабочие оттуда разбежались и нипочем не согласны вернуться. Что делать! Вне себя от этих новостей, отправился я в таверну «Колокольчик» пропустить кружку пива. А мастер Джон Коллинз мне и говорит: «Дело твое, парень, но я бы на твоём месте при таких-то знаках и предзнаменованиях оставил старого Варнаву с его церковью в покое!» И все одобрительно закачали головами. Хитрецы, они боялись не столько Сатаны, сколько меня самого, но это стало ясно не сразу.

Когда я вернулся с этими приятными новостями в «Липки», Себастьян белил стропила в кухне моей матушки. Он к ней питал прямо-таки сыновние чувства.

«Ничего, не робей! – сказал он мне. – Один Бог всеведущ. А мы с тобой оказались самыми настоящими ослиами. Нас обдурили, Гэл, какой

позор! – и прежде всего меня, моряка, который не разгадал этих фокусов раньше. Ты принужден отступить от колокольни, ибо там бродит Сатана, я не могу получить своих серпентин, потому что у Джона Коллинза не получают отливки. А тем временем Эндрью Бартон шныряет на своем корабле вблизи порта Рай. С какой целью? А чтобы заполучить те самые серпентины, которых ждет не дождется бедный Кэбот; и эти серпентины – готов прозакладывать мою часть не открытых еще земель! – спрятаны в колокольной башне Святого Варнавы. Ясно, как ирландский берег в погожий день!»

«Вряд ли бы они осмелились на такой риск, – усомнился я. – Продажа пушек врагам короны – государственная измена, за это вешают».

«Риск велик, но велик и барыш. Ради этого люди готовы хоть на виселицу. Я сам был купцом, – сказал Себастьян. – Мы должны утереть им нос, не будь я бристольтцем».

Тут же, сидя на ведре с известкой, он наметил план. Мы раззвонили всем, что во вторник уезжаем в Лондон, и напоказ простились с друзьями – особенно с мистером Джоном Коллинзом. Но добравшись до Вудхерстского леса, повернули назад и подъехали к деревне заливным лугом, спрятали лошадей под ивами у подножия холма и, едва настала ночь, осторожно прокрались к церкви Святого Варнавы. Стоял плотный туман, сквозь который едва пробивался свет луны.

Не успел я запереть за собой дверь колокольни, как Себастьян взмахнул руками и растянулся на полу.

«Вот черт! – воскликнул он. – Повыше поднимай ноги и осторожней их ставь. Я споткнулся о пушки».

Я начал шарить на ощупь – в башне было очень темно – и, один за другим, насчитал двадцать стволов серпентин, лежащих прямо на соломе. Без всякой маскировки!

«Здесь, на моем конце, еще парочка тридцатифунтовых пушек, – сказал Себастьян, похлопывая ладонью металл. – Это, должно быть, для нижней палубы сэра Эндрью Бартона. Да, честнейший человек – мистер Джон Коллинз! Тут у него целый оружейный склад, арсенал! Теперь ты понимаешь, почему твое копанье и шныряние вокруг колокольни заставило Сатану явиться в Сассекс? Ты уже много недель всячески мешаешь честной торговле Джона». – Он рассмеялся в темноте.

От пола башни тянуло прямо-таки могильным холодом, поэтому мы поднялись повыше по лестнице, и тут Себастьян наткнулся на коровью шкуру с рогами и хвостом.

«Ага! Сатана забыл свой кафтан! Ну как – мне идет, Гэл?» – Он надел

на себя шкуру и стал прыгать и дурачиться в лунном свете, проникавшем сквозь узкие окна башни, – истинный Сатана! Потом присел на лестнице, постукивая концом хвоста по ступеньке. Со спины он казался еще страшнее, и пролетевший совенок пронзительно вскрикнул, чуть не наткнувшись на его рога.

«Изгнал дьявола – запри дверь, – прошептал Себастьян. – Вот еще одна неверная пословица, Гэл, ибо я слышу, как дверь башни отворяется».

«Я сам ее запер, – удивился я. – Или у кого-то, черт побери, есть запасной ключ?»

«Судя по топоту ног, к нам пожаловал весь приход, в полном составе, – отвечал моряк. – Тише, Гэл! Послушаем, о чем они хрюкают. Ба! Да они принесли мои новые серпентины. Одна, две, три, четыре – еще четыре ствола. Эндрию Бартон решил снарядиться по-адмиральски, разрази меня гром! Двадцать четыре серпентины!»

И тотчас, словно эхо, гулко донесся голос Джона Коллинза:

«Двадцать четыре серпентины и две тридцатифунтовых пушки. Полное вооружение для сэра Эндрию».

«Долг платежом красен, – прошептал Себастьян. – Сбросить ему на голову мой кортик, что ли?»

«В четверг они поедут в порт Рай, спрятанные под мешками с шерстью. Дирк Брензетт встретит их в Ундиморе, как обычно», – продолжал Джон.

«Боже мой! Какая это для них привычная, заурядная сделка! – заметил Себастьян. – Держу пари, что мы два единственных невинных младенца во всей деревне, которые не имеют своей доли прибыли в этом деле».

Внизу было человек двадцать, и галдели они, как на базаре в Робертсбридже. Мы узнавали их по голосам.

Пронзительный голос принадлежал Джону Коллинзу:

«Через месяц тут должны лежать пушки для французской караки. Когда ваш юный олух (это про меня, с вашего позволения!) возвращается из Лондона?»

«Не важно, – отозвался голос Тайсхерста Уилла. – Положите их где угодно, мистер Коллинз. Мы так напуганы Сатаной, что сколько он и ему подобные дурачили меня и вставляли палки в колеса... И в каком благом деле – в строительстве церкви!»

«Но теперь-то вы понимаете, что она им была нужна для других целей», – мягко заметил он.

«А мои серпентины – тоже для других целей? – возмутился Себастьян. – Я бы давно уже был на полдороге к неоткрытым землям, если бы не ваш друг, который продал мои пушки шотландскому пирату!»

«У вас есть доказательства?» – осведомился сэр Джон, поглаживая бороду.

«Я чуть не сломал о них ноги час назад, и я слышал, как Джон распоряжался, куда их доставить».

«Слова! Это только слова, – сказал сэр Джон. – Мистер Коллинз –

известный болтун и шутник».

Он произнес это так серьезно, что на мгновение мне показалось, будто он тоже в курсе всех этих секретных дел и в Сассексе вообще нет ни одного честного кузневладельца.

«Во имя здравого смысла! – воскликнул Себастьян, стуча по стулу своим коровьим хвостом. – Чьи же тогда эти пушки?»

«Разумеется, ваши, – отвечал сэр Джон. – Вы явились с королевским приказом на их изготовление, а мистер Коллинз отлил их в своей мастерской. Если он вздумал перенести их из Нижней Кузни и сложить в колокольне, это потому, что она ближе к дороге и вам будет удобнее их оттуда забирать. Стоит ли, старина, устраивать суету из-за простого знака соседской любезности?»

«Боюсь, что я отплатил ему черной неблагодарностью, – Себастьян задумчиво потер свой кулак. – Но как быть с тридцатифунтовыми пушками? Конечно, я бы от них не отказался, но их не было в королевском приказе».

«Любезность и великодушие. – объяснил сэр Джон. – Несомненно, эти две пушки Джон добавил как дар – из преданности королю и любви к вам. Ясно как день! Эх вы, Фома неверующий!»

«Теперь, кажись, ясно, – молвил Себастьян. – Ох, сэр Джон, сэр Джон, почему вы не моряк? Вы же зря пропадаете на берегу». – И он поглядел на старика с нежностью и любовью.

«Стараюсь, как могу, на своем месте. – Сэр Джон снова погладил бороду, и его зычный голос судьи привычно возгремел: – Но позвольте мне вам сказать, что вы, два молодых человека, в каком-то непонятном мне азарте рыскающие ночью тут и там и при этом жестоко пугающие мистера Коллинза, занятого... гм-м... тайными богоугодными делами, – вы меня чрезвычайно удивляете!»

«Ваша правда, сэр Джон, – подтвердил Себастьян. – Если б вы видели, как он улепетывал!»

«Вы скачете сломя голову сюда, озадачиваете меня какими-то сказками о пиратах, возах с шерстью и коровьих шкурах, которые, конечно, меня позабавили как человека, но как должностное лицо, я поражен их нелепостью. Поэтому я вынужден отправиться вместе с вами к означенной башне, прихватив несколько своих слуг и, возможно, три-четыре фургона, и я гарантирую вам, что мистер Коллинз добровольно передаст вам ваши стволы и пушки. – Тут он перешел на свой обычный тон: – Я предупреждал этого старого лиса и его соседей, что темные сделки и ловкие проделки не доведут до добра; но нельзя же перевешать половину Сассекса из-за каких-

то железяк! Ну что, согласны?»

«Ради двух лишних тяжелых пушечек я согласен на любое преступление», – сказал Себастьян, потирая руки.

«Итак, вы взяли назад свое обвинение в измене, – заключил сэр Джон. – По коням, друзья, и вперед – за пушками».

ХОРОШИЕ
СЕРПЕН-
ТИНЫ

– Но ведь мистер Коллинз предназначал все эти орудия сэру Эндрью Бартону, не правда ли? – сказал Дан.

– Несомненно, – ответил Гэл. – Но что с возу упало, то пропало.

Мы влетели в деревню, едва зарозовел рассвет: впереди сэр Джон верхом, в блестящем полупанцире, с развевающимся вымпелом на пике, за ним тридцать крепких слуг, пятеро из них в доспехах, далее четыре фургона для шерсти, а позади всех – четверо музыкантов, весело трубящих мотив: «*Король спешил в Нормандию*». Когда мы прискакали к башне и выкатили из нее со звоном новенькие пушки, картина была точь-в-точь как у монаха Роджера на рисунке «Французская осада» в молитвеннике ее величества королевы.

– Ну а как же мы... то есть, я хотел сказать, как же деревенские? –

спросил Дан.

– О, они снесли это достойно – да, достойно! – признал Гэл. – Хоть мошенники и скверно подшутили надо мной, но я был за них горд. Люди, выходя из домов, шли по своим делам, ни малейшего внимания не обращая на наш отряд. Ни слова! Ни взгляда! Они скорее бы умерли, чем позволили Брайтлингу насмеяться над собой. Лишь этот бездельник Тайсхерст Уилл, выходя из «Колокольчика», где он принимал свою утреннюю кружку пива, загородил – как бы ненароком – дорогу коню сэра Джона.

«Поосторожней, мистер Сатана!» – вскричал сэр Джон, натягивая поводья.

«Ах, как приятно! – отвечал Уилл. – Не базарный ли сегодня день? Тот все бычки из Брайтлинга уже тут!»

Этой шуткой он спасся от моей плети, прожженный плут!

Но Джон Коллинз – вот кто был неподражаем! Он попался нам навстречу (с перевязанной челюстью, пострадавшей от Себастьянова кулака), когда мы тащили первую тридцатифунтовую пушку сквозь церковные ворота.

«Тяжелая штука, – небрежно обронил он. – Если заплатите, я готов одолжить вам свою длинную телегу для бревен. Простой фургон для нее слишком хлипкок».

В первый и единственный раз я видел, как Себастьян лишился дара речи. Он только открывал и закрывал рот, как рыба.

«А что такого? – продолжал Джон. – Досталась она вам недорого. Я подумал, что вы не пожалеете пары пенсов, если я помогу вам ее перевезти». Да, он был неподражаем. В то утро он потерял верных две сотни фунтов, но даже глазом не моргнул, когда пушечки поехали в Льюис без его благословения.

– И он ничем себя не выдал? – спросил Пак.

– Лишь один раз. После того как он пожертвовал Святому Варнаве полный набор колоколов. (С некоторых пор и Коллинзы, и Хейзы, и Фаулы, и Феннеры сделались готовы на все ради украшения церкви. «Только попросите!» – стало их обычной песней.) Мы как раз опробовали звон, и Коллинз был на башне вместе с Черным Ником Фаулом, который подарил нам резную перегородку для алтаря. Старик одной рукой дернул язык колокола, а другой почесал себе шею. «Уж лучше этим погремкам болтаться на веревке, чем бедному Джону!» И это было все! Таков Сассекс – ничего с ним не поделаешь...

– А что случилось потом? – поинтересовалась Уна.

– Я вернулся в Англию, – сказал Гэл. – Я получил хороший урок. Лекарство от гордыни. Хотя говорят, что церковь Святого Варнавы – жемчужина. Кто его знает. Я делал это для земляков, и, может быть, отец Роджер был прав – никогда больше не испытывал я ни такого позора, ни такого триумфа. Такие вот дела. Одним словом, родина... родные края... – И он задумался, свесив голову на грудь.

– Глянь! Вон твой отец возле кузни! О чем это он толкует со стариком Хобденом? – воскликнул Пак и раскрыл ладонь с лежащими на ней тремя листьями.

Дан взглянул в сторону дома.

– А, знаю. Спорят о старом дубе, упавшем поперек ручья. Отец давно уже хочет его выкорчевать и убрать.

В тишине долины им нетрудно было расслышать хрипловатый бас Хобдена.

– Делайте, как вам нравится, – говорил он. – Но заметьте, что его корни скрепляют берег. Как только вы его выкорчуете, берег осядет и первое же половодье его смоем. Но делайте, как вам нравится, ради Бога, сэр. Маленькая мисс часто сидит вот здесь на стволе, возле папоротников.

Песня контрабандистов

Если вдруг услышишь стук копыт в ночи,
Спи спокойно, крошка, а не спишь – молчи.
Не гляди в окошко, отвернись к стене —
Есть дела у джентльменов ночью при луне.

Пони друг за дружкой,

У седла – вьючок.
Пастору баклажка,
Служке табачок,
Весточки шпионам,
Ленточки для дам, —
Это скачут джентльмены по своим делам.

Если на полянке сложены рядком
Крутобокие бочонки с крепким коньяком,
Не счищай с них листья, не кричи: «Сюда!» —
Все само исчезнет завтра без следа.

Если вход в конюшню утром не закрыт,
Если лошадь в мыле и едва стоит,
Если порванную куртку зашивает мать —
Помни: детям вредно слишком много знать!

Если вдруг солдаты к вам нагрянут в дом,
Красные мундиры с желтым галуном,
По щеке потреплют, посулят сластей,
Кто, куда и с кем ходил – говорить не смей!

Под окошком свистнут, поскребутся в дверь —
Может, это птица, может, это зверь.
Вон Пират не лает, не рычит Волчок:
Значит, все в порядке, ляжем на бочок...

Слушай старших, крошка, и получишь ты
Куклу из-за моря дивной красоты:
В чепчике из кружев, юбка – чистый шелк!
Уж поверь, что джентльмены знают в этом толк.

Пони друг за дружкой,
У седла – выючок,
Пастору баклажка,
Служке табачок,
Не гляди в окошко,
Отвернись к стене —
Есть дела у джентльменов ночью при луне!

Переправа «эльфантов»

Песенка младшего Хобдена по прозвищу Пчелка

Загудели пчелы, золотые пчелы:
«Отчего наш пасечник ходит невеселый?
Если не расскажет, что творится с ним, —
Меду для продажи больше не дадим!»

Не утаит невеста
От верных пчел своих,
Взошло ли к свадьбе тесто,
Доволен ли жених.

Все как есть, все подряд
Скажет без утайки —
А иначе улетят
Пчелы от хозяйки.

Крестины ли, поминки
Случаются в селе —
Старушка по-старинке
Шепнет о том пчеле:

Про детей, про гостей,
Где какие толки —
Ведь до всяких новостей
Любопытны пчелки.

Не стойте в поле голом,
Когда грохочет гром,
Не подходите к пчелам
Иначе как с добром.

Там, где врут, пчелы мрут,
Там, где злятся, – вянут.
Будь им рад, будь им брат,
Пчелы не обманут!

Едва стало смеркаться, как теплый сентябрьский дождик заморосил над сборщиками хмеля. Матери покатали из садов детские коляски, корзины были убраны, подсчеты закончены. Юные парочки раскрывали по одному зонтику на двоих, возвращаясь домой, и одинокие пешеходы посмеивались, глядя им вслед. Дан и Уна, собиравшие хмель после школы, отправились поесть печеной картошечки на хмелесушилку, где старый Хобден со своей охотничьей собакой Бетти жил и орудовал уже целый месяц.

Они устроились, как обычно, на застланной мешками койке перед печью и, едва Хобден поднял заслонку, уставились как замороженные на раскаленное ложе углей, мощным жаром без пламени дышавших в печные своды.

Старик не спеша подложил еще пару кусков угля, уверенно пристроив их на нужное место, не глядя протянул руку назад и, когда Дан вложил несколько картошин в его похожую на железный совок ладонь, тщательно рассовал их между углями, постоял еще несколько мгновений, взглядываясь в огонь, – и опустил заслонку. После яркого света топки сразу же показалось темно, и он зажег фонарь со свечой. Так бывало каждый раз, и дети любили этот заведенный порядок.

Пчелка, сын Хобдена, парень малость не в себе, но умевший лучше всякого обращаться с пчелами, бесшумно, как тень, проскользнул в дверь. Они заметили его появление лишь по тому, как Бетти оживленно замотала обрубок хвоста.

Снаружи кто-то громко запел под морозящим дождем:

Старушка миссис Лейдинвул уж год, как померла,
Но, услышав, что хмель созрел, сдержаться не смогла:

– Только один человек на свете умел так горланить! – воскликнул старый Хобден, живо оборачиваясь.

«Ребята, с кем рвала я хмель, свежа и молода,
Все нынче на уборке, и я пойду туда!..»

Дверь распахнулась и...

– Ну и ну! Видно, не зря говорят, что уборка хмеля даже мертвого вытащит из могилы! Ты ли это, Том? Том Башмачник! – воскликнул старик Хобден, опуская фонарь.

– А то кто же! Иль ты глазам своим не веришь, Ральф? – Незнакомец перешагнул порог и вошел. Он был дюйма на три выше, чем Хобден, голубоглазый, загорелый гигант с седыми бакенбардами. Они пожали друг другу руки, и дети слышали, как мощно скрипнули их жесткие ладони.

– А хватка у тебя не ослабла, – заметил Хобден. – Помнишь, как тридцать или сорок лет назад ты проломил мне башку на ярмарке в Писмарше?

– Всего лишь тридцать; и не стоит считаться, кто кому что проломил. Ты тоже не худо отблагодарил меня жердиной. Как же мы в ту ночь добрались домой? Вплавь?

– Да так, как фазан попал Джеку в карман, – немножко везения, немножко волшебства. – Плечи Хобдена затряслись от смеха.

– Значит, ты не забыл свои невинные лесные прогулки? Немножко промышляешь этим? – Гость изобразил выстрел из ружья.

Хобден ответил быстрым жестом руки, как бы ставя заячий силоч.

– Да нет. Вот все, что мне осталось. В старости что можется, то и хочется. А ты что поделывал столько лет?

– Был я в Дувре, был я в Лидде —
Всю я Землю перевидал!

– весело отвечал Том. – Думаю, что знаю старушку Англию не хуже других прочих. – Он повернулся к детям и заговорщицки им подмигнул.

– Держу пари, ты наслушался разных небылиц, – сказал Хобден. – Был я однажды на ярмарке в Уилтшире. Заговорили мне там зубы и обдурили на пару рукавиц.

– Поболтать везде любят. А ты здорово приклеился к своему краю, Ральф!

– Старое дерево сдвинуть – значит погубить, – усмехнулся Хобден. – А мне помирать хочется не больше, чем тебе размяться сегодня вечером с лопатой и прессом для хмеля. Что, верно?

Верзила оперся спиной о круглый столб сушильной печи и развел руками:

– Могу пойти к тебе в работники, Ральф!

И они без лишних слов прогремели по лестнице наверх. Слышно было, как их лопаты скребли по дну сушилки, переворачивая сохнувший хмель, и скоро весь дом наполнился сладким, снотворным ароматом.

– Кто это? – шепотом спросила Уна у Пчелки.

– Знаю не больше вашего, – улыбнулся тот, оттопыривая губу.

Голоса наверху о чем-то говорили и смеялись наперебой, тяжелые шаги гремели туда и сюда. Потом сквозь дырку прессы в потолке просунулся «карман» – мешок для хмеля, который быстро стал пухнуть и толстеть, нагружаемый сверху лопатами. «Клак!» – сработал пресс и

превратил рыхлый хмель в крепкий «пирог»...

– Полегче! – раздался голос Хобдена. – Мешок лопнет, если ты будешь так наваливать. Глисоновский бык и то ловчей тебя, Том. Шабаш! Пойдем посидим у огонька.

Они сошли вниз, и, пока Хобден открывал заслонку и проверял, испеклась ли картошка, Том Башмачник сказал, обращаясь к ребятам:

– Покруче ее солите. Тогда догадаетесь, из каковских я буду.

ТОМ
Башмачник

И он опять подмигнул, и опять Пчелка засмеялся, а Уна недоуменно взглянула на Дана.

– Я-то знаю, из каковских, – проворчал старик Хобден, нащупывая картошку в золе.

– Знаешь, и ладно, – одобрил Том и негромко добавил у него за спиной: – Некоторые из наших терпеть не могут лошадиных подков, или колокольного звона, или проточной воды... Кстати, о проточной воде, – он повернулся к Хобдену, который как раз кончил возиться в печи. – Помнишь большой разлив в Робертсбридже, когда подручный мельника утонул прямо

посереде улицы?

– А как же! Помню... – Хобден присел прямо на кучу угля возле печи. – Я в том году ухаживал за девушкой из Ромни. Работал я возчиком у мистера Плама, получал десять шиллингов в неделю. А невесту себе нашел на Болотах.

– Удивительное это место – Болотный Край, – молвил Том Башмачник. – Говорят, что мир делится на Европу, Азию, Австралию, Америку и Ромнинские Болота.

– Да, тамошний народ так и говорит. Нелегко мне было уломать свою старуху покинуть родные места.

– А где она жила? Я что-то забыл, Ральф.

– Она родилась в Димчерче, возле Дамбы, – ответил Хобден, держа в руке испеченную картофелину.

– Из Петтов она была или из Уитгифтов?

– Из Уитгифтов. – Хобден разломил картошину и принялся за нее с особой сноровкой человека, привыкшего есть под открытым небом и обходиться без тарелки. – Она сделалась со временем вполне рассудительной, пожив у нас в Вильде, но первые лет двадцать уж такая была чудная, что и не рассказать. И удивительно умела ладить с пчелами. – Он отколупнул маленький кусочек картошки и бросил его на пол.

– То-то и оно! Я слыхал, что Уитгифты – люди непростые, на семь пядей в землю видят, – сказал Том Башмачник. – Не замечал?

– Ну нет! Никаким таким чернокнижьем моя старуха не занималась, – отвечал Хобден. – Правда, она умела узнавать, что сбудется, – по полету птиц, по падению звезд, по жужжанию пчел... И часто по ночам лежала с открытыми глазами – слушала зовы, как она говорила.

– Ну, это ничего не доказывает, – заметил Том. – Все ромнинские – потомственные контрабандисты. Это должно быть у нее в крови – прислушиваться по ночам.

– Понятное дело, – согласился Хобден, улыбаясь. – Правда, мне сдается, что за контрабандистами у нас не надо ходить аж в Болотный Край. Но с ней было другое. Она порой заводила всякую околесицу, – он понизил голос, – толковала об эльфантах.

– Ну конечно. Я слышал, на Болотах в них все верят. – И он кинул испытующий взгляд на ребят, слушавших с широко открытыми глазами рядом с Бетти.

– Эльфанты, – повторила Уна. – То есть эльфы! Понимаю...

– Народ С Холмов, – сказал Пчелка и бросил целых полкартошки в сторону двери.

– Точно! – подтвердил Хобден, подняв указательный палец. – У мальчишки глаза матери, ее слух и нюх. Именно так она их и называла!

– А что ты сам думаешь об этом?

– Да как сказать, – Хобден неопределенно гмыкнул. – Для человека вроде меня, который привык бродить ночью по полям и перелескам, нет никого опасней лесников.

– А если лесников побоку, – настаивал Том. – Я заметил, как ты давеча бросил Добрый Кусок на пол. Ты-то сам в нихверишь?

– Картоха была с гнильцой, вот и все, – объяснил Хобден.

– Не похоже. А вроде того, как ты нарочно оставил кусок... для Тех, кому он может пригодиться. Нет, без отговорок, веришь ты в них или нет?

– Я ничего не скажу, потому что ничего такого не видел и ничего не слышал. Но если ты хочешь сказать, что в темноте среди кустов и перелесков прячется кто-то еще, кроме людей, зверей и птах, что ж! – я не знаю, захочется ли мне с тобой спорить. Так что тебе и карты в руки. Что ты скажешь?

– Я как ты. Ничего не скажу. Но послушайте-ка одну историю, а там судите сами, как вам вздумается.

– Опять небылицы, – проворчал Хобден и стал набивать трубку.

– На Болотах эту историю называют «Переправа в Димчерче», – не

торопясь продолжал Том. – Может, слышали?

– Моя старуха рассказывала ее столько раз, что я сам чуть во все не поверил.

Говоря это, Хобден привстал и прикурил трубку от желтого пламени фонаря. Том уселся поудобнее на груди угля, упершись своим великанским локтем в свое великанское колено.

– Вы когда-нибудь бывали в Болотном Краю? – спросил он Дана.

– Ездили однажды в порт Рай, – ответил Дан.

– Ну, там он только начинается. А дальше – церкви с островерхими колокольнями, похожими на старых колдуний, высунувшихся из своих лачуг; море, стоящее высоко над землей, и дикие утки в длинных канавах (ученые люди говорят: в «каналах»). Весь Болотный Край – сплошная путаница канав и шлюзов, впускных ворот и водоотводов. Когда начинается прилив, слышно, как все это начинает журчать и булькать, а потом доносится рев – это море бушует, ударяясь о Дамбу. Ромнинские Болота – плоский, низинный край, кажется, нет ничего проще, чем пройти его из конца в конец. Да не тут-то было! Из-за канав и шлюзов тамошние дороги запутаны и переплетены, как пряжа ведьмы. Среди бела дня можно заблудиться!

– Эти канавы вырыты для осушения, – вставил Хобден. – Когда я ухаживал за своей старухой, всюду зеленели камыши. Эхма! Камыши зеленели, и Болотный Командир разгуливал по округе без троп и дорог – свободно, как туман.

– Кто это – Болотный Командир? – спросил Дан.

– Тот, кто насылает лихорадку. Стоит ему разок хлопнуть тебя по плечу – и ты весь начинаешь трястись. Я это испытал. Но осушение покончило с лихорадкой. Оттого и говорят, что Болотный Командир сломал себе шею в канаве. А какое там раздолье для пчел и для уток!

– И для сказок, – подхватил Том. – Люди, то есть Те, Что Из Плоти И Крови, жили там с Незапамятных Времен. Но и эльфанты тоже испокон веков возлюбили эти места больше всех остальных в Старой Англии. Так говорят жители Болот, а им можно верить. Они там гуляют по ночам, что-нибудь маклача или пряча, с тех самых пор, как шерсть появилась на спинах овечьих. Так вот, они говорят, что эльфантов в их краях всегда было полным-полно. Что твоих кроликов. Они танцевали на пустынных дорогах среди бела дня; они мерцали своими зелеными фонариками вдоль канав, шныряя туда-сюда, как заправские контрабандисты. А порой они запирали церковь в воскресный день, чтобы пастор с дьячком не могли войти.

– Это могли быть и контрабандисты, спрятавшие там коньяк и

кружева, чтобы со временем вывезти их подальше, – предположил Хобден.

– Держу пари, твоя жена не согласилась бы с таким объяснением. Ни за что – если она и впрямь была из Уитгифтов. В общем, недурно жилось эльфантам в Болотном Краю, пока папаша королевы Бет не ввел свою Реформацию.

– Это что-то вроде Парламентского Акта? – спросил Хобден.

– Вроде. В Англии ничего не делается без Акта, Иска и Ордера. Был издан Акт, и папаша королевы Бет что-то такое неподходящее сотворил с приходскими церквами. Выпотрошил их или что-то в этом духе. Некоторые в Англии приняли его сторону, другие заартачились; и все это кончилось великим раздрызгом и раздором, когда люди сжигали друг друга на кострах, попеременно – смотря по тому, чья брала верх. Это привело в ужас эльфантов: ведь согласие между людьми – их пища, а раздор – яд.

– То же самое с пчелами, – сказал Пчелка. – Пчелы улетят, если в доме разлад.

– Точно, – подтвердил Том. – Эта Реформация напутала эльфантов, как жнец, доканчивающий последний ряд пшеницы, спрятавшихся там кроликов. Они собрались отовсюду в Болотный Край и решили: «Так или

этак, а надо убираться отсюда, ибо доброй Старой Англии конец, и с нами поступят так же, как с иконами».

– И они все так решили? – спросил Хобден.

– Почти все, кроме одного, которого звали Робинот, если вы слыхали о таком. Чего тут смешного? – обернулся он к Дану. – Тревоги эльфантов не вразумили Робина – уж больно он прикипел к здешнему народу. Да и никогда не согласился бы он покинуть старушку Англию. Оттого и послали его к людям просить о помощи. Но Те, Что Из Плоти И Крови, были слишком поглощены своими заботами, и Робин не мог до них достучаться. Им казалось, что это шум прибоа гудит над болотом.

– Так чего вам – то есть эльфам – то есть элфантам – чего им было нужно от людей?

– Лодки, конечно. Их крылышкам (хотя они и покрепче стрекозиных) не под силу перелететь через Пролив. Требовалась лодка с командой, чтобы переправить их во Францию, где пока еще никто не покушался на иконы. Они больше не могли выносить ни сурового звона Кентерберийских колоколов, возвещавших о сожжении все новых и новых несчастных жертв, ни королевских гонцов, развозивших по всей стране приказы срывать образа и иконы. Но и найти лодку с командой, чтобы покинуть страну, они тоже не могли без Воли и Согласия Тех, Что Из Плоти И Крови; а люди спешили по своим делам, не замечая, что Болотный Край просто кишит элфантами со всей Англии, старающимися *достучаться* до них и поведать о своей нужде и печали... Не знаю, слыхали ль вы, что элфанты – вроде как цыплята?

– Моя старуха не раз говорила об этом.

– И верно. Если чересчур много цыплят собрать в одном месте, земля становится нездоровой, и цыплята погибают. Точно так же, если много элфантов собрать в одном месте – нет, они не погибают, но Те, Что Из Плоти И Крови, живущие рядом, вскоре начинают изнемогать и чахнуть. Малютки в том неповинны, и люди о том не подозревают, но так это выходит. Слишком много элфантов собралось вместе, томимых страхом и желанием *достучаться* до людей, и Те, Что Из Плоти И Крови, не могли в конце концов не почувствовать тяжелой духоты и тревоги, носящейся в воздухе. Это было как перед грозой. Окна церквей неожиданно озарялись в ночи каким-то беглым пламенем; скотина пугалась без всякой видимой причины, овцы вдруг сами сбивались в кучу, лошади покрывались пеной без всадников; все больше маленьких зеленых огоньков мелькали в темноте по краям канав, и все чаще слышалось топотание множества маленьких ножек вокруг людских жилищ; днем и ночью им чудилось одно и то же:

будто Кто-то подкрадывается, подбирается к ним и хочет Что-то передать, но не может... Ох и натерпелись они страху! Мужчины и женщины, дети и подростки, они были слишком Из Плоти И Крови, чтобы понять, что происходит. Им казалось, что эти знаки предвещают какую-то беду, надвигающуюся на Болота. Или море прорвет Димчерчскую Дамбу и потопит их, как это было в Винчелси, или нагрянет Чума. И они искали разгадки в облаках и в небе, хотя разгадка была рядом, под ногами, но им не дано было ее разглядеть.

А тем временем в Димчерче, возле Дамбы, жила бедная вдова. У ней не было ни мужа, ни состояния, зато было больше времени, чтоб думать и примечать, и она почуяла, как у ее порога сгущается какая-то огромная, невыносимая Тревога. Два сына было у вдовы – один слепой от рождения, другой онемел в детстве, свалившись с Дамбы. Они уже были взрослыми, но зарабатывать не могли, и ей приходилось работать за троих, разводя пчел и давая Советы.

ВДОВА
УИТГИФТ

И ЕЕ
СЫНОВЬЯ

– Какие советы? – спросил Дан.

– Вроде того, где найти потерянную вещь, или что делать с искривленной шейкой ребенка, или как соединиться влюбленным, которых разлучила судьба.

– Моя старуха здорово предсказывала погоду, – вставил Хобден. – А в грозу от ее волос летели искры, как из-под наковальни. Но она никогда не рисковала давать Советы.

– Эта женщина была вроде ведуньи, хотя и ведала не так уж много. Но однажды ночью, когда она лежала в постели, маясь от жара, ей почудилось, будто кто-то стучится к ней в окно и кличет: «Матушка Уитгифт! Матушка Уитгифт!»

Сперва, по трепыханию крылышек и по свисту, ей показалось, что это чиби́с. Она что-то накинула, вышла за дверь, и сразу почувствовала вокруг себя Стон и Тревогу, невыносимую, как приступ тошноты и лихорадки. «Что тут такое? Что тут такое?» – позвала она.

И вдруг что-то послышалось, вроде лягушечьего писка в канавах, что-то донеслось, вроде шелеста камыша на ветру; но тут мощная волна грянула о Дамбу, и ничего больше нельзя было расслышать.

«Один из них немой, другой – слепой, – отвечала вдова. – Но оттого они мне еще дороже. Они погибнут в открытом море».

Так она сказала, но жалостные стоны вокруг нее не смолкали: они пронзали ее сердце, и хуже всего, что среди них были детские голоса. Она держалась как могла, но это вынести ей было не под силу. И тогда она сказала:

«Если вы уговорите моих сыновей, я не стану им мешать. Нельзя требовать большего от Матери».

Тут маленькие зеленые огоньки заплясали и замелькали вокруг нее так, что голова пошла кругом; она слышала, как тысячи маленьких ножек притоптывают по земле, и как звонят вдали суровые Кентерберийские колокола, и как волны прибоя бушуют, разбиваясь о Дамбу. А тем временем эльфанты наслали такие Чары, что двое ее сыновей проснулись, но как бы оставаясь во сне; и, стиснув пальцы, она смотрела, как они вышли из дома и миновали ее, не проронив ни звука; и она побрела за ними к берегу, горестно рыдая, и там они сняли лодку с Дамбы, и спустили на воду, и поставили мачту с парусом. И тогда слепой сын обратился к матери:

«Матушка, будет ли твоя Воля и Согласие, чтобы мы переправили Их через море?»

Том Башмачник откинул голову назад и полуприкрыл глаза.

– Сильной она была женщиной, Матушка Уитгифт! Она стояла, комкая в руках конец платка, и пальцы ее дрожали. Эльфанты ждали молча, даже их детишки угомонились и не смели хныкать в эту минуту. Они были полностью в ее власти, ведь без Воли и Согласия матери им нельзя было уплыть. А она никак не могла решиться и только вздрагивала, как яшень.

Наконец она с трудом разлепила губы.

«Плывите! – сказала она. – Плывите с моей Волей и Согласием».

И тут я увидел... и тут, говорят, ей пришлось напрячься, чтобы устоять на ногах, как под откатной волной. Ибо все эльфанты, сколько их там было, хлынули мимо нее к берегу – с женами, детишками и со всем скарбом. Слышно было, как звенели серебряные ложечки, как маленькие узелки шлепались на дно лодки, как стучали и лязгали маленькие мечи и щиты и как маленькие пальчики царапались о доски, спеша поскорее вскарабкаться на борт.

Лодка все больше и больше оседала в воде и наконец отчалила от берега. Бедная вдова видела, как размеренно работают руки ее сыновей, напрягая снасти и ставя парус. Лодка повернула в открытое море и, грузная, как баржа, исчезла в тумане, а Матушка Уитгифт все сидела и сидела на берегу одна-одинешенька со своим горем до самого рассвета.

– Так уж одна-одинешенька? – вмешался Хобден. – Мне рассказывали по-другому.

– А, я вспомнил. Говорят, что был с нею некто по имени Робин. Впрочем, она так убивалась, что ей было не до его обещаний.

– Ага! Значит, там не было заранее уговора! Я так всегда и думал! – воскликнул Хобден.

– Конечно. Она не рассчитывала ни на какой барыш, отпуская сыновей: она просто чуяла Тревогу, нависшую над округой, и хотела ее развеять. – Том улыбнулся. – И она это сделала. Да, она это сделала. От Хайта до Бульверхайта каждый задыхающийся старик, каждая больная женщина или хныкающий ребенок ощутили это. Будто что-то прочистилось в воздухе после ухода эльфантов. По всему Болотному Краю люди вылезали на свет свежие и сияющие, как улитки после дождя. А тем временем вдова все сидела на краю Дамбы и горевала. Она, может быть, и верила нам – верила, что ее сыновья вернуться. Но не было ей ни отдыха, ни покоя все эти три дня, пока лодка не приплыла назад.

– И конечно, оба ее сына исцелились? – спросила Уна.

– Нет... Это было бы слишком. Они вернулись такими же, как уплыли. Слепой никого и ничего не видел, а немой если что и видел, то не мог рассказать. Думаю, потому-то эльфанты и выбрали их для своей морской переправы.

– Ну а что же ты... что же Робин обещал вдове?

– Что же он обещал? – Том сделал вид, будто вспоминает. – Ральф, твоя старуха была из Уитгифтов. Разве она тебе не говорила?

– Она наговорила мне целый короб всякой чепухи, когда вот он родился. – Хобден кивнул на сына. – Всегда должен быть в роду тот, кто видит дальше остальных.

– *Я! Я!* – закричал вдруг Пчелка, да так впопад, что все засмеялись.

– Вспомнил! – воскликнул Том, ударяя себя по колену. – Пока кровь Уитгифтов не пресечется – обещал ей Робин, – всегда будет в их роду один, *на кого никакая Беда не ляжет, никакая Девица не взглянет, и Мрак его не устрашит, и Страх ему не навредит, и Вред его не испортит, и Женщина не обманет.*

– Ну что – разве не я? – ухмыльнулся Пчелка, и сентябрьская луна озарила его своим серебряным светом.

– Эти самые слова – точка в точку! – она мне и сказала, когда мы впервой заметили, что наш парень не такой, как другие. Погоди-ка! Откуда ты их знаешь?

– Да вот знаем. А ты что думал – у меня под шляпой тыква? – Том медленно, со вкусом потянулся и встал.

– Давай-ка я провожу этих молодых людей домой, а уж после, Ральф, мы устроим ночь воспоминаний о старых временах. Идет? Так где же вы живете? – серьезно обратился он к Дану. – Как вы думаете, не нальет ли мне ваш папаша стаканчик за то, что я доставлю вас до дому?

Едва сдерживая смех, ребята выскочили наружу. Том подхватил их, усадил на свои могучие плечи – Дана на правое плечо, Уну на левое – и зашагал через пастбище, где коровы позевывали в лунном свете и пахли парным молоком.

– Ах, Пак, Пак! Я тебя сразу узнала, как ты только сказал насчет посолить покрепче. Как тебе такое удалось? – весело кричала Уна, раскачиваясь на его плече.

– Какое такое? – переспросил тот, переходя по каменным ступенькам через овечью ограду возле старого дуба.

– Сделаться Томом Башмачником, – сказал Дан, и тут же им пришлось пригнуться, чтобы не въехать в два маленьких ясеня, росших возле моста через ручей. Том почти бежал.

– Да, так меня и кличут, с вашего позволения: Том Башмачник, –

отвечал он, быстро пересекая тихую светлую лужайку, где под большим белым терном, возле крокетной площадки, сидел дикий кролик. – Вот и доехали! – Он вошел во дворик возле кухни и сгрузил ребят на землю. В тот же момент из дверей вышла Эллен и засыпала их вопросами.

– Я малость помогаю на хмелесушилке у мистера Спрея, – отвечал он на расспросы. – Да нет, я из местных. Знавал этот край, когда вы еще на свет не родились. Вот так-то!.. Простите, мисс, но от этой сушилки так в горле сохнет, прямо дерет!.. Благодарю.

Эллен вышла за кружкой пива, а ребята вбежали в дом – снова заколдованные Дубом, Ясенем и Терном!

Песня на три стороны

Леса, и холмы, и болотистый дол —
Из этих краев я бы век не ушел!
И сам я не ведаю, что мне милей:
Болота, холмы или сумрак ветвей.

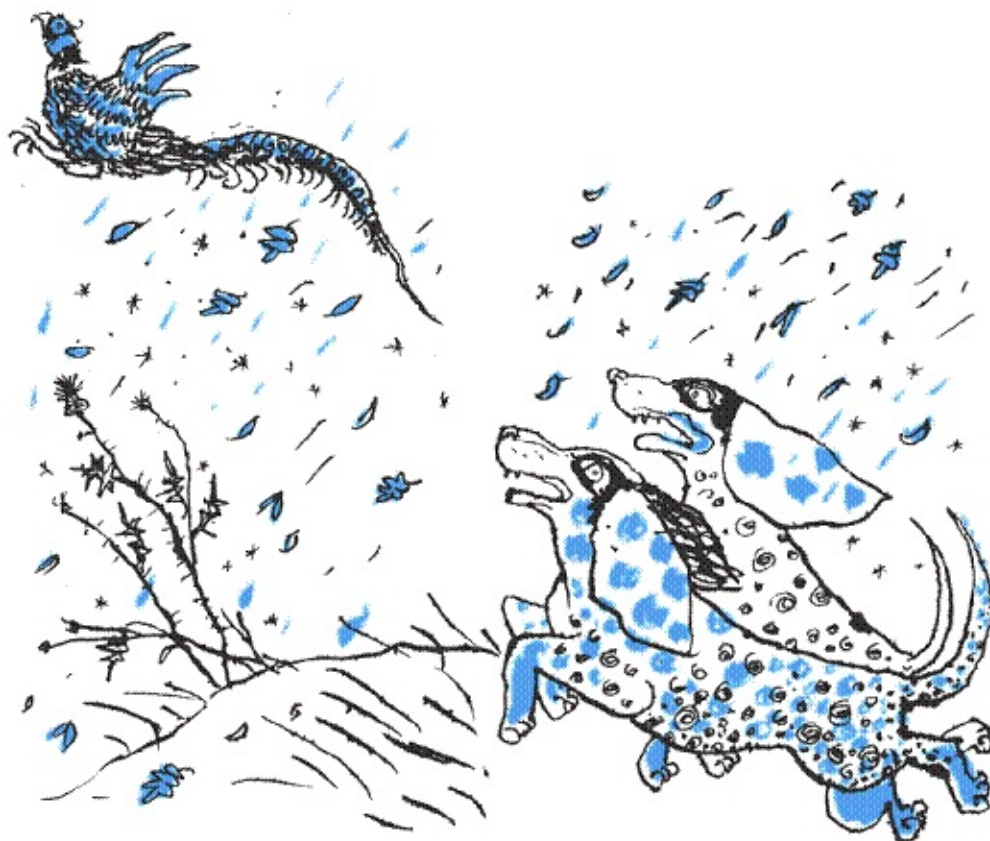
Я сердце оставил в чащобе глухой
Меж юной рябиной и старой ольхой,
Зарыл под корнями, укрыл, точно клад —
И дикие стебли его сторожат.

Я мыслям позволил бродить без забот
По тропам и травам бескрайних болот,
Где зелен тростник и лепечут ручьи —
На волю я выпустил мысли свои.

А душу я отдал холмам вековым —
Их спинам зеленым, бокам меловым...
Где волны шумят и пасутся стада,
Осталась душа моя там навсегда!

Золото и закон

Песня о пятой реке

Господь, сотворивший в Эдеме
Четыре Великих Реки,
Промолвил каждой: «Теки!
И вот тебе Царь и Племя».
Когда же он так повелел,
Пришел Израиль смуглоликий,
Но не было рек у Владыки,
Чтоб дать Израилю в удел.

И молвил ему Господь:
«Швырни на землю щепоть
Песка из желтой пустыни —

И потечет Река,
Незрима, но глубока,
Вкруг тверди земной отныне,
И станет народ твой впредь
Этой Рекой владеть».

И стало по слову Творца,
И в темных жилах Земли
Ручьи, змеясь, потекли,
И не было им конца,
И в Реку слились, чей звон
Колблет троны царей
И тешит в лавке купца:
Золото – имя ей.

И выпустил Израиль
Свой царский жезл из руки,
Усевшись возле Реки,
Текущей тысячи миль,
То медленной, то бурлящей,
То в землю вновь уходящей,
И лишь ему одному
Ведомо – почему.

Недаром он – господин
Великой Пятой Реки,
Чей плеск у него в крови,
Чей звон у него в ушах,
И знает лишь он один,

Где стали воды мелки
И что за родник иссяк
В далеких южных степях.

Он знает наверняка,
Когда разольется Река
И что за ледник сошел
С далеких северных гор,
И засуху, и дожди
Он чует издалека,
И служит звонкий поток
Ему с незапамятных пор.

Он – властелин без меча,
Без трона могучий правитель,
В скитаниях век свой влача,
Он всюду лишь гость, как встарь,
Полмира – его обитель,
Нигде он не государь!
Лишь водами Пятой Реки,
Чьи тайны столь глубоки,
Владеть Израилю дано:
Так было предречено.

Стояла третья неделя ноября, самый разгар охоты на фазанов. В Дальнем Лесу не смолкала пальба. Но здесь, в этой обрывистой, овражистой стороне, никто не охотился, кроме деревенских биглей, которые время от времени убегали из конуры, чтобы провести денек на воле. Дан и Уна наткнулись на пару таких вольнолюбивых псов, гонявшихся по заднему двору за кошкой. Эти бездельники были не прочь поохотиться на кроликов и охотно последовали за ребятами – сперва вдоль приречного луга, потом через ферму «Липки», где старая свинья дала им хороший отпор, и, наконец, к заброшенной каменоломне, где им удалось выгнать лисицу.

Рыжая помчалась к Дальнему Лесу, спугнув по дороге всех фазанов, спасавшихся тут от великого истребления на другом конце долины. Снова загрохотали жестокие ружья, и ребятам пришлось силой удерживать собак, чтобы они не убежали и не попали под случайный выстрел.

– Ни за что на свете не согласился бы я стать фазаном, особенно в ноябре, – сказал запыхавшийся Дан, догнав Оболтуса и ухватив его за шею. – Чему ты смеялась?

– Просто так, – ответила Уна, сидя верхом на толстобоккой Флоре. – Погляди-ка! Эти глупые фазаны летят обратно в свой Дальний Лес вместо нашего, где их никто бы не тронул.

– Пока тебе самой не захотелось бы поохотиться! – Высокий старик внезапно выступил из-за кустов остролиста возле тропинки на Волатерры. Дети подпрыгнули от неожиданности, а собаки застыли в стойке, словно спаниели. На незнакомце было длинное одеяние из темного плотного сукна, подшитое и отороченное рыжеватым мехом, и он поклонился ребятам таким низким, старинным поклоном, что они невольно смутились.

– Вы не боитесь? – спросил он, глядя им прямо в глаза и слегка поглаживая свою великолепную седую бороду. – Не боитесь, что вон те

стрелки, – он кивнул головой в сторону несмолкающего «пиф-паф» из долинной рощи, – могут и вас ненароком подстрелить?

– Видите ли, – начал Дан, в таких вопросах он любил быть точным, – старик Хоб... в общем, наш старый друг рассказывал, что одного из загонщиков на прошлой неделе хорошо подперчило – то есть ранило дробью в ногу. Но мистер Мейер – он любит стрелять кроликов – дал Уэкси Гарнету соверен, и Уэкси хвастался Хобдену, что за такие деньги он согласился бы и на двойную порцию.

– Он не понимает тебя, Дан! – воскликнула Уна, видя, как лицо старика побледнело и задрожало. – Не нужно было...

Она не успела договорить, как из зарослей остролиста шумно выбрался Пак и стал что-то объяснять старику длинными иностранными словами. В тот день хорошо подморозило, и на Паке тоже была длинная одежда, которая совершенно изменила его привычный вид.

– Да нет! – сказал он наконец по-простому. – Ты неверно понял мальчика. Вольный хлебопашец был только слегка ранен на охоте, по чистой случайности.

– Знаю я эти случайности! И что сделал жестокий барон? Засмеялся и проехал мимо?

– Это был не барон, а один из вашего народа, успокойся, Кадмиэль! – Глазенки Пака лукаво блеснули. – Он дал вольному хлебопашцу золотую монету, и дело было улажено.

– Еврей пролил кровь христианина, и дело было улажено?! – вскричал Кадмиэль. – Ни за что не поверю! Они его пытали?

– Никто не может быть арестован, оштрафован или казнен, пока вина его не будет доказана судом равных, – торжественно произнес Пак. – В Англии один закон и для еврея, и для христианина – закон, который был подписан в Раннимеде!

– Великая Хартия Вольностей, – прошептал Дан. Это было одно из немногих исторических событий, которые ему удалось запомнить. Кадмиэль резко повернулся, и от его колыхнувшихся одежд повеяло запахом восточных пряностей.

– Неужели и ты знаешь об этом, малыш? – воскликнул он, изумленно поднимая руки.

– Конечно, – сказал Дан и продекламировал:

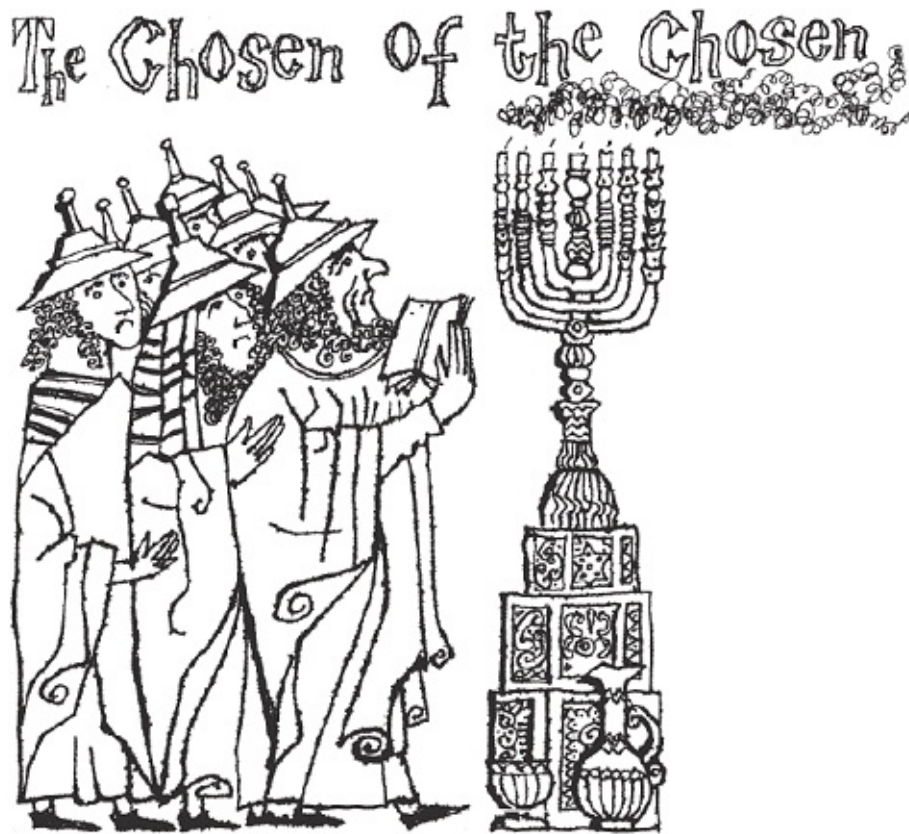
Великую Хартию Джон подписал,
Но Генрих Третий согласие поправил.

Старик Хобден говорит, что если бы не она (то есть Хартия), скучать бы ему сейчас в Льюисской тюрьме.

И вновь Пак объяснил его слова Кадмиэлю на каком-то странном

торжественном языке.

– Устами младенца глаголет истина, – улыбнулся тот. – Но ответь мне, и я назову тебя не младенцем, но мудрым Раввином: почему король подписал Новый Закон в Раннимеде?

Дан вопросительно взглянул на сестру. Теперь настал ее черед.

– Потому что ему некуда было деваться, – спокойно объяснила Уна. – Бароны его заставили.

– Нет, – возразил Кадмиэль, качая головой. – Вы, христиане, всегда забываете, что золото может сделать больше, чем меч. Этот славный король поставил подпись потому, что он не мог больше одалживать деньги у нас, презренных евреев. – Он нарочно ссутулил плечи, произнеся эти слова. – А король без золота – все равно что змея с перебитым хребтом; и я скажу вам, что это доброе дело, – тут брови его сдвинулись вместе, – перебить змее хребет. Что я и сделал! – заключил он торжественно, обращаясь к Паку. – Дух Земли, подтверди, что я это сделал.

Кадмиэль выпрямился во весь свой огромный рост, и голос его зазвенел, как труба. У него был на редкость гибкий голос – иногда

гремящий на низких тонах, иногда возвышающийся до пронзительных, жалобных нот, но всегда заставляющий слушать.

– Многие могут подтвердить это, – ответил Пак. – Расскажи этим малышам, как было дело. Не гляди, что им мало лет, зато они не знают Сомнений и Страха.

– Я понял это, как только увидел их лица, – сказал Кадмиэль. – Но их, конечно, научили плевать в евреев?

– Кто научил? – удивился Дан. – И где?

Пак со смехом откинулся назад.

– Кадмиэль в мыслях своих еще живет при короле Джоне. В те времена с его народом обходились очень плохо.

– О, мы это знаем! – ответили ребята и сразу же уставились Кадмиэлю в рот (они понимали, что это невежливо, но ничего не могли с собой поделаться), стараясь заметить, скольких зубов у него не хватает. Им запомнилось из уроков истории, что король Джон вырывал зубы у евреев, чтобы заставить их одалживать ему деньги.

Кадмиэль понял их взгляд и печально усмехнулся.

– Нет, король не вырывал у меня зубов, скорее я вырвал у него ядовитые зубы. Ну так слушайте. Родился я не в христианской стране, а среди мавров-мусульман в Испании – в маленьком белом городке у подножия гор. Да, мавры жестоки, но они, по крайней мере, научили людей безбоязненно размышлять. При моем рождении было предсказано, что я стану законодателем у народа с трудным языком и странной речью. Мы, евреи, издавна ждем прихода Царя и Законодателя. Почему бы и нет? Мои сородичи в городе (нас там было очень мало) выделяли меня как Дитя Пророчества – избранного среди избранных. Мы, евреи, всегда обуреваемы мечтами и снами. Этого не скажешь, глядя, как мы проскальзываем между кучами мусора в нашем квартале; но когда кончается день – при закрытых дверях и зажженных свечах – о, тогда мы опять становимся избранным народом!

Рассказывая, он шагал взад и вперед по опушке леса. Треск пальбы не стихал, и собаки поскуливали, припадая всем телом к сухой листве.

– Я был Царем – по крайней мере, Принцем. Представьте себе, что Принца, который отроду не слышал грубого слова, вдруг отдают сердитому, бородатому Раввину, который дергает его за уши и щелкает по носу, заставляя учиться! – учиться и учиться, чтобы сделаться Царем, когда придет время. Да, вот такой это был маленький Принц! Одним глазом он следил за мавританскими ребятишками, швыряющими камни, другим – блуждал по сторонам, стараясь отыскать свое Царство. Он научился беззвучно плакать, когда его травили и гонялись за ним по улицам. Он научился все делать беззвучно. Он залезал под стол и играл там, когда зажигали Большой Семисвечник, и он вслушивался, как вслушиваются дети, в разговор отца с его друзьями. Они прибывали из-за гор, со всех концов света, чтобы посоветоваться, ибо его отец был мудр.

Они приплывали из мест, где сражалась армия Салауд-Дина; они приезжали из Рима, из Венеции, из Англии. Они пробирались по переулку, тихо стучали в дверь, снимали свои лохмотья, облачались в чистую одежду и беседовали с отцом за стаканом вина. По всей земле язычники воевали друг с другом, и мой Принц слышал, играя под столом, как эти скромно одетые люди решали между собой, где, как и когда один король ополчится на другого короля и народ поднимется против народа. Почему бы и нет? Война невозможна без золота, а мы, евреи, знаем лучше всех, как движется золото в мире, от каких оно зависит ветров и приливов, как оно течет, кружа и петляя, то поднимаясь на поверхность, то вновь ныряя в недра земли, словно река – волшебная подземная река. Откуда это знать королям,

которые умеют лишь сражаться, грабить и убивать?

Никогда не слышавшие ничего подобного, ребята слушали с широко раскрытыми глазами, вприпрыжку поспешая за длинным шагом расхаживавшего взад-вперед старика. Он поправил на ходу отворот кафтана, и квадратная золотая пластинка, украшенная бриллиантами, на мгновение блеснула сквозь мех, как ночная звезда сквозь падающий снег.

– Не в этом дело, – сказал он. – Но, поверьте мне, мой Принц не раз видел, как вопрос войны или мира запросто решался монетой, брошенной на спор между евреем из Бери и еврейкой из Александрии в доме его отца, при свете зажженного Семисвечника. Ах, мой маленький Принц! Немудрено, что он быстро учился.

Он что-то пробормотал про себя и продолжал:

– Моей профессией было врачевание. Изучив основы этого искусства в Испании, я отправился на Восток искать свое Царство. Почему нет? Еврей легок на подъем, как воробей, и свободен, как бездомная собака. Он бежит оттуда, где за ним охотятся. На Востоке я нашел библиотеки, где люди могут безбоязненно думать, и медицинские школы, где осмеливаются учить и учиться. И был прилежен в занятиях. Потому-то меня призвали к себе коронованные владыки. Я был братом царей и другом нищих бродяг, я ходил по земле между живыми и мертвыми. Но все было бесполезно – я не нашел своего Царства. И вот, на десятый год своих скитаний, достигнув берегов Восточного Океана, я решил вернуться домой. Господь хранил мой народ. Никто не был убит, даже ранен, и лишь несколько человек было подвергнуто бичеванию. Я вновь сделался сыном в отцовском доме; вновь зажегся Большой Семисвечник, и вновь скромно одетые люди в сумерках стучались в нашу дверь, и я снова слышал, как раздавали мир и войну, словно золото, взвешенное на весах менялы. Но сам я не был богат. И когда имеющие власть, деньги и мудрость говорили между собой, я сидел в тени. Почему нет?

Мои странствия доказали мне, что король без денег – словно копье без наконечника. От него не может быть много вреда. И однажды я спросил у Элиаса из Бери, большого человека среди нашего народа: «Зачем наши люди ссужают деньгами королей, которые их же потом угнетают?» – «Потому что, – отвечал Элиас, – если мы им откажем, они возмутят против нас народ, а народ в десять раз более жесток, чем любой король. Если ты сомневаешься, поезжай со мной в Бери, в Англию, и поживи там, как я живу».

Я увидел лицо матери в мерцании свечей и сказал: «Хорошо, поедем. Может быть, там я найду свое Царство».

И я приплыл с Элиасом в Бери, где царили темнота и жестокость. Да и откуда взяться мудрости, если в сердце злоба? В Бери я вел расходные книги Элиаса, и я видел, как на площади убивают евреев. Нет, никто не смел поднять руку на Элиаса. Он ссужал деньги королю, и королевская благосклонность была его щитом. Монарх никогда не отнимет жизнь, пока можно отнимать золото. Этот король – да, его звали Джон – жестоко угнетал своих подданных, потому что они давали ему мало денег. А между тем он правил богатой страной. Если бы он только дал ей передохнуть, он бы собрал богатый урожай. Но даже этого он не понимал, ибо Бог лишил его разума и наслал беду, голод и отчаяние на его народ. Оттого люди и ожесточились против евреев, которые для всех христиан – вроде собак. Почему бы и нет? И наконец бароны вместе с простолюдными поднялись против немилосердного короля. Не то чтобы бароны так уж любили простой народ, но они видели, как король грабит и губит всех подряд, и поняли, что вскоре очередь дойдет и до них. Они объединились с чернью, как кошки объединяются со свиньями, чтобы убить змею. Я вел расходные книги, и я все это замечал, ибо помнил Пророчество.

Многолюдное собрание баронов (большинство из которых одалживало у нас деньги) съехалось в Бери и здесь, после долгих споров и разговоров, они составили свиток Новых Законов, которые они хотели навязать королю. Если бы он поклялся их соблюдать, они бы дали ему денег. А деньги были для короля главным земным божеством. Они показали нам свиток Новых Законов. Почему бы и нет? Мы ссужали им деньги. Мы знали все об их совещаниях – мы, евреи, дрожавшие по своим домам в Бери. – Кадмиэль резко выбросил вперед ладонь. – Нет, мы не требовали, чтоб нам вернули все деньги. Мы искали власти – Власти! Вот наш Бог в пленении и рассеянии. Власть!

«Это хорошие законы, – сказал я Элиасу. – Не надо больше давать денег королю: до тех пор, пока у него будут деньги, не прекратятся неправда и казни».

«Нет, – отвечал Элиас. – Я знаю этих людей. Они жестоки и безумны. Лучше один король, чем тысяча мясников. Я давал немного денег баронам, чтобы они не растерзали нас, но большую часть своих денег я одолжил королю. Он обещал мне место при дворе, где я и моя жена будем в безопасности».

«Но если короля заставят блюсти Новые Законы, – возразил я, – страна получит мир, и наша торговля будет расти. А если мы дадим ему денег, он снова будет воевать». – «Кто назначил тебя законодателем в Англии? – рассердился Элиас. – Я лучше знаю этих людей. Пусть собаки грызутся! Я одолжу королю десять тысяч золотых монет, и пусть он бьется с баронами в свое удовольствие!»

«Во всей Англии сейчас не найдется и двух тысяч золотых монет», – сказал я, ибо расходные книги были в моих руках и я знал, как движется золото в мире – этот волшебный подземный поток. И тогда Элиас закрыл ставнями окна, приложил палец к губам и поведал мне, как однажды, приплыв с небольшой партией товара на французском корабле, он попал в замок Пэвенси...

Элиас из Бери

– Опять Пэвенси! – вырвалось у Дана, а Уна от волнения аж подпрыгнула на месте.

– Там какие-то молодые рыцари ограбили его и, разметав содержимое его тюков по залу, отвели в башню и спустили в колодец, где вода поднималась и опускалась вместе с приливом. Они издевались над ним и швыряли сверху факелы ему на голову. Почему бы и нет?

– В колодец!.. – нетерпеливо воскликнул Дан. – Но разве вы не знали, что там... – Пак выразительным жестом заставил его умолкнуть. Между тем Кадмиэль, ничего не замечая, продолжал:

– Когда прилив пошел на убыль, ему показалось, что он стоит на каких-то старых доспехах. Поелозив ногами под водой, он понял, что то были слитки – много слитков мягкого золота. Должно быть, чье-то несправедное сокровище было спрятано здесь в стародавние времена, а тайна – обрублена мечом. Я слышал о подобных случаях.

– Мы тоже, – прошептала Уна. – Только оно не было несправедным...

– Элиасу удалось выбраться из колодца, захватив с собой немного золота, и с тех пор трижды в год с коробом разносчика, торгующего по самой дешевой цене, он навещался в Пэвенси, пока ему не разрешили ночевать в пустующей башне, где он тайком спускался в колодец и добывал на ощупь несколько слитков. Большая часть золота по-прежнему оставалась на месте, и постепенно он стал смотреть на него как на свое собственное сокровище. Однако забрать все золото оставалось неразрешимой задачей. Представьте себе неприступную крепость, которой владеют норманны, и посередине ее – колодец глубиной в сорок футов, откуда надо достать и тайно вывезти много лошадиных тюков с золотом. Безнадежно! Элиас чуть не плакал от досады, и его жена, Ада, тоже. Она так мечтала стоять рядом с камеристками королевы, когда король предоставит им место при дворе, как обещал. Почему бы и нет? Она родилась в Англии, эта глупая женщина.

Но хуже всего было то, что Элиас в своем безумном упрямстве уже пообещал королю снабдить его золотом. Поэтому тот и слушать не желал ни баронов, ни других своих поданных, и кровопролитие продолжалось. Ада так стремилась занять место при дворе, что все время убеждала Элиаса открыть королю местонахождение клада, чтобы он мог завладеть им силой, – и тогда они рассчитывали на его благодарность. Элиас колебался, потому что уже привык считать золото своим. Они бранились и плакали за ужином, и когда поздно вечером прибыл посланец от баронов – некий весьма ученый священник по имени Лэнгтон, – они ушли к себе.

ЛЭНГТОН

Кадмиэль презрительно улыбнулся в бороду. Стрельба на другом краю долины утихла: охотники меняли позиции перед последней серией выстрелов.

– Так что это я, а не Элиас, уточнил с Лэнгтоном сороковую статью Законов.

– Уточнил? – живо спросил Пак. – Сороковая статья Великой Хартии читается так: «Ни одному человеку мы не откажем в правосудии; правосудие не продается и не допускает промедления».

– Верно; но бароны сначала написали: «Ни одному свободному человеку...» Потребовалось двести полновесных монет, чтобы убрать только одно слово. Лэнгтон, священник, понял. «Хоть ты и еврей, – сказал он, – поправка твоя справедлива, и если когда-нибудь христиане и иудеи в этой стране будут иметь одинаковые права, народ будет благодарен тебе». Он вышел крадучись, как любой христианин, водящий дела с евреями среди ночи. Я думаю, он истратил мой дар на украшение алтаря. Почему бы и нет? Я беседовал с ним: о многом мы думали сходно, хотя в

некоторых вещах он был сущее дитя.

Я слышал, как Элиас с Адой ссорились наверху, и знал, что Ада в конце концов одолеет и заставит мужа рассказать королю о золоте. Я понял, что должен любой ценой убрать сокровище подальше от них. Я вдруг услышал, как мой Господь воззвал ко мне: «Час настал, о житель Земли!»

Кадмиэль остановился и на мгновение застыл – огромная черная фигура на фоне бледно-зеленого неба – величественная, как Моисей из иллюстрированной Библии.

– Я поднялся и вышел. В ту минуту, когда я закрывал за собой дверь этого Дома Глупости, жена Элиаса высунулась из окна и шепнула:

«Все в порядке. Я уговорила его».

«Нужды нет. Со мною Господь», – ответил я и пошел прочь. В тот час Бог вразумил меня, что делать, и его длань охраняла меня в пути. Сперва я поехал в Лондон, к врачу-еврею, который продал мне нужные снадобья. Скоро узнаете какие. Потом я поспешил в Пэвенси. Повсюду кипела война, ибо ни правителей, ни судей не было в этой ужасной стране. Но я без боязни проходил мимо сражающихся толп, и люди кричали, что это идет Ахашверош, Вечный Жид, обреченный жить и скитаться до конца веков, и бросались от меня врассыпную. Так Всевышний хранил своего слугу ради его замысла. Добравшись до Пэвенси, я купил лодку и спрятал ее в камышах возле Болотных ворот Замка. Там, где указал мне Господь.

Кадмиэль говорил спокойно, будто рассказывал не о себе, а о ком-то другом, и его голос гулкой музыкой наполнял облетевшую рощу.

– Я вылил снадобье, – его рука потянулась к вороту, и вновь сверкнула сквозь мех драгоценная пластинка, – я вылил снадобье в питьевой колодец. Нет, никакого зла я не причинил. Чем больше знает врач, тем он дальше от зла. Лишь глупец говорит: «Испытаем». Я знал, что у них на коже появится пятнистая сыпь, которая совершенно безвредна и исчезнет через пятнадцать дней. Я не посягал на их жизнь. Увидев эту сыпь, они подумали, что пришла Чума, и бросились вон из замка, забрав с собою даже собак.

Врач-христианин, увидевши, что я еврей и чужестранец, заявил, что это я принес из Лондона страшную болезнь. В первый раз я слышал, как христианский лекарь оказался прав, да и то ненароком. Меня схватили и били, но какая-то милосердная женщина сказала: «Не убивайте его сейчас, но бросьте его в зачумленный замок, и если, как он утверждает, болезнь ослабнет через пятнадцать дней, тогда его можно будет убить». Почему бы и нет? Они прогнали меня копьями через подъемный мост и поспешно убрались восвояси. Так я и остался в замке наедине с сокровищем.

– Но почему вы были так уверены, что все получится как надо? – спросила Уна.

– Я верил предсказанию, что мне суждено стать Законодателем у народа с трудным языком и странной речью. Я знал, что не могу погибнуть. Я промыл свои раны, нашел соленый колодец в стене и приступил к делу. От субботы до субботы я спускался в колодец, и нырял, и копошился в воде. Ха! Я грабил этих египтян, мнимо пленивших меня! Если б они только знали! Все вытащенное золото я погрузил в лодку, работая по ночам. Там был, кажется, и золотой песок, но его смыло волнами.

– А вы не задумывались о тех, кто спрятал это сокровище? – спросил Дан, кинув быстрый взгляд на Пака, который спокойно слушал, прикрыв голову капюшоном плаща. Пак сжал губы и укоризненно покачал головой.

– Задумывался, и очень часто, – отвечал Кадмиэль. – Прежде всего потому, что само золото было необычным. Я знаток золота, могу определить его качество хоть в темноте, но это было тяжелее и краснее, чем то, с каким я раньше имел дело. Может быть, это было парваимское золото.

Почему бы и нет? Мне пришло в голову бросить его в трясину на берегу, но я понимал: источник зла должен быть уничтожен, ибо если останется даже слабая надежда найти его, король не подпишет Новых Законов, и страна погибнет.

– Чудеса! – чуть слышно выдохнул Пак, загребая ногами сухие листья.

– Нагрузив лодку, я вымыл руки семь раз и вычистил под ногтями, чтобы ни одна крупинка золота не пристала ко мне. Я проплыл через маленькие воротца, служившие в замке для выбрасывания сора. Я не осмеливался поставить парус, чтобы меня не заметили, но Господь велел отливу осторожно нести мою лодку, и до наступления утра я был уже далеко от берега.

– И вам не было страшно? – спросила Уна.

– С какой стати? Ведь в лодке не было христиан. На рассвете я прочел молитву и бросил золото – все золото, какое там было, – в бездну моря. Королевский подарок, верно? Но дело стоило этого. Когда я швырнул в воду последний слиток, Господь велел приливу вернуть меня к берегу, в устье той же самой реки, и оттуда я дошел пешком до Льюиса, где жили мои сородичи. Они открыли мне дверь, и тут – я не помню этого сам, но мне рассказывали – я упал через порог с криком: «Я утопил в море целую армию с конницей!»

– То есть как? – удивилась Уна. – А! Я понимаю: вы имели в виду, что король Джон мог нанять армию на эти деньги?

– Именно так, – согласился Кадмиэль.

Неподалеку от них снова раздалась стрельба. Над верхушками высоких сосен взлетали фазаны. Видно было, как азартно палил молодой мистер Мейер, стоя в конце линии, и слышно было, как со стуком падали подбитые птицы.

– А что сделал Элиас из Бери? – спросил Пак. – Который обещал деньги королю.

Кадмиэль мрачно усмехнулся.

– Я сообщил ему из Лондона, что Бог на моей стороне. Когда он услышал, что в Пэвенси разразилась чума и какого-то еврея бросили в зараженный замок, чтобы остановить болезнь, он понял все. Они с Адой поспешили в Льюис и потребовали у меня отчета. Он все еще смотрел на это золото как на свою собственность. Я рассказал, где теперь лежит сокровище, и предложил им попытаться поднять его со дна... Э, да что говорить! Проклятия дураков и дорожная пыль – две вещи, которых не избегнет мудрец... Но мне было жаль Элиаса. Король разгневался на него, не получив ссуды, бароны же негодовали, прослышав, что он собирался

дать деньги королю; наконец, Ада негодовала больше всех из-за своего глупого тщеславия. Они сели на корабль, идущий из Льюиса в Испанию. Это был лучший выход!

– А ты? Видел ли ты подписание Хартии в Раннимеде? – спросил Пак.

– Нет! Кто я таков, чтобы совать нос в дела государственной важности? – улыбнулся Кадмиэль. – Я воротился в Бери и давал в долг деньги под залог осеннего урожая. Почему нет?

Сверху раздался треск. Подбитый фазаний петух, падая по длинной кривой траектории, свалился рядом с ними, увлекая с дерева целый ворох сухой листвы. Флора и Оболтус бросились к нему, и пока дети отгоняли их и расправляли смятое оперение красавца, Кадмиэль исчез.

– Ну что? – спокойно произнес Пак. – Что вы на это скажете? Виланд дал Меч, Меч дал Сокровище, а Сокровище дало Закон. Просто, как дубок из желудя.

– Я только не понимаю, знал ли Кадмиэль, что Сокровище принадлежало встарь сэру Ричарду? – спросил Дан. – И почему сэр Ричард и брат Хью оставили его лежать на прежнем месте? И еще...

– Не волнуйся, – вежливо сказала Уна. – Он скоро придет к нам опять, чтоб дать нам воочию узреть и узнать. Правда же, Пак?

– Очень может быть... Брр! Холодно-то как – и поздно, – заторопился Пак. – Побежали домой! Наперегонки!

И они пустились бегом по оврагу и дальше через поле. Солнце уже почти исчезло за горой Черри-Клек, истоптанная коровами трава возле полевых ворот кое-где покрылась изморозью, и пробудившийся северный ветер дул, нагоняя ночной сумрак из-за холмов. Они мчались не чуя ног по увядшим, потемневшим лугам, и, когда приостанавливались, запыхавшись, изо рта у них вырывался пар и мертвая листва, кружась, летела им вослед. В этой кружащейся о пали было довольно листьев Дуба, Ясеня и Терна, чтобы заморозить и усыпить тысячи воспоминаний.

Так что, когда они сбежали к ручью по травянистому склону, они уже только удивлялись, как это Флора с Оболтусом упустили лисицу, прятанную в каменоломне.

Старик Хобден только что закончил чистку живой изгороди и собирал в кучу прутья и сорняки. В потемках виднелась его светлая рабочая блуза.

– Зима пришла! Настоящая зима, верно? – окликнул он ребят. – Суровые времена надолго, до самой Вешней Ярмарки в Хеффле. Зато вот будет веселье, когда старушка выпустит кукушку из корзинки и весна воцарится в Англии!

Раздался хруст, удар и громкий всплеск, как будто большая корова перебиралась через ручей совсем рядом. Хобден сердито бросился к броду.

– Опять этот Глисонов бык валяет дурака и куролесит по всей ферме! Смотрите-ка, вот след от его копыта – глубокий, как окоп! Конца нет его выходкам!

На другой стороне ручья чей-то голос вдруг запел:

Не знаю, чей он примет вид, Людей в пути дурача, Кого в ночи приворожит Фонарь его бродячий...

И дети пошли к дому, распевая что есть мочи: «Где вы теперь, подарки фей...» Они совсем забыли, что даже и не попрощались с Паком.

Песня детей

*Тебе, наш край, наш отчий дом,
С любовью в дар мы принесем
Труд наших рук и сил запас,
Когда придет наш день и час.*

*Отец Небесный, чад своих
Ты укрепи для дел благих:
Дай убережь нам от глупцов
Наследье дедов и отцов.*

*О, дай нам в юные года,
Вкусив терпенья и труда,
Познать единый Твой закон
Для всех народов и племен.*

*О, научи, Всевышний, нас
Владеть собой во всякий час,
Чтоб с чистым сердцем в миг любой
Предстать могли мы пред Тобой.*

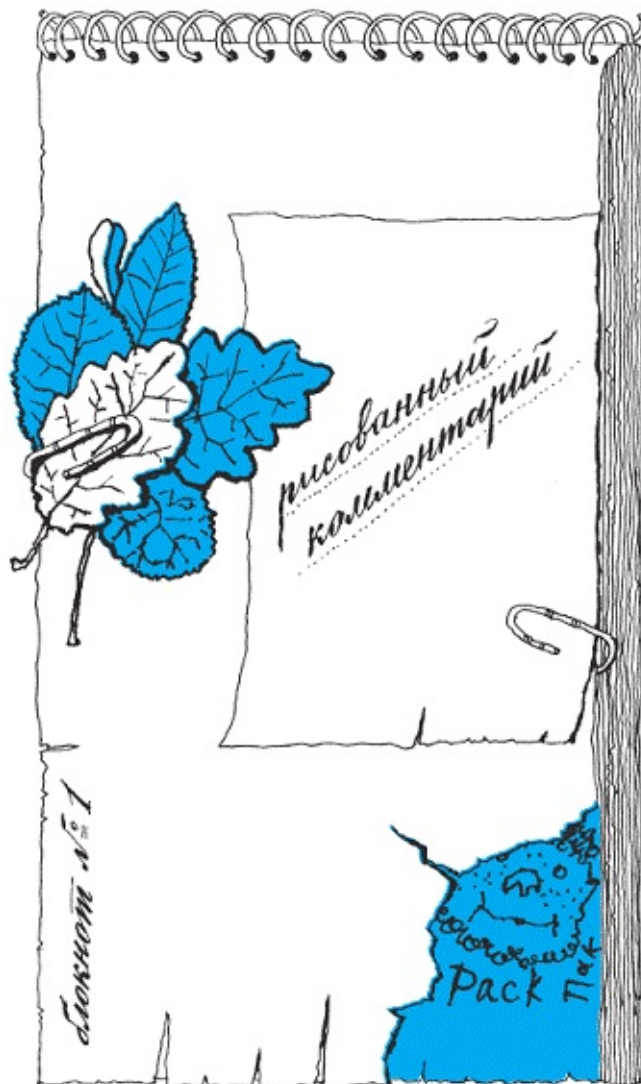
О, дай нам высшее из благ:
Сверять с Тобою каждый шаг,
Чтоб нас ни слава, ни хула
От цели прочь не увела.

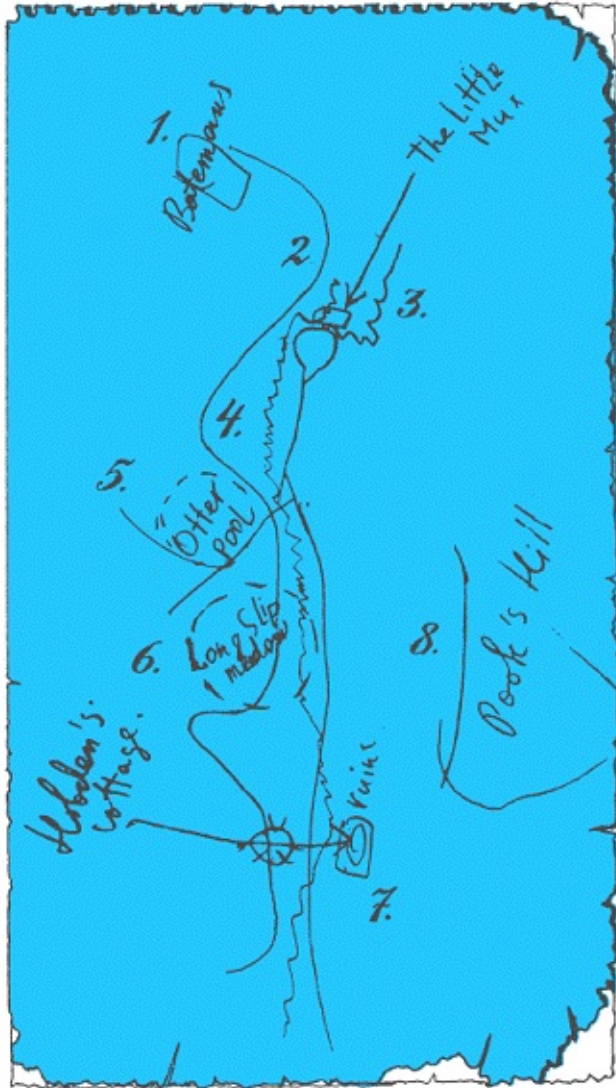
О, дай нам сил, чтоб никогда
Слабейшим не чинить вреда, —
И власти, чтоб укрыть от бед
Тех, у кого укрыться нет.

О, научи Ты нас, Отец,
Премудростям простых сердец:
Не унывать, не помнить зла,
Вершить с любовью все дела.

*Земля, где предков наших кровь,
Тебе служить клянемся вновь —
Руками, сердцем и умом —
Наш славный край, наш отчий дом!*

Рисованный комментарий

ПЛАН
окрестностей
УСАДЬБЫ
КИПЛИНГА,
названный
Григорием
Кружковым

1. Усадьба
2. Дорога
3. Водяная мельница
4. Ручей
5. Озеро
6. Луг Длинный
Скайт
7. Домик Хобдена
8. Холм Пака
(Волшебный холм)

Лесня Пакс

Альфред Великий – англосаксонский король (годы правления 871–901)

 Будучи королем Уэссекса, он выдвинулся в борьбе против скандинавских наделов и объединил под своей властью большую часть страны.

✠°✠°✠° ALFRED REX ✠°✠°

Цезарь, Гай Юлий – римский император (100–44 гг. до н. э). Совершил победоносный поход в Британию во время Галльской войны.

Мерлин – волшебник, герой легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Меч Виланда

«Сон в летнюю ночь» – комедия Шекспира, большая часть действия которой проходит в заколдованном лесу, где правит король эльфов Оберон и его жена королева Титания.

Ткач Основа, а также Рыло и Буравчик – ремесленники, репетирующие в этом лесу пьесу для предстоящего праздника.

Нак, иначе именуемый Родни-бесельчак, — проказливый эльф на службе у короля Одерона.

Ла-Манш — широкий пролив, отделяющий Англию от Франции.

Извенси — порт на берегу Ла-Манша (графство Сассекс).

„Иде вы теперь, подарки фей“ — цитируется стихотворение поэта XVIII века Рихарда Кордета „Подарки фей“.

Королева Мэри, по прозвищу Кровавая (годы правления 1553–1558), Елизавета I (1558–1603) и Яков I (1603–1625) правили велед друи за друи.

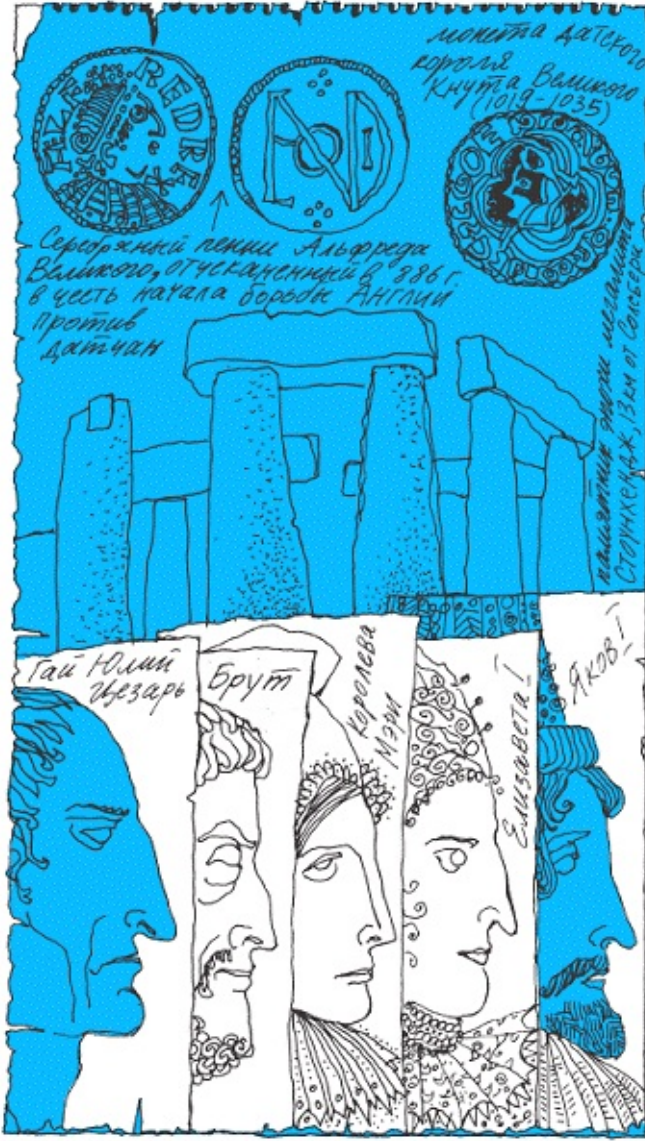

Стонхендж — знаменитое сооружение бронзового века вблизи Солсбери в Англии, состоящее из нескольких концентрических кругов врытых в землю каменных глыб, — место древних религиозных обрядов.

Тинтаджел (Тинтаиль) — замок в юго-восточной части Англии, постоянно упоминаемый в легендах о короле Артуре.

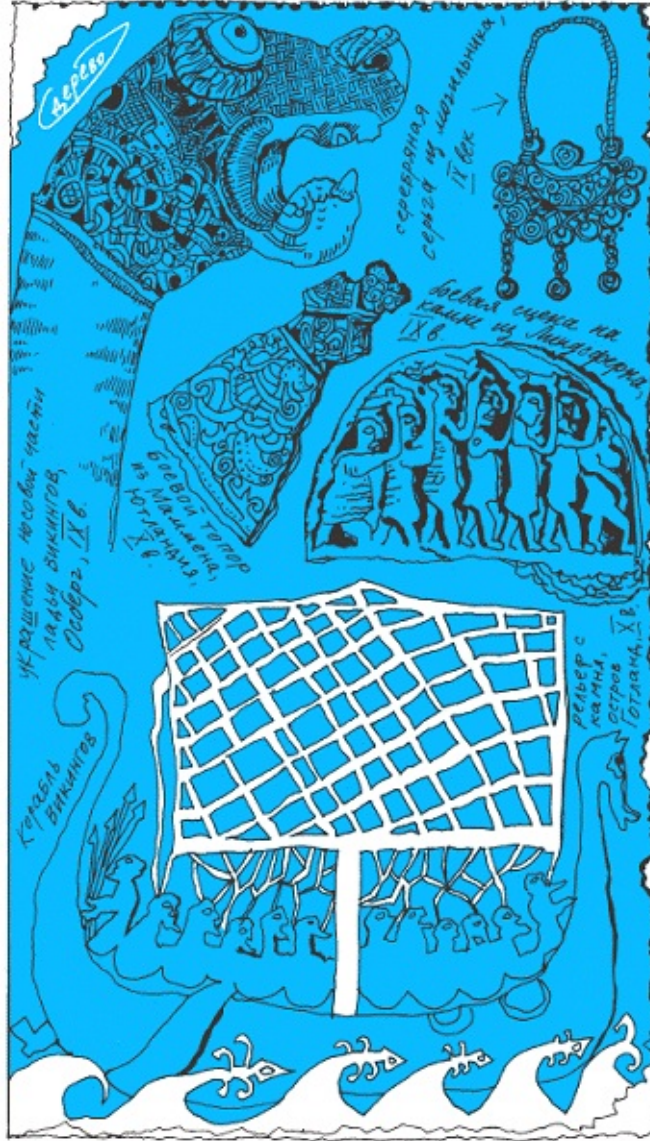
Тор — бог-громовержец, второй по значению после Одина бог (иначе ас) в скандинавской мифологии.

Асгард — небесное селение богов-асов.

МИР ВИКИНГОВ

Легенка о деревьях

Иванов день, или день Ивана Купала, — день летнего солнцестояния (24 июня). Существуют многочисленные предания о чудесах, совершающихся в этот день и особенно в ночь накануне (Купальская ночь).

Эней — сын царя Приама, бежавший из сгоревшей Трои в Италию и ставший родоначальником римлян.

Брит — по преданию, рассказанному Гальфридом Монмутским (XII век) в «Истории бриттов», родич Энея, троянец, который отправился на далекий Запад, завоевал остров Альбион, назвал его Бритония, или Британия, и сделался родоначальником бриттов. Лондон, согласно тому же преданию, был основан Бритом и назван Новой Троей.

Молодежь в поместье

Вильгельм Незаконнорожденный, герцог Нормандский, впоследствии английский король Вильгельм Завоеватель (годы правления 1066–1082).

WILLYEM

Победил короля Английского в битве при Гастингсе (1066), покорил Англию и раздал большую часть владений саксонской знати пришедшим с ним норманнским баронам.

Руан — город во Франции.

В XI веке — столица Нормандского герцогства.

Кент — графство, лежащее по соседству с Сассексом, — юго-восточная часть Британии.

Искатели приключений

Король Вильям II Рыжий, или

Красный (Rufus — красный лицом, а не рыжий волосами), — средний сын Вильгельма (Вильяма) Завоевателя.

Правил с 1087 по 1100 год. Отличался крайней жестокостью.

Мавры в Испании — речь идет о войнах Реконквисты (XI—XIV вв.), в течение которых христианские полководцы отвоевали у арабов-мусульман (мавров) Испанию.

Между островами Горы и побережьем Африки — остров Горы, по-видимому, главный из Канарских островов. Дальнейший маршрут Виттвы и его людей, судя по описаниям, пролегал к берегам Гвиней (Африка).

Стариски в Пэвенси

Солсбери и Шрусбери – города в Южной Англии, к западу от Лондона.

Роберт Нормандский (умер в 1134 году) – старший сын Вильгельма Завоевателя, его наследник в Нормандии. Претендовал также на власть в Англии.

Генрих I – английский король (годн жизни 1068–1135), младший сын Вильгельма Завоевателя. Первоначально не имел права на корону, но после смерти Вильгельма II в 1100 году наследовал английскую корону. Справедливым правлением привлек на свою сторону англосаксов. В битве при Ментрэ (Нормандия) 26 сентября 1106 года разбил войско своего брата Роберта и пленил его.

„Сон невольника“ – стихотворение Генри Лонгфелло.

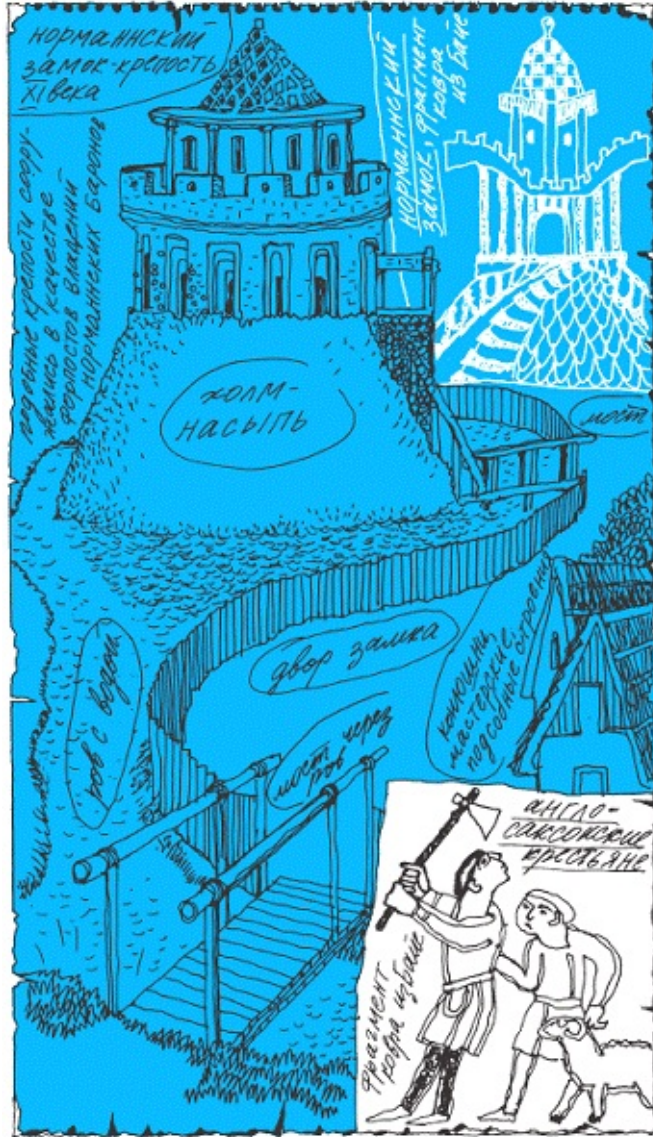

Вверху: Гарольд у Гастингса. Внизу: битва.
Фрагменты ковра королевы Матильды из Байе, XII век.

Центурии Трнадцатого Легиона

Легион – основная единица в армии Древнего Рима (6 тысяч человек), делится на десять когорт, каждая из когорт – на шесть центурий по сто человек в каждой.

Центурион – командир центурии.

"Песни Древнего Рима" – поэма М. Маколев. Входила во многие поэтические антологии для семейного чтения.

Ларе Порсека – этрусский царь, захвативший Рим в V веке до н. э.

Остия – морской порт вблизи Рима.

Юликул – один из девяти римских холмов.

Остров Уайт лежит у южного побережья Англии.

Африкола (37–97 н. н. э.) – римский полководец в Британии.

Трациан (359–383 н. н. э.) – римский император. С 379 года правил вместе с братом Валентинианом II и Феодосием I. Убит в Галлии во время восстания Максима Мануса.

Максим Ма́нус (умер в 388 г.) – римский полководец; родом из Испании (Иберии).

В 383 году поднял мятеж в Британии и был одъзвлен императором. Предпринял наступление на Рим, но после долгой борьбы был побежден Феодосием I.

Митра – среднеазиатское божество солнца, культ которого был распространен в Римской империи. Храмы Митры часто помещались в подземельях (катакомбах).

Адрианов Вал возведен римлянами для защиты северных рубежей их владений в Англии. Начало строительства – при императоре Адриане (117–138).

Клаудэнтум – ныне город Саутхемптон.

у Аурелиана Вала

Фавн – лесное божество у древних римлян. Так Парнезий называет Нака.

Воинский орел – знамя (опознавательный знак без полотнища) с изображением орла и с названием войсковой части в римском войске.

Нуmidiйцы – отряд, набранный в Нуидии (Северная Африка).

Ксенофонт (434–355 н. до н. э.) – греческий историк.

Цицерон, Марк Туллий (106–43 н. до н. э.) – знаменитый римский оратор и политик.

Феодосий Великий, сын Феодосия (376–395) – римский император.

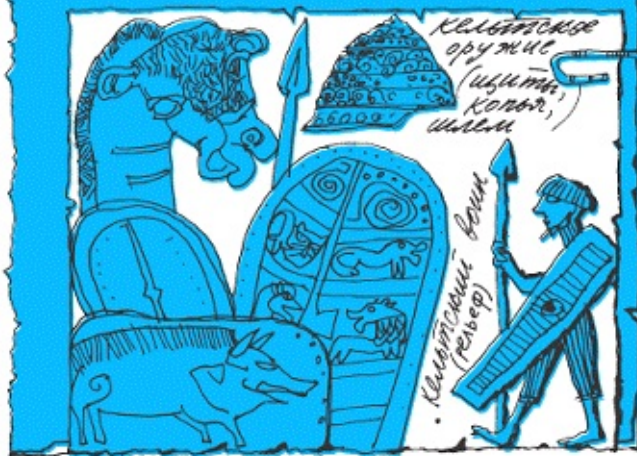
Триумф – торжество в Древнем Риме в честь полководца-победителя с парадом войск, демонстрацией трофеев и пленных.

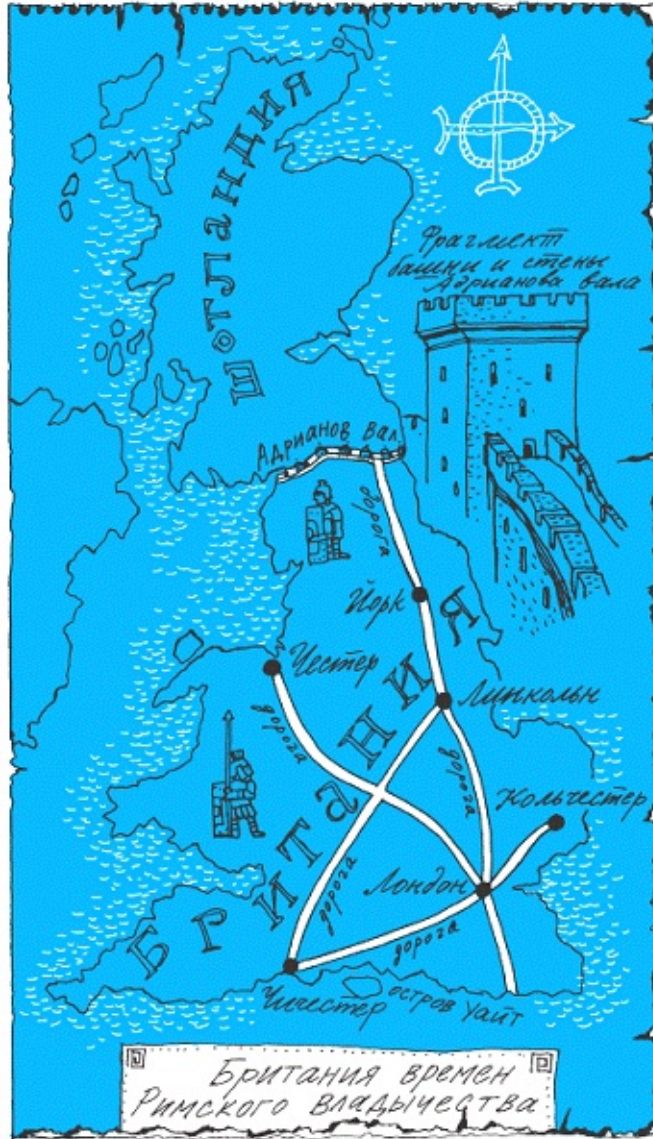

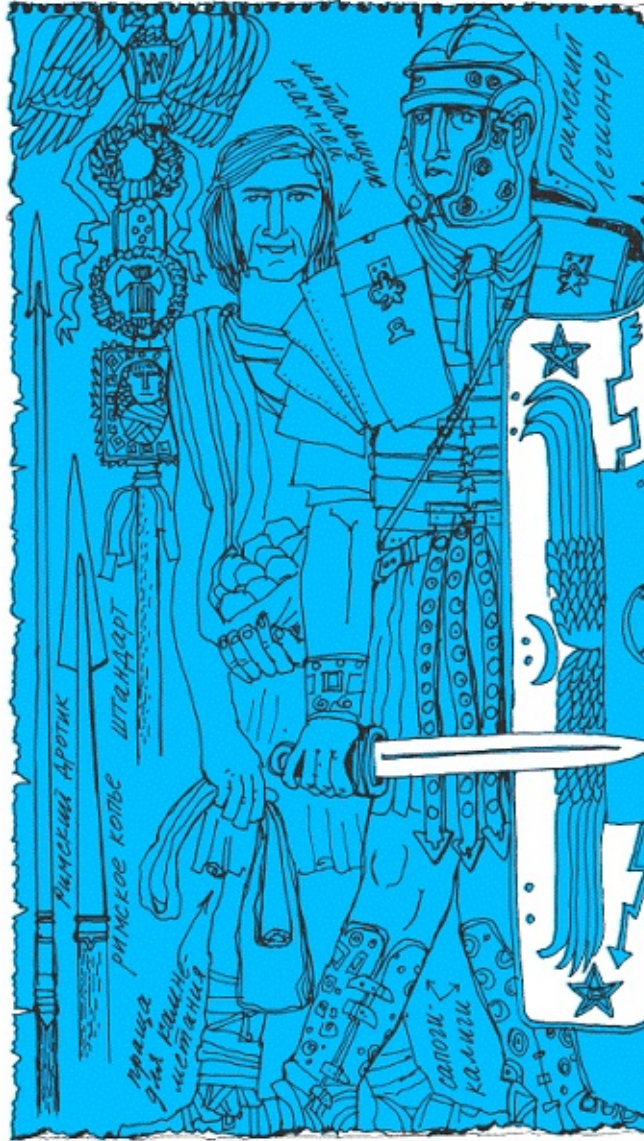
Мергельная яма – место, где добывали мергель, строительный материал вроде цемента.

Песня пиктов

Пикты (pictus (лат.) – раскрашенный) – племена, возникшие от смешения кельтов, пришедших в Британию с материка за два-три века до нашей эры, с жившими там иберами. Свое название получили от одыга, щедро украшать свое тело татуировками.

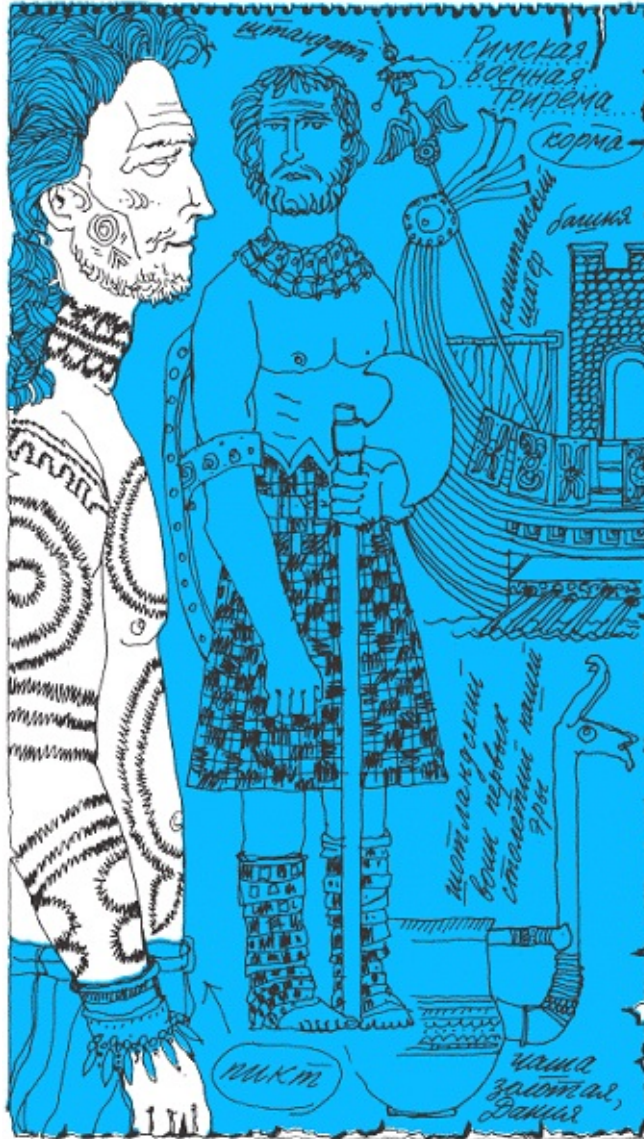

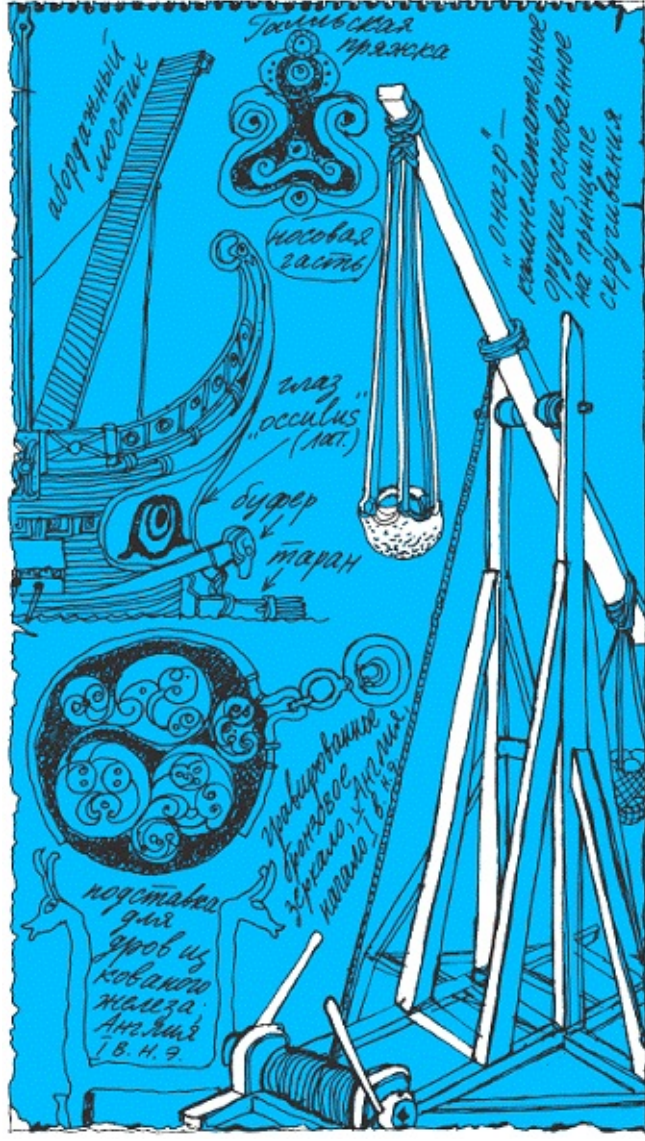

Тэа Чертежник

Джек Кейд – предводитель крестьянского восстания.

В 1450 году захватил Лондон.

Гаргюль – архитектурное украшение в виде уродливо-смешной каменной головы с раскрытым ртом.

Колледж – высшее учебное заведение.

Самые старые английские колледжи находятся в Оксфорде и Кембридже.

Линкольский портал в Линкольне – имеется в виду Линкольнский собор, одно из красивейших готических зданий в Англии.

Мертонский колледж – в Оксфорде.

Этаких споров, раздоров и драк
Не было раньше в английской земле;

Ересь и хмель, индюки и табак
Пришли к нам на одном корабле.

Действительно, хмель, индюки и табак были завезены в Англию примерно в одно и то же время – в XVI веке. Под ересью подразумеваются нововведения (Реформация), произведенные королем Генрихом VIII, который объявил себя главой английской церкви, упразднил монастыри и т. д.

Кэбот, Себастьян (1472?-1557) – знаменитый английский мореплаватель.

Черная смерть – так в Средние века называли чуму, эпидемию которой опустошали целые города.

Льюис – город в Сассексе.

Порт-Рай – порт на юге Англии, недалеко от Гастингса.

Переправа Эльфантов

Был я в Дубре, был я в Лидде,
всю я землю перебрал –

юмор этого присловья в том, что и порт Дубр, и город Лидд лежат в графстве Кент – неподалеку друг от друга и от местоположения рассказчика.

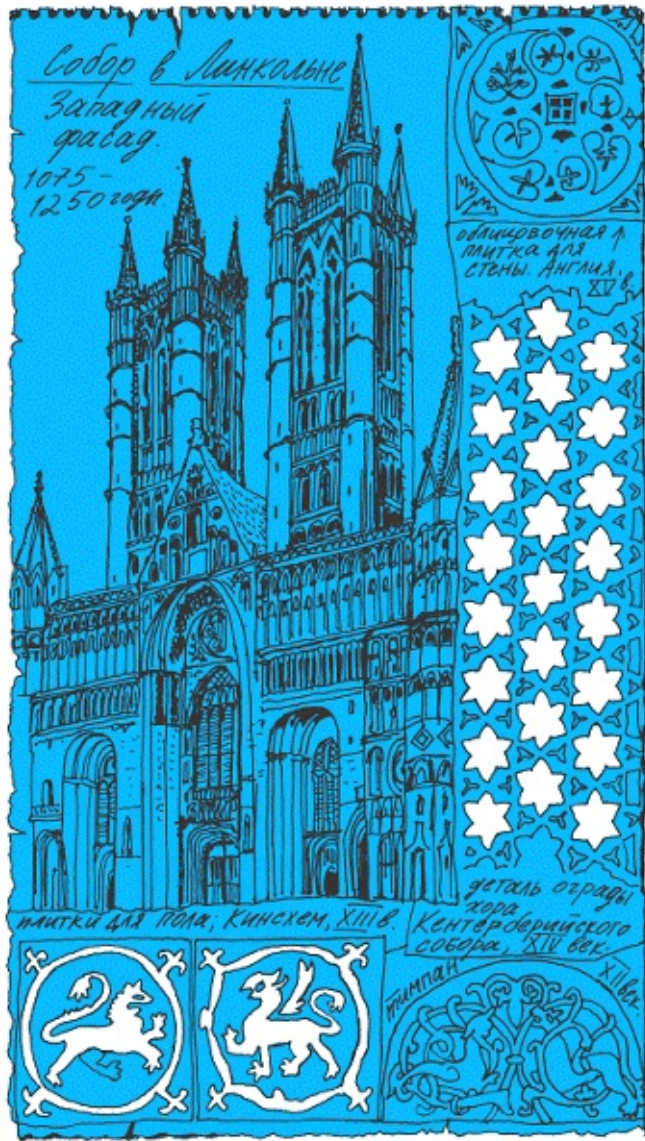
Рэмнинские Болота (Болотный Край) – лежат к востоку от порта Рай в графстве Кент.

Папаша королевы Бет – король Генрих VIII.

Кентерберийские колокола – Кентерберри (или просто Берри) – город в графстве Кент, религиозный центр Англии на протяжении ряда веков.

Собор в Линкольне
Западный
фасад.
1075 -
1250 годы

облицовочная
плитка для
стен Англии.

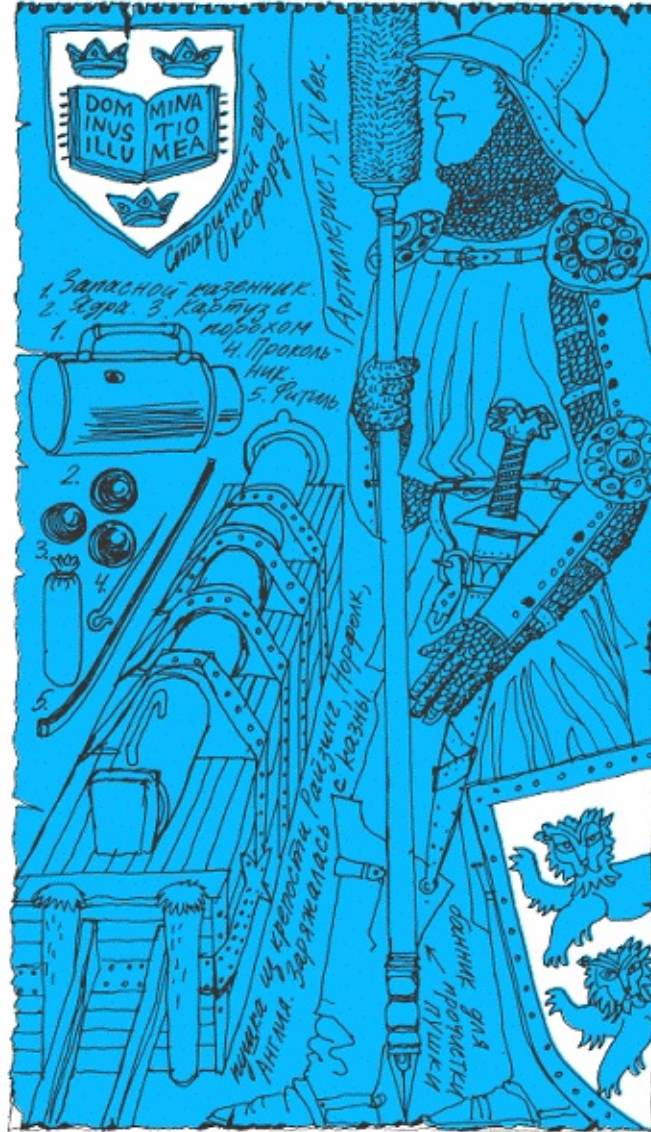
плитки для пола, Кингхем, XIII в.

деталь ограды
 хора
Кентерберийского
собора, XIV в.

Тимпан XII в.

Тенрих VIII английский
король-реформатор XVI в.

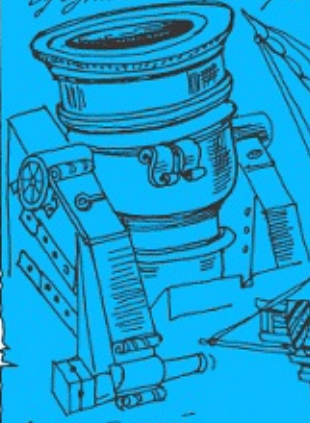

Франсис Дрейк
(1540 - 1596 гг.)

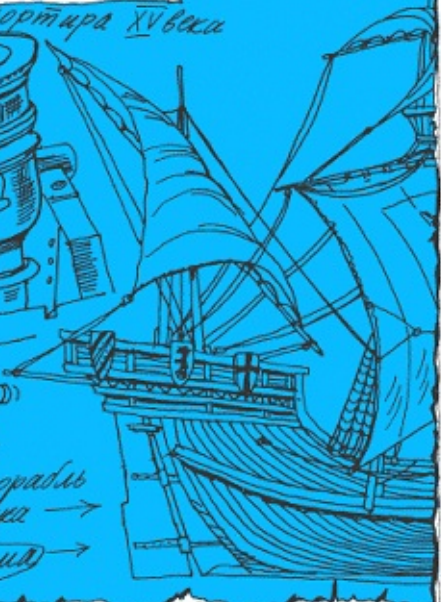

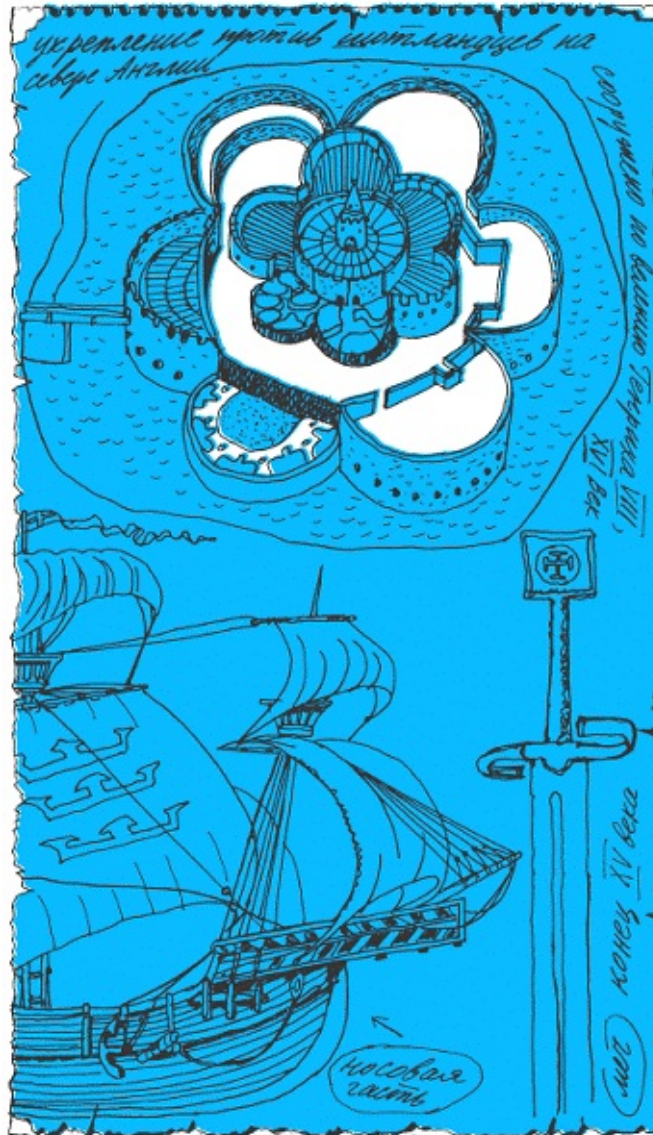
знаменитый
английский
пират и море-
плаватель

мужанная мортира XV века

Английский
торговый корабль
XIV века →
(корм) →

укрепление против шотландцев на севере Англии

сооружено по приказу Генриха VIII, XVI век

конец XV века

носовая часть

конец XV века

Золото и закон

Четыре Великие Реки – по Библии, четыре реки, вытекающие из Эдема (Земного Рая): Фисон, Тихон, Хиддекель и Евфрат.

Великая Хартия Вольностей – соглашение между английскими баронами и королем Иоанном Безземельным, по которому были существенно ограничены права короля судить и казнить своих подданных по собственному произволу. Этот документ лег в основу английского судебного права.

Король Джон, иначе Иоанн Безземельный (годы правления 1199–1216), – английский король из нормандского рода Анжу, вступивший на престол после смерти своего брата Ричарда I Львиное Сердце. Местом притеснял народ, попирая феодальные привилегии дворянства, права горожан и рыцарей.

Генрих III (годы правления 1216–1272) – английский король, сын короля Джона. Наследовал корону девятилетним мальчиком. После его коронации была принята Великая Хартия Вольностей.

«Мы, евреи, издавна ждем прихода Царя и Законодателя» – ожидание прихода Мессии – царя-издателя, который принесет на землю мир и благоденствие, – важнейший пункт иудейского вероучения.

Раввин – иудейский священник.

Салауд-Дин (Саладин) – султан Египта и Сирии, правил в 1174–1193 годах.

Вечный Жид, Ахашверот (Агасфер) – согласно христианской легенде, человек, отказавший Христу в кратком отдыхе во время Крестного Пути на Голгофу и обреченный за то на вечные скитания.

королева дочери Генри II,
Франция.

Смеховский 100х 115мм
серебряная эмаль
Дисеиского, смископа
Зингерского, около 1367г.

Иоанн Безземельный

еврей-
кудцы
в тради-
ционной
средневе-
ковой одежде:
 меховые шапки,
 длиннополые
 картаны, от-
 деланные мехом

100х 115мм

